

Олег Верещагин Ох уж, эти детки!

Аннотация

То, о чём рассказано в повести, как говорится, ИМЕЛО МЕСТО БЫТЬ на самом деле. Почти точно в таком виде, как я это описал. Поэтому все претензии о недостоверности или выдумке на этот раз обращайтесь к окружающей нас реальности. Мне же остаётся только вздохнуть — ох уж, эти детки! Так держать!!!

Олег Верещагин ОХ УЖ, ЭТИ ДЕТКИ!

*Наш возраст такой переходный -
Не страшен любой переход!
Из подросткового туристического фольклора.*

*Благодарю Паику Зубкова,
ученика 8-го класса Кобяковской ООШ
Кирсановского района Тамбовской области,
который взял на себя тошнотворный и неподъёмный для меня труд
— перепечатать эту повесть на компьютере заново.
Кстати!
Все претензии за ошибки и оЧЕПЯтки, которые вам встретятся — к нему...*

ИЮНЬ 1612 ГОДА НА РУСИ — СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Глухой лесной дорогой, больше похожей на плохо наезженную тропу, над которой смыкались черно-зелёным пологом ветви дубов, двигалась затянута холстиной подвода, запряжённая одной лошадью.

Слева и справа от подводы, сзади и впереди, ехали, внимательно осматриваясь по сторонам, с дюжину стрельцов в зелёных кафтанах и в шапках с меховым околышем. Глухо постукивали по влажной конские копыта, озирались стрельцы, держа руки на рукоятках сабель и ложах пищалей. Ещё один сидел на передке подводы — у него пищаль лежала на коленях, два пистоля с замысловатым узором на длинных стволах — по бокам. Не переговаривались стрельцы, и от того то особо мрачным, призрачным почти казался маленький обоз среди весело звенящими птичьими голосами летнего леса.

Беда на Руси. Враг на Руси, а путь-то ещё далёкий — когда доберешься до Рязани, до её надёжных стен, из приворонинских диких лесов, где медведей больше, чем людей, а какие люди и есть... — те лихие... От шишей-свистунов стрельцы отобьются. Но гуляют по русским землям ватаги пана Лисовского, оставляя за собой след похуже бывшего татарского — сожжённые деревни, разграбленные церкви, убитых, помученных женщин с детишками... Вот почему выбрал сотник глухую дорогу, вот почему хмурился он, и залегла в последние дни между его бровей глубокая морщинка... И креститься сотник, качаясь в седле, вглядываясь внимательно в чашу — креститься, не за себя боясь, за груз, что прячется под холстиной на плотно подогнанной, не скрипучей стланине из досок...

Глухим топотом грянуло спереди, из-за лесного поворота. Вырвались из древесной стены двое стрельцов, пригнувшись к конским гривам, осадили коней. Седобородый воин

крикнул, не таясь уже, вытянув руку обратно:

— Лисовички, сотник! Много боле нашего! Сюда наметом валят, близко уже!

Залязгала сталь, туго защелкали взводимые курки. Помертвел лицом сотник и нагнулся с седла к испуганно глядевшему с низу вверх стрельцу на облучке, сказал негромко в молодое совсем безусое лицо:

— Уводи подводу, Кузька. В лес уводи, а мы уж... — не договорил, он потянул из ножен хищно изогнутую саблю.

Замотал головой молодой стрелец, прохрипел враз высохшим горлом:

— С вами я дядька Никифор...

— Уводи подводу! — рыкнул сотник так, что мигом разобрал поводья парень и начал разворачивать лошадь, не глядя на расступившихся стрельцов. А сотник строго добавил ему в спину: — На тебе теперь все, Кузька! Сохрани — то кровь и слезы людские....

Встали стрельцы поперек тропы. Изготовились.

Не успела скрыться в лесу подвода, как резануло спереди диким, гикающим визгом, жутким, чужим боевым кличем:

— Вива-а-а-ат!

И вскипел лес. Кинулись на дорогу десятки ярких всадников в высоких шапках, широких плащах-разлетах с жесткими воротами, разноцветных одеждах, желтых сапогах, вооруженные с головы до ног, размахивающие над головой саблями-корабелями так, что и клинков не видно — сплошное сияние...

Не дрогнули стрельцы. И в упор ахнули во врага дымным, кучным залпом дробового свинца-сечки. Покатились седел передние грабежники, но была то капля в море. Задние вихрем промчались над павшими товарищами и ударили на стрельцов своей силой. Закипела на дороге схватка — с конским храпом, людскими свирепыми выкриками, лязгом польской и русской стали...

Отчаянно рубились стрельцы. Да только много больше оказалось лисовичков. И вот уж один сотник Никифор стоит, прижался спиной к дубу, отмахивается саблей от

наседающих врагов... Не одного, не двоих — как бы не полдюжины свалил он наземь. Раздались лисовички, нацелились из пистолей, навели длинные стволы.... Плюнул сотник, да саблю поудобней перехватил, чтоб с оружием пасть, не выронив его после смерти...

— Этот мой. Разойдись.

Вроде как по-русски прозвучали эти слова, обращенные к лисовичкам (понимали они русский язык, похож он на польский), и к стрельцу. Но была в них какая-то чужая правильность, прилязгивание слышалось, будто сталкивались два клинка. Расступились лисовички, и увидел сотник идущего на него человека, на ляха-поляка вовсе не похожего. Был он с ног до головы в коже негнушейся, черной, вытертой — и перчатки до локтей, и сапоги по самые бедра, и грудь, и плечи, лишь белел вокруг шеи белый воротник-кружево. С непокрытой головы до плеч падали седые волосы, торчали под клювастым носом тонкие усы — в стороны до ушей, что два шила — топорщилась клином вперед острая узкая борода. Бугристый шрам рассекал правую щеку, в морщинах терялся аж на лбу.... Пяти шагов не дойдя до стрельца и слова не говоря, пружинисто присел седой на длинных расставленных ногах и ловко выкинув вперед в худой, жилистой руке длинную тяжелую шпагу...

И лязгнула, высекая бронзовые искры, русская сабельная сталь о золингенский германский клинок! Затанцевали среди мигом раздавшихся лисовичков бойцы!

Умело и страшно рубился сотник — словно и не сражался он перед этим с многими противниками, будто и не ведало усталости его тело. Свистела и мелькала сабля. Но снова и снова отбрасывал ее смертоносные удары клинок с оскаленной пастью волка, протравленной на лезвии. Словно из той же стали казался тощий шрамолицый старик, бог весть каким ветром занесенный в русские края заодно с ляхами — и великое, страшное, красивое умение жило в его руках.

Сотник и сделать ничего не возмог, не поспел. Будто балуясь, шлепнул седой левой ладонью саблю стрельца — отбил в сторону, и перчатки не поцарапал. Как в танце,

повернулся на журавлиных своих ногах — и змеиным броском из-за своей спины пробил сотника на вылет слева под ребра. Вырвал лезвие и отступил, подняв не сохранивший следов крови клинок перед суровым, бесстрастным лицом.

Не уронил сотник сабли. Постоял, качнулся. И упал навзничь, прошептав одно:
— Эх, Кузька-а.... не подга-адь...

ЧАСТЬ 1

"ЮК", ЛЯ-ЛЯ И ТОПОЛЯ

ГЛАВА 1

На золотом крыльце фигели...

Четырнадцатилетний Федор Гриднев (рост метр семьдесят четыре, повышенная белобрысость, характер среднерусский, стойкий) сидел на высоком крыльце их с отцом дома, выкрашенного «золотинкой» и стойко переносил удар судьбы, лишивший его верных боевых товарищей. Судьба как всегда подло была в спину чужими руками, как будто обучались у лучших восточных сэнсеев — как тут устоять честному боксеру?

Так получилось, что в первый день летних каникул Федор оказался единственным из компании тополиного ручья, кого не постиг домашний арест. Да и то, пожалуй, за отсутствием родителей. Отец собирался отсутствовать ещё неделю, не меньше. Мать отсутствовала так давно, что Федор ее не помнил.

Он вздохнул. Судьба она и есть судьба. С судьбой даже не спорили грозные скандинавские боги, навеки покорившие сердце мальчишки пять лет назад, когда он прочитал книжку "Астгарт и Асы". Воину остается делать только то, к чему обязывает честь, и верить, что она сохранена... В глубине души Федька считал себя викингем, хотя никому об этом не говорил, даже лучшим друзьям, томившимся сейчас в заточении...

...В тихом райцентре Изжевино отставной офицер Николай Гриднев появился с пятилетним сыном Федькой девять лет назад. Никто его тут не помнил, и соседи немного удивились, когда Гридневы «оккупировали» старый дом в центре запущенного сада, пустовавший уже пять лет после того, как умерли его прежние хозяева. И стали жить. Вскоре Николай купил "камаз"-фуру и начал зарабатывать на жизнь, гоняя грузы по всей Европейской России. Соседки-шушукалки приходили в ужас — бессердечный отец оставлял совсем маленького сына одного дома на недели! "Вот была бы мать..." — шептались они за спиной отца и сына.

Мать была, не клонировал же, в конце концов, себя Николай Гриднев, бывший старший лейтенант Советской и майор Российской морской пехоты, мастер спорта СССР по самбо и боксу и во всей отношениях настоящий мужчина и офицер. Была девушка, вроде бы даже полюбившая двадцатилетнего офицера и в 89-м году вышедшая за него за муж... Через год родился Федька. Ещё через год перестал существовать СССР, и славную морскую пехоту без единого выстрела вышвырнули с балтийского побережья под крики об «оккупантах» и «свободе»... И был барак на окраине гордого Санкт-Петербурга, где бушевала "новая жизнь" с миллиардными сделками, и нищенское жалованье... а потом — Чечня, и крест за мужество, и снайперская пуля под правую лопатку, и грязная статья в популярной газете — как свирепые убийцы в черных беретах расстреливали мирных детей и женщин в чеченских селениях... и разбитая журналистская морда, и снова статьи, и суд... Когда майор Гриднев вынырнул из этого мутного потока, то обнаружил, что больше не женат, а на руках у него — пятилетний Федька, требующий объяснить, куда ушла мама.

Тогда Николай написал рапорт об отставке, напоследок — для пушечного закрепления — избил журналиста еще раз, разругался с высоким начальством и, заплатив штраф, уехал на родину предков.

В Изжевино.

Если честно, Федька сам ничего из прежней жизни не помнил — все его связные воспоминания начинались в этом доме и в этом городке. Но когда кто-то начинал говорить, что, мол, жизнь у мальчишки не такая, как надо, он хмурил, а продолжавший разговор в этом ключе рисковал нарваться на грубость или драку. В самом деле, разъезжавший по Росси восемь месяцев из двенадцати бывший морской пехотинец каким-то образом сумел вылепить из сына почти идеал. Федька не курил и не выпивал, больше того — он не просто не делал этого, а открыто высмеивал ровесников, которые увлекались сигаретами и пивом, находя для них злые с смешные эпитеты. С семи лет экс-майор занимался с сыном боксом и самбо и учил стрелять из зарегистрированного для самообороны и охраны фуры самозарядного карабина «сайга». Читать Федька терпеть не мог до девяти лет, пока не познакомился...ну об этом позже. Школьное начальство отец Федьки шокировал тем, что хвалил сына за драки, а в ответ на обвинения в попрании педагогических принципов отвечал хладнокровно: "Федор первым ни к кому не лезет, а кто полезет к нему — сам виноват."

Впрочем, Николай Николаевич все-таки ошибался. Случалось, Федька начинал драку первым. Так случилось, например, пять лет назад, когда он, весело пиная сумку коленкой, возвращался теплым летним днем из магазина — и наткнулся на двоих ребят постарше, обтрясавших карманы Макса Ковалыка, о котором Федька знал только одно: Макс учится в параллельном классе. Ковалык слабо трепыхался, но вырваться не мог, а уж драться — там более потому что со стороны выглядел собранным из спичек...

Короче, это закончилось очередным разбирательством в учительской, и грозным — девятилетний Федя сломал нос одному пятикласснику и разбил колено другому. Под обморочное состояние педколлектива Николай Николаевич пожал руку присутствовавшему тут же Федьке, сказал «молодец», а на выходе довольно громко высказался о "клушах, которые делают из пацанов тряпки".

Максим подошёл к Федьке на следующий день и с пол минуты застенчиво сопел, глядя, как Федька раскрашивает обложку дневника. Федька и не помышлял о дальнейших отношениях с Максом, поэтому сильно удивился, когда Ковалык сипло спросил его, читал ли он, Федька, "Властелина Колец"? "Не-а, — без особого интереса отозвался Федька, и Макс опешил: "Не читал? Да ты же..." — он замялся, так и не сказав, что тогда неожиданный спаситель показался ему похожим на благородного и отважного Эомера(1.), который Максу нравился больше Арагорна(2.), но постеснялся, конечно, а вместо этого пригласил Федьку к себе.

Тот согласился, и с тех пор они не расставались. У Макса была только мать, решительная деловая женщина, владелица единственного в Изжевино магазина офисной техники — сына она любили, конечно, но как воспитывать — не знала, и его воспитание занялся Федька. Впрочем, в приступе самокритики, Федька признавался себе, что и Макс в какой-то степени его воспитывает. Он приучил Федьку к книжкам (именно от него Федька узнал о викингх и «заболел» ими) и здорово расширил его кругозор, научил работать на компьютере и познакомил с хорошей музыкой) раньше Федька просто не обращал на неё внимания). Ну а Федька вытянул Макса из «спичечного» состояния если не Шварцнеггера, то во всяком случае в ту стадию, на которой не стыдно снять майку, учил обращаться с оружием и бороться со страхом.

Так продолжалось три года, после чего дружба едва не рухнула из-за свирепой драки, возникшей по вечной причине. В класс Ковалыка пришла девчонка. Ее звали Сашка. Саша Климова. Мальчишки подрались на пятый день после её появления, когда Максим с отчаянной решимостью заявил, что, если Федька ещё раз ТАК посмотрит на Сашу, то... Происходил разговор у дома Саши. Сперва Федька был просто удивлён. Удивленным он остался и после первого удара, разбившего ему нос. Но после второго — в скулу — Федька взревел, прыгнул, сшиб лучшего друга на газон... и расцепились они только после холодного душа, внезапно пролившегося с небес и заставившего их откатиться в стороны, фыркая, отряхиваясь и удивленно озираясь.

Для тех, кто не читал эту книгу и даже не смотрел фильм — это персонажи эпопеи: 1. Полководец и будущий король страны Ристания. 2. Отважный воин и разведчик, король в изгнании и потомок древних властителей.

Саша, держа в руках опустошенное ведро, стояла над ними, с интересом рассматривая обоих.

Когда через две недели мальчишки, набравшись смелости и устав дуться друг на друга, признались Саше, в чем была причина драки, она хохотала не меньше получаса, а потом заявила, что мальчишки её не интересуют. В этом смысле не интересуют, а в других — очень даже, потому что девчонки все — трусливые глупые зануды. И если Федька с Максом не против...

Так их стало трое — двое мальчишек и Саша, единственная дочь единственной матери, следователя Изжевинского ГУВД, переведенного за неуживчивый характер их областного центра. А в середине той зимы к ним прибился Юрка Сусанин, который был младше наших героев на два года, но лишним не оказался. Каким образом прибился — было не очень ясно. Просто не было — и вдруг стал, что, впрочем было характерно для Юрки.

Кстати, он был единственным, у кого родителей был полный комплект и даже слишком. «Слишком» — это три младшие сестры, младший брат и два старших брата. Семья Сусаниных вызывало у других смешанное с оторопью удивление. Сусанин-старший — мастер золотые руки — полгода работал на частников, берясь за все: от установки новых заборов до возведения модных коттеджей, неплохо за это получал и тут же все пропивал (на это у него уходили следующие пол года), если только мать Юрки не успевала вытащить деньги из карманов его камуфляжа. Сама мать царствовала на большом приусадебном участке, в коровнике, курятнике и хлеву, в чем ей были обязаны помогать все дети, возражения которых пресекались в корне при помощи полотенца свернутого в жгут. В доме Сусаниных всегда царил гвалт, и особая атмосфера дружелюбного бедлама, гостеприимного и безалаберного. Даже если Сусанин-старший был пьян, он этой атмосферы не нарушал, потому что в пьяном виде никогда не скандалил, не дрался, не матерился и ник кому не приставал, зато обожал петь пионерские революционные песни, которых знал великое множество.

Эти четверо и стали основой «ЮК» а, который также знали как Команду Тополиного Ручья. К этой команде еще с разных флангов примыкал десяток пацанов и девчонок разного возраста и социального положения, но все началось с Федьки, Юрки, Макса и Саши в январе 2003 года, когда Макс прочитал в Интернете статью об отряде бургских подростков, который назывался «Юнгкомандо» и воевал против англичан в начале XX века. История молодых буров всем понравилась — и возникло название ЮК. Сокращенно от "Юнгкомандо".

Нельзя сказать, что «ЮК» ставил перед собой некие социальные, политические и культурно-просветительские цели. Как спела однажды на "золотом крыльце" Саша: "Как хотите, а у нас своя кампания — для гуляния, загорания, для на лыжах с гор катания, для ныряния, танцевания..." Это и было так. Но... То ли люди набрались такие. То ли Федька со своими (а точнее с отцовскими) разговорами о чести и справедливости так на всех действовал. То ли ещё что. Но ЮК "постоянно вступал в конфликты с доминирующей реальностью", как выразился в один прекрасный день под всеобщее уважительное молчание Макс. Ну сами думайте: одно дело, когда вы хулиганите и валяете дурака. А "конфликт с доминирующей реальностью" — это уже покруче. Тут уважать себя начинаешь. Так или иначе, но ЮК на самом деле нередко влезал в конфликты.

Этой зимой разразился грандиозный скандал. "Казус белли"(1.) подал, по словам Макса, мэр Изжевина, установивший на центральной площади игральные автоматы и с помпой их открывший. Под речи о благоустройстве и культурных мероприятиях (что автоматы принадлежат его теще, он умолчал). Автоматы проработали неделю, после чего монетные щели оказались наплотню залиты монтажной пеной, которую неизвестно кто и неизвестно как туда накачал. И все бы ничего, но в ту же ночь в городе на заборах появились

листовки с текстом, набранным алым по черному:

1. Повод к войне (лат.)

СОГРАЖДАНЕ!

ДОЛОЙ ОГРАБИЛОВКУ ИГРАЛЬНЫХ АВТОМАТОВ!

НАШ ГОРОД БУДЕТ ЧИСТ ОТ ЭЛЕКТРОННЫХ НАРКОТИКОВ!

ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА.

Вообще-то с листовка была идея Макса (принтер тоже его). Федор задумал акцию с пеной как обычную акцию возмездия за одного шестиклассника, который продул в автоматах шесть тысяч, украденные у родителей, а потом перерезал себе вены — его еле откачали, зато отца мальчишки сразил наповал сердечный приступ. Акция имела частичный успех — автоматы перенесли в павильон, приставили охрану, перестали пускать тех, кому не исполнилось восемнадцати, а на площади разбили фонтан. Милиция с недельку поискала хулиганов и плюнула на это, тем более, что мать Саши регулярно информировала дочь о ходе расследования, та передавала сказанное Федьке, а они с Максов вырабатывали линию поведения.

Весной в двух школах Изжевине с учащихся производили сбор "на благоустройство города", причем неплательщикам грозили санкциями в отношении родителей. На этот раз волну погнал Макс. Он встал и заявил, что платить не будет. Волна протестов прокатилась по всем классам. На совете школы Макса обвинили в жадности и непатриотичности в отношении своей малой родины. Макс обстоятельно разъяснил, что денег ему на родной город ему не жалко, а жалко денег на новые кабинеты, которые, по слухам, собираются отделывать для мэрии. Совет смутился; деньги сдали едва две трети учащихся. В магазин Ковалык зачастили проверки, но мать Максима "проявила гражданское мужество" (слова Федьки) и действия сына одобрила.

Через три дня после этой истории некая дерзновенная хакерская рука зверски испоганила гордость мэра — интернет-сайт со слащавым названием "Цвети, Изжевино родное!" Посетители сайта вместо хвалебных статей в адрес руководства посёлка и роскошных фотографий с парадными видами получали коллаж, где на фоне развивающегося знамени видны были профили Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и мэра, при нажатии на нос которого открывались страницы с фотографиями начальственных кабинетов, запущенных окраинных улиц и статьями, названия которых говорили сами за себя: "Бардак в музее", "Мэрская власть", "Шуми ночная жизнь!". Мэру поплохело. Из области приехала комиссия, на откуп от которой ушли немалые средства. Статьи были написаны добротным журналистским языком, так что мысль о подростках мэру в голову не пришла, а зря — если бы он почитал школьные сочинения Макса и Саши, он бы быстро вычислил авторов... Вирусный сайт до конца удалить не удалось — он выныривал то тут то там среди официальных материалов о благоденствии Изжевина.

К Дню Победы по инициативе администрации все на той же площади у фонтана собирались открыть Памятник Примирению, изображающий по-братски обнимающихся на фоне могильной плиты гитлеровца и бойца Советской Армии. Протесты общественности (неподалёку стоял другой памятник, на котором золотым по алому горели имена трёх тысяч горожан, не вернувшихся с Великой Отечественной) эффекта не возымели. ЮК протестовать не пытался. Но когда с памятника под гром оркестра стянули покрывало, то музыка сама собой скисла. Кто-то раскрасил гитлеровца в «маскуху», от чего он приобрел яркое сходство с солдатом современной армии США, а на постаменте написал кириллицей: "Дави его, дед!" Толпа ахнула — с этой надписью и в такой раскраске объятья напоминали бойцовский захват, причем боец Советской Армии явно "пережимал".

Памятник так и не смогли отмыть — те, кто его делал, схалтурили, и особая краска навечно впиталась в фуфловый гипс, покрытый «бронзовкой». Он стоял еще неделю,

вызывая общий смех своим нелепым видом, после чего был снят и увезён под покровом ночи, а на его месте взгромоздили круговую скамейку

Федька тяжело вздохнул. Да, все это (и многое другое) были славные дела. Но вчера они допустили прокол. И главное — вовсе не стремясь на этот раз хоть как-то задеть притихшего мэра!

Все знают, что вместе с маем заканчивается каторга, которая по недоразумению называемая "школьным образованием". ЮК решил отметить конец года на этот раз неброским, но важным экспериментом. Макс нарыл где-то схему жидкотопливной ракеты и разработал собственный спускаемый аппарат, связанный с катапультой и альтиметром(1.). По замыслу конструктора, на высоте километра катапульта срабатывала, выбрасывая блок кабины, в которой находится пилот-испытатель (здоровенная серая крыса, добытая Юркой, на шею которой присобачили ошейник с гравированной пластинкой: "Рекорд полёта — километр! Слава изжевинским крысам!"). Блок опускался, при приземлении раскрывался, крыса покидала его с триумфом. Сашка сперва сказала, что мальчишки звери, но, посмотрев на крысу, угрюмо сидевшую в клетке, изменила свое отношение к эксперименту и пожелала, чтобы парашют не раскрылся. Макс хмыкнул иронично.

Ракета с огромной алой надписью по борту «ЮК-1» стартовала рано утром 31 мая 2005 года. Наблюдательная группа, собравшаяся на крыше дома Гридневых с биноклями видела, как ракета уверенно набрала половину расчетной высоты, после чего величаво изменила курс и помчалась к земле с неотвратимостью американской ракеты, атакующей пещеры Тора-Бора в Афгане. Наблюдатели, не в силах отвести глаз от роковой картины, без комментариев и даже мыслей созерцали, как «ЮК-1» карающим мечом справедливости поразил сад коттеджа мэра. Поднялось дымовое облако...

— Крысу жалко, — сказал Юрка. — Ну, что будет!!!

Это оказалось слабо сказано. Вообще-то, как выяснилось, в саду дело и ограничилось той вспышкой — сгорели остатки горючего. Но от удара сработала катапульта. И в открытую форточку, за которой стоял мэр, повязывавший на себя галстук (по отзывам очевидцев, у него в этот момент был вид человека, решившего повеселиться) влетел блок кабины. Рухнул на письменный стол. Раскрылся. Из него вышла обалдевшая, но непокорная крыса с надписью, хорошо видной на ошейнике. Крыса тяпнула мэра за галстук и деловито скрылась где-то в доме.

Её сопровождал бабий визг "отца города"...

...Самое странное, что дело кончилось штрафом. Но это в отношениях с мэром. А для ЮКа это обернулось домашним арестом — даже мать максы, обычно вообще не понимавшая, что делает в ее доме какой-то мальчишка, называвший себя ее сыном, пошла на применение санкций. Поэтому утром 1 июня 2005 года Федька Гриднев сидел и офигевал на крыльце один.

Орлогс(2.). Судьба.

1. Прибор для измерения высоты. 2. С древнеисландского это слово переводится как "изначальный закон"

ГЛАВА 2

DOOM по-изжевински

Калитка открылась и вошел Макс. Федька находился в таких угнетённых чувствах, что даже не удивился появлению угнетенного друга — подвинулся, давая место и спросил:

— Чипсы будешь?

— Угу, — угу также скорбно ответил Макс. Федька указал за спину; Макс исчез и через пару минут вернулся с большим пакетом «Lays», который поставил между собой и Федькой.

Минут десять мальчишки прикладывались к пакету, потом Федька сказал: "Да-а...", поднялся и вошел в дом, чтобы вскоре появиться с другой стороны дома с двумя длинными шестами в одной руке. В другой он нес новодельную копию европейского меча X века. Прислонив шесты к крыльцу и повесив на них пятнистую безрукавку, Федька по-боевому перехватил меч и молча, размеренно, словно выполняя надоевшую, но необходимую работу, закружился по двору. Это был странный танец, ничуть не напоминавший работу с мечом в китайском у-шу или японском кэмпо — Федька не принимал красивых поз и не делал ненужных движений. Только пел воздух, рассекаемый сталью, да повисали в воздухе на миг размазанные полосы ударов. Минуты через две, отложив меч, Федька подхватил шест и перебросил второй Макс. Тот, зажав палку коленками, стянул фирменную майку и ловко выпрыгнул через перила, в прыжке перехватив шест обеими руками. Но как раз в тот момент, когда друзья готовились вступить в схватку, калитка открылась во второй раз.

Пришла Саша.

— Я гляжу, на арест все наплевали, — заметил Федька, вместо удара ставя шест на носок кроссовки. — Не слишком ли нагло?

Саша хрустнула чипсом и сделала знак ладонью. Макс, перебросив ей шест, пожал плечами:

— Ну, определённый элемент наглости тут есть. Но дома никого нет, а честного слова я не давал. Поэтому счел возможным покинуть место заключения.

— Так, — Федька прокатил шест по руке. — Александра?

— А я просто сбежала, — независимо ответила девчонка. — Мать сказала, что выпорот, если хоть шаг сделаю за порог. Посмотрим — все-таки новые ощущения... Ударимся, вождь? — она хрустнула вторым чипсом и, соскочив с крыльца, приняла стойку, делая легкие выпады то одним, то другим концами шеста. Светлые волосы, собранные в хвост на макушке и широкий браслет на правом запястье придавали Саше воинственный вид.

Но и на этот раз схватке не суждено было произойти. Пока Федька и Саша готовились, Макс, бросивший взгляд на высокий забор, подавился чипсом и замер, моргая глазами. Потом нерешительно сглотнул и сказал:

— Э...

Получилось достаточно громко. Федька и Саша, посмотрев друг на друга, проследили взглядами направление его изумления — и тоже остолбенели.

На заборе — метрах в десяти от калитки — сидел тяжело дышащий Юрка. само по себе это не могло удивить — кипучий разум Юрки, конечно, мгновенно просчитал: пробежать десять метров до калитки — секунда, открыть — еще одна, войти — ноль пять секунды; взлететь на забор — полторы секунды, на тридцать процентов быстрее. Удивляло то, что Юрка был не только босиком, но еще и одет в какую-то невообразимую хламиду, намотанную на него на подобие римской тоги. Юрка никак не мог отдышаться, и этим воспользовалась Саша, пришедшая в себя первой:

— Ты, что в кришнаиты записался? — с вкрадчивым ехидством спросила она. Юрка сделал какое-то движение взлохмаченной русой головой, которое можно было расценивать как «да», «нет», пожелание долгой жизни и предложение проваливаться к черту, — "Тятенька, купите книжку в поддержку Кришны! — Да я, милки, в Кришну-то не верю... — Тятенька, а Кришне это по фигу, вы книжку купите!"

— Мамка всю одежду забрала, — пояснил Юрка, оставаясь в прежней позиции, — Влупила полотенцем, и заперла наверху в нашей комнате. Сказала: буду до вечера сидеть и оставшуюся картошку перебирать. Я перебираю сию, в окно смотрю, увидел, шторку, из окна выпрыгнул и сюда!

— погоди! — Федька взялся за подбородок. — Ты что, так через пол города бежал?

— Ну, — энергично кивнул Юрка.

— Нас с ним в дурдом заберут, — угрюмо сказал Федька. — Прямо по улице бежал, что ли?

— Нет, по воздуху! — разозленный тем, что старшие его то и дело перебивают, Юрка

сделал движение, словно хотел взмахнуть подолом своей «тоги», но покосился на Сашу и передумал. — Я же говорю, сижу! Перебираю! Вижу!

— Ты когда последний раз ноги мыл? — снова вмешалась Саша.

— Микробы от грязидохнут, — отмахнулся Юрка, ловко спрыгивая вниз. — Я вам что говорю: пилят!

— Удивил, — Макс пожал плечами. — Пилят, а ты чего хотел? Нас всех пилят, кроме вон Федьки. Да и то, я сильно подозреваю, что у него ещё все впереди.

— Да не то! — завопил выведенный из себя Юрка. — Тополя пилят! Тополя! Понимаете?!

Через десять секунд во дворе остался только он.

Калитка медленно закрывалась....

...Тополиный Ручей получил свое название, когда строили Изжевино. Вдоль одного из ручейков, несшего свои воды в Ворону, те, кто строился на его берегу, сохранили кайму из старых тополей, раскидистых, тенистых и кряжистых. Позже мимо тополей проложили пешеходную тропинку, а еще позже Тополиным Ручьем стали называть улицу, нависшую на откосе над тропинкой.

Тополя любили все. По крайней мере, все, кого знал ЮК. Даже алкаганы в тени тополей переставали выяснять, кому сколько наливать и становились слегка похожими на себя лет десять-двадцать назад, когда они под этими тополями гуляли со своими будущими жёнами — еще не располневшими и замотанными жизнью «стервами», а весёлыми девчонками в «мини-юбках». Поэтому мысль о том, что тополя могут срубить, просто не укладывалось в головы.

Но это было правдой. Небольшая толпа негодующих взрослых и молчаливых детей и подростков наблюдали за тем, как восемь человек с бензопилами, огородив место побоища "официальной лентой", расправляются с пятым по счету гигантом. Своей очереди ждали укладчик и трактор с платформой. Пузатенький типчик в новеньком рабочем жилете наблюдал за происходящим с важно-озабоченным видом и по временам передавал бессмысленные, но исполненные чувства собственной значимости команды. ЮК его хорошо знал — это был глава комитета мэрии по благоустройству.

Вопреки той стремительности, с которой трое друзей покинули место сбора в федыкином дворе, они отнюдь не сразу помчались на берег. Макс заскочил домой за видеокамерой. Саша — за мобильником, по которому вызвала друзей и союзников, так что Федька дождался на берегу уже дюжину разгоряченных бегом и решительно настроенных мальчишек и девчонок.

— Это что? — насторожился толстячок, увидев, что тощий мальчишка наводит объектив на происходящее. — Что это, я спрашиваю?!

— Это видеокамера, — любезно объяснил Макс, не отрываясь от съемки. — Я запечатляю ваше варварство для потомства.

— И очень хотелось бы знать, кто все это разрешил, — добавил Федька, хотя уже знал ответ: толстячок помахал в воздухе папкой с застёжками и победоносно сказал:

— Все разрешения получены в положенном виде и законном порядке. Мы же не собираемся оставлять тут голое место, понимаем — экология. Тут посадят новую аллею, только это — пирамидальных. Без пуха, от которого такие, как вы, — и он протянул указующий перст в сторону подростков, — пожары устраивают.

Ход был сильный. Но над притихшими ребятами зазвучал голос Саши:

— Ага, понавтыкают крысиных хвостов с корявыми ветками — одно название, что тополя! А от этих, между прочим, никакого пуха и не бывает, это же мужские экземпляры!

Толстячок заморгал глазками — он явно впервые слышал, что бывают тополя мужские и женские. Зато рабочие захохотали, с их стороны послышались похабные шуточки насчет мужских и женских деревьев и всего такого. Федька стиснул зубы. Отец несколько раз говорил ему: "Федор, запомни, нет на свете ничего хуже смеха над серьезными вещами. Эти занятия для тех, у кого рабская душонка и интересы дождевого червяка." Поэтому ржание

его разозлило. А толстячок между тем, ободренный поддержкой, перелез через ограждение и направился к Максиму со словами:

— Давай-ка сюда камеру... — и столкнулся с Федором. Светловолосый мальчишка безо всякой угрозы посмотрел на главу комитета сверху вниз и вежливо спросил:

— Вы на самом деле хотите забрать у Максима его собственность? Я бы не советовал вам это делать, честное слово.

Толстячок открыл рот... и полез обратно. Он бы и сам себе ни за что в этом не признался, потому что это было глупо и смешно, однако в какой-то момент он ИСПУГАЛСЯ. По-настоящему испугался, когда поглядел в глаза мальчишки.

Саша между тем, окончательно выведенная из равновесия зрелищем непрекращающегося беспредела, продолжала звать к рабочим:

— Ну взрослые же! Как вы не понимаете, этим тополям, может быть, по пятьсот лет! Ну ведь не только нас, даже города нашего не было, а они уже росли! Какое же право мы имеем их пилить просто так, без нужды?! Нам что, дома строить не из чего, или печи нечем топить?! Зачем?!

— Постояли пятьсот лет — и хоре, — парень лет 20 в комбинезоне на голое тело примерился гудящей пилой к еще стоящему дереву, — пусть теперь молодые постоят... опа!

Лента с визгом вгрызлась в тополь. Федька увидел на глазах Саши слезы и напрягся. Он не был таким уж ревностным древолюбом... но эти тополя помнил, сколько себя, а главное — сколько раз по вечерам он тут пробегал и думал о... в общем, думал. И что же теперь — все?

А Саша, похоже, уже не в силах была думать. Она нырнула под ленту и, подскочив к парню, попыталась выхватить пилу из его рук.

— Куда лезешь, — равнодушно отозвался тот и оттолкнул Сашу. Может, не так уж и сильно, но девчонка запнулась о поваленный ствол и полетела наземь, вскрикнув от удара плечом об пень.

Через две секунды парень, выпустив истошно завывшую пилу, молча покатился по опилкам и вытоптанной траве, закрывая лицо руками — кричать он не мог от скрутившей все его существо боли. Никто толком не понял и не увидел, как Федька, тремя прыжками преодолев расстояние, быстро и безжалостно ударил рабочего в глаза и углы рта расставленными пальцами, и теперь замер над ним, похожий на оскаленного пса.

— С девчонками воевать?! — хрипло и страшно произнес подросток чужим голосом: — Задаблю, гад!

— Наших бьют! — заорал кто-то из рабочих заполошно, пилы взревели в руках уже с другой целью, в толпе кто-то ахнул, закричали женщины. Вокруг ядра ЮКа молниеносно сплотились сочувствующие. Но пожилой рабочий, который всё это время не пилил и не участвовал в перебранке, крикнул:

— Да вы чего, мужики?! На пацанов с пилами?! А ну!..

Все опомнились. Только кто-то сказал:

— Да это... он же Лёху изувечил...

— Цел ваш Леха, — Федька отступил за ограждение. — Глаза побоят, и голова. А может и голова болеть-то не будет — нечему там болеть...

— Немедленно покиньте место работ по благоустройству! — фальцетом заорал толстячок. — И будьте уверены, что о вашем поведении будет сообщено родителям и по месту учебы!

— А как твои с пилами на детей хотели броситься, — слышалось из толпы, — куда сообщать будем?

Толстячок поперхнулся и не возникал больше. Макс, переставший снимать, помог подняться Саше, спросил встревоженно:

— Сильно ушиблась? Саш, сильно?

— Ерунда, — Саша смахнула с глаз злые слезы, обожгла взглядом рабочих и пошла прочь. За ней молча потянулись остальные ЮКи. Пожилой рабочий несколько секунд

смотрел им вслед, потом вдруг плюнул, бросил пилу и зашагал прочь. Его окликнули:

— Николаич, ты куда?!

— А никуда, — на ходу бросил он, — увольняюсь я к... — остановился вдруг и, обернувшись, ожесточенно сказал: — Живем — как в гостинице, ночь переночевали — и ладушки! А они, — он ткнул в сторону спиленных тополей, листва которых, зеленая и веселая, была уже неживой, — они, может, и правда еще Петра Первого видали! И-их-х, лю-уди-и!.. — со злой тоской заключил он и решительно двинулся дальше. Молодой белокурый парень в тельняшке, обтягивающей мускулистый торс, секунду размышлял, потом что-то пробормотал и пошагал следом за пожилым, окликнув:

— Николаич, погоди, я с тобой!

Остальные рабочие повинувшись командам толстячка, разобрали бензопилы.

За всем этим никто не заметил, как возле берега ручья, около спиленных тополей, мелькнула мальчишеская фигурка....

ГЛАВА 3

Держитесь подальше от торфяных болот...

— Да, все ничего мы уже не сделаем, они через час все допилят, а через два уже чисто будет.

— А через неделю устроят субботник и выставят пирамидалки, — продолжил мысль сидящего в кресле Федьки устроившийся на верстаке Макс.

Саша разговор мальчишек не поддержала. Она сидела на старом диване, зло сузив глаза, и дышала сквозь оскаленные зубы.

Кроме них троих никого в штабе ЮКа не было....

...Когда Гридневы только приехали сюда, отец показал Федору тропинку, ведущую меж разросшихся и в конец одичавших малиновых зарослей к затаившемуся среди них старому сараю из серых досок на кирпичном фундаменте. Федька помнил, что на двери сарая висел большой ржавый замок, и отец сказал с какой-то грустью: "Надо же... — и полез в щель за притолокой, а потом обернулся и сказал ещё: — Федь, у меня пальцы не пролезают, давай-ка ты..." — и поднял сына к притолоке. В щели Федька нашарил ключ.

С тех пор он здорово вырос и сам доставал до щели. Но помнил, как страшно изумила его еще одна мысль — что отец был когда-то пацаном, чьи пальцы вполне пролезали в промежность между доской притолки и обшивкой. Потом он не раз думал о том же, когда наткался то на пачку блеклых черно-белых фоток в ящике старого стола, то на стопку завалившихся за древний сейф журналов, то на вкрьив и вкось написанную записку, сунутую за плакат с древним певцом Николаевым: "Колька, мы ушли на речку!" — адресованную его отцу.

Появившиеся позже друзья вполне разделяли Федькины чувства и, превратив сарайчик в штаб (а точнее — вернув ему прежнюю функцию), ничего не выбрасывали и переделывали. Приметы первого десятилетия XXI века мирно соседствовали тут же с раритетами 70-х годов века XX, и это всем нравилось, как нравилось думать о странном времени, когда не было компьютеров, в школах носили форму и красные галстуки, пели живые «Битлз», а милиция ловила тех, кто торгует джинсами, которых почему-то не было в магазинах.

Макс даже написал небольшую фантастическую повесть о том, как ЮК попал в те времена. Повесть одобрили в штабе, и Макс, размножив ее на принтере, распространил по школе в количестве сорока экземпляров. Так тоже всем понравилось...

Когда были каникулы, в штабе засиживались за полночь и куролесили вовсю — благо, тут никому не мешали. Собирались зимой — тут имелаась печка, была керосиновая лампа... Впрочем куролесили далеко не всегда. Нередко — особенно, когда их оставалось четверо, как сейчас — находило задумчивое, то мечтательное, то грустноватое настроение. Тогда сидели тихо, негромко разговаривали, пели под Федькину гитару или просто молчали.

Но сейчас было не то.

В знак того, что разговаривать больше не о чем, Федька достал записи о прошлогоднем походе в хоперские леса и, скрестив ноги в кресле, начал их пролистывать. С большого цветного постера через плечо Федьки сурово смотрел небритый Эомер в хвостатом шлеме с нащечниками и гребнем в виде конской головы с развевающейся гривой. Макс придвинул к себе кассету арбалетных стрел и начал их перебирать, внимательно осматривая оперения. За его занятием наблюдал черно-белый Высоцкий-Жеглов в кожаном плаще с поднятым воротником. Лицо Жеглова было хмурым и неодобрительным.

— Значит, так ничего и не будем делать? — опасным тоном спросила Саша.

— Можно покрасить забор дома мэра в розовый цвет, — предложил Макс. — Еще можно

развесить по городу листовки. Много чего можно, вплоть до поджога мэрии — у меня есть отличный рецепт "молотовского коктейля". Объективно нельзя только одного: каким-либо образом спасти тополя. К сожалению их гибель является свершившимся фактом.

— Умник, — Саша сникла. — Федь!

Федька отложил разрозненные лохматые листки, потянувшись сказал:

— Нужда грудь сжимает,
хоть сынам человеческим
бывает и в помощь,
и даже в спасение,

если знать о ней вовремя... Трактование руны «нид» из "Древнеанглийской рунической поэмы. Мы ничего не знали, так что теперь... — он пригнулся и пустая коробка из-под фотоплёнки невесомо стукнулась о шлем Эомера. — Мимо.

— Ладно, — Саша шмыгнула носом и, спихнув с ног кроссовки, устроилась на диване удобнее. — Макс, что ты там говорил о заборе в розовый цвет?

— Ничего, — Макс отложил стрелы. — Если бы у нас были хорошие деньги, мы бы могли, например...

— Заказать мэра, — хмыкнул Федька. — Свежая идея. На его место немедленно влезет такой же.

— Или хуже, — добавила Саша.

— Нет, — Макс покачал головой. — Могли бы, например, разбить на пустыре вне городской черты парк. На том месте, где был колхозный сад.

— Да, это было бы неплохо, — произнесла Саша. — Но это мечты, Максик. Таких денег не существует в природе.

— Можно печатать фальшивые доллары, — предложил Макс серьёзно. — Я нашел интересную программу в Интернете...

— О-о-о-о.... - застонала Саша.

— Потом арест, суд, колония... — задумчиво произнес Федька. Макс поднял ломкую бровь, чем-то похожую на него самого:

— Ты так боишься колонии?

— Нет, но обидно будет сесть за фальшивые доллары, — откликнулся Федька.

— Я понимаю, мы все там будем, но уж за что-нибудь стоящее. За покушение на министра образования, например.

— Неудавшееся, — вставила Саша.

— Ну почему... — пожал плечами Федька. — Или за осквернение туалета на Красной Площади...

— Хватит трепаться! — взвилась Саша. Но в этот момент в штаб ворвался Юрка.

— Во! — Макс вскочил с верстака. — Ты где был-то?!

Юрка схватил со столика бутылку минералки и присосался к ней, шумно булькая, пыхтя, глотая, проливая половину себе на грудь. Старшие наблюдали за ним с доброжелательным интересом. Свою оранжевую тогу Юрка где-то оставил, по-прежнему был босиком, но, по крайней мере, в спортивных шортах — Федькиных, впрочем, великоватых ему вдвое. Скорее всего, он подхватил их с веревки для сушки белья на заднем

обросла деревом...

— Да там бумага внутри! — Юрка отклонил голову и провопил это на редкость громко. — Ну вы, что не видите?!

— Видим, — хладнокровно отозвался Макс (капли пота на его лбу опровергали его хладнокровный тон).

— Ей может тыща лет! — стонал Юрка, уворачиваясь от Федьки, который и не думал его «затыкать», потому что сам заинтересовался происходящим.

— Не может, — Макс вертел натруску в руках. — Бумага в наших местах появилась всего пол тысячелетия назад. И порох тоже чуть раньше.

— Макс, ну открывай же! — не выдержала Саша.

— Её не открывать, а вскрывать надо, — Макс залез под болтающуюся майку и достал «соболь». — Вообще-то жалко. она вон с рисунками какими-то.... Вскрытие показало — пациент умер после вскрытия... — он вздохнул и решительно, но осторожно распорол истонченный временем бок натруски — по спаянному шву, а не как-нибудь. Трое остальных друзей подошли вплотную и в полной тишине наблюдали, как Макс аккуратно разворачивает металл, поддававшийся его пальцам, как жель. Там, где осыпалась ржавчина, становились видны рисунки: сплетение трав и листьев, превращавшиеся то в фигуру стремительно мчавшегося оленя с загнутыми за спину рогами, то в тигриную морду...

— Клад, — выдохнул Юрка. — точно карта клада...

— Это не бумага, — без особой опаски Макс достал рулончик серого цвета с лохматыми краями. — Это ткань, почти целая...

— Разворачивай! — не хуже Юрки не выдержал, завопил Федька. — Ну не тормози же!

— Все равно надо осторожно... — поучительно возразил Макс, разворачивая на верстаке кусок ткани размером примерно А4, покрыты неровными строчками вычурных букв, написанных почти без разделения на слова. Сунувшийся было с воплем: "Клад!" Юрка отстранился и недовольно буркнул:

— Ничего не понятно... Что же теперь делать?

— Теперь надо идти ко мне домой, — решительно сказал Макс, — и включить программу «Кириллица». И через пол часа мы будем знать точно, что тут написано.

— Ну так пошли! — завибрировал Юрка, но Федька придержал его;

— Тащи свою шторку, — строго сказал он, — нечего ей на наших веревках болтаться.

* * *

В те дни, когда дружба четырёх ребят стала свершившимся фактом, они предприняли смелую попытку подружить своих родителей. К сожалению, это начинание провалилось, и причиной, как определил Макс, было "социальное неравенство, которого мы не ощущаем в силу возраста".

Гриднев-старший, в прошлом офицер, а ныне дальнбойщик, не любил ментов и предпринимателей-перекупщиков, а пьющих людей сторонился.

Ковалык-старшая, предприниматель-перекупщик, ненавидела пьющих мужчин, опасалась милиции и не знала, как себя вести с "простыми женщинами".

Капитан Климова считала, что пить и иметь детей — аморально, подозревала всех предпринимателей в противоправной деятельности, а мужчин вообще считала сволочами.

Сусанин-старший недолюбливал трезвенников, терпеть не мог предпринимателей и сторонился ментов. Его жена просто считала просто местными людьми тех, у кого меньше трех детей и кто не имеет огорода минимум пять соток.

Короче говоря, дружба домами и семьями провалилась. Но знакомство все-таки состоялось, и одним из его результатов было то, что все четверо наших героев без каких-либо осложнений могли бывать дома у своих друзей. Предпочитали они, впрочем, проводить время в штабе или еще где-то — может быть по тому, что в глубине души все-таки понимали: уж очень разные у них дома и семьи...

...Полутороетажный (внизу гараж и кладовки) дом Ковалык стоял за декоративным забором и выделялся среди соседних жилищ современным внешним видом. Охраны при доме мать Макса не держала, поэтому дом встретил всех четверых полной тишиной. Федька часто спрашивал себя, каково тут Макс в одиночестве? Их с отцом дом, доставшийся по наследству от отцовских родителей, тоже был немаленьким, но никогда не производил впечатления чистого, ухоженного и стерильного склепа. Федька думал об этом смутно и неясно, но где-то догадывался: Макс не очень-то счастлив дама. Нет, мать его, конечно, любила. Ни в чем не отказывала (настолько ни в чем не отказывала, что оставалось удивляться, как Макс сохранились скромные запросы и не превратился в избалованного и высокомерного мерзавчика) — но... Федька по многу месяцев не видел своего отца, но никогда не ощущал себя одиноким. А Макс со своей матерью жили словно бы через прозрачную стеночку, невидимую и... и непробиваемую.

Однако сейчас мощный компьютер Макса был очень кстати. Вооружившись банками с лимонадом (колы, фанты, и пепси в своей компании среди ЮКов, Федька настрого запретил под угрозой кулачной расправы), все расселись вокруг навороченного стола и почтительно наблюдали, как Максим, включив аппаратуру, размещает на сканере тканевый лоскут. По черному экрану мельтешили золотые вычурные буквы старинного алфавита, то группируясь в слова, то рассыпаясь — работала программа "Кириллица".

— Домотканый лен, — сказал Макс, не поворачиваясь — его плечи под майкой были подняты и окаменели, выражая крайнее напряжение, — возраст больше полутысячи лет... Вот это находка, ребята!

— А что было пол тысячи лет назад? — тихонько спросила Саша, толкнув локтем Федьку. Тот задумался, потом ответил:

— Смутное время... Безвластье всякое, поляки, шведы, бандиты.

— Короче, как сейчас, — подвела итог Саша. — Это я вспомнила. Потом пришли Пожарский и Минин и спасли Россию. Тогда еще первого Романова на престол посадили.

— Есть, — Макс расслабился и нажал «печать». Принтер под столом щелкнул, загудел, из щели один за другим несколько листов с распечатанным текстом. — Вот. Программа буквы перевела, а всякие там обороты, словечки — не все, так что вникайте... Читать?

— Нет, в туалет с ними сходить! — взвился Юрка, сминая пустую лимонадную банку жестом супермена, завязывающего узлом рельс.

— Это успеется, — непрошибаемо ответил Макс. — Слушайте и не перебивайте... — он кашлянул и начал читать...

...Пишу я, раб Божий Кузьма, в лето 7120-е. великим поспешением пишу, кровью своей вместо чернил-то — смерть чую неминуемую, а обсказать надо... С жизнью оставаться нет охоты, хоть волком вой. И горько мне, что не довел я до конца дела великого, важного, что на мне одном осталось.

Было нас десяток и еще пять стрельцов городской сотни с сотником нашим Никифором Бучиным. и везли мы, грешные, воронинскими чашобами казну, людишкам местным, охотникам до поселянам, сборную по зову Кузьмы Минича Сухорука на отражение ляцкой напасти, везли в Рязань-город. Велика казна, я столь грошей за всю жизнь и умыслить не мог, а нас мало. И ехали с великим бережением и с молитвою, потому слышно: ватага лисовичков по нашим местам рыщет, аки воли след вьют, ходят, может, казну нашу прослышали. Так правдой и оказалось. Третий ден пути лесной дорогой налезли на нас ляхи куда боле сотни. И товарищи мои смертный бой приняли, а меня, несчастливца, Никифор Бучин отринул от честной смерти и послал в ухорон с казной. не хотел я уходить, да сотник приказом приказал. Ехал я и слезами плакал, стыда не боясь, что неволей братьев покинул. А по вечеру был я в обрат и видел их порубленных смертно, и лисовички над их телами ругались, раздев, и мертвых за ноги к деревьям прибили, а коих взяли под ранами, числом трое, у тех на грудях костры жгли и свинец расплавленный во рты лили, казны домогаясь. И их я тако же видел, нагих, изувеченных, и неприбранных обычаем. И дядьку Никифора видел поколотого, и внове плакал, а опосля пошел лесом один — с подводой, лошадью, да казной.

А шел я, раб Божий Кузьма, лесом два десятка ден, да еще ден сверх, великим опасением, шел, где один диекий зверь ходит. И ел ежа, и змею ел, и всяку нечистую ядь, что православному есть невелено, ел по тяжкому голоду, и без сна вовсе измучался — темным временем лежу под подводой, с пищали руки не снимаю; сучок в лесу вздрагнет — а мне чудится, убогому: подбираются недобрые люди. А от тех воровских лясцких людей были мне доука и опасение, так что и вздохнуть немочно иным временем. Пуше смерти страх был — сгину, и сгинет со мной казна немалая, что людьми нашими на доброе дело по грошику собрана. Еду лесом, а сам-то молюсь: дай, Господи, сгинуть, а то ведь встану на том свете перед товарищами полегшими, будут они мне в глаза плевать, а я утереться не осмелюсь, раз не сберегу богатства для дела нашего... А беси-то так и выются вокруг, так в ухо шепчут: бросай путь, заворачивай куда-нито, с той казной проживешь боярином, безбедно,

сыто да в роскоши! Сплюну им в харю за плечо, перекрещусь, да и дале еду.

Да вот видно и не доехать мне. Вчерашним-то днем стрелили по мне из пищали скровзь листву на броне, и вошел свинец мне в бок — глубоко-т. А следом лясцкие воинские люди числом четверо из лесу на меня псами злыми кинулись. Взмолился я Господу, и дал он мне силу: стрелил я по ляхам тем из пищалей, из обоих пистолей, и двух до смерти застрелил. А другие двое налетели на меня, и саблями по голове били, и по рукам, коими закрывался, и отсекали мне клоч кои с волосом да ухом левым, и персты на шуйце отняли. А я, сирый, боли не вчувствовал, и бок-то зажал рукавом, и стоял, и саблей от нбих с подводой отмахивался, и одно кричал: "Господи, помоги!" И внове Господь дал мне силу, и срубил я людишек лясцких до смерти. А после нутро изверг и без разума упал, и лежал долго — так-то тягостно было людей живых саблями пластать... Прости их Господи, как простил врагов своих, ибо и эти не видели, что творили, и сгинули на чужой земле — пожалей их.... А мне идти дальше вовсе немочно. Схороню казну, пока есть какая сила, да и поеду легко к людям — даст Бог, выберусь к православным, и им передам грамотку эту и тайну великую и путь обскажу. А коль и того не возмогу — спрячу грамотку где-нито. Простится ли мне — не ведаю, а только что мочно было — сделал я, теперь же сил не стало, видит Бог, и простите мне грех мой, братия убиенные. Мне ответ держать, не довез я казну. Помоги, Господи, к людям выйти и слово сказать единое, а там бери меня к себе. Как будет светлый государь на Руси, так он отца моего и мать, и сестер младших защитой не оставит. Горько, что не увижу их более. Умираю я, раб Божий Кузьма сын Иванов, шестнадцати годов отроду, за Русь, за веру православную. Худым словом не поминайте. Русскую землю Бог от напастей спасет. Аминь....

... В комнате Макса наступило полное молчание, только сердито и асуплено сопел Юрка. Всем четверым живо представился дремучий, лес и окровавленный человек, почти их ровесник, сидящий на телеге. Вот он выводит последнюю строчку — своей кровью на клочке ткани, отпоротом от рубахи — мутным, пропадающим взглядом смотрит по сторонам и, придерживая бок замотанной тряпкой рукой, сползает с подводой. Стоит, покачиваясь, потом берет лошадь под уздцы и ведет в чащу. Он так и не доберется до....

— А ведь он погиб... — каким-то тонким, незнакомым мальчишкам голосом сказала Саша и отвернулась к стенке, провела по ней пальцем.

— Это было давно, — хмуро ответил Макс, перебирая листки распечатки.

— Но ведь это было, — заметил Федор. — Здесь было. ЗДЕСЬ.

— Надо найти этот клад! — подал голос Юрка. Старшие воззрились на него, и он, удивленно ответив им таким же понимающим взглядом, повторил: — Надо найти этот клад и построить парк, а в нем памятник этому стрелцу. Тогда все будет честно, и он попадет в рай, разве нет?

— А ведь устами младенца глаголет истина, — заметил Макс, и Юрка так просиял, что пропустил мимо ушей «младенца». — Тем более, что на обратной стороне есть схема.

— Так распечатай ее, что сидишь?! — рыкнула Саша. Макс пожал плечами:

— Уже.

...Позже Федька ругательски ругал себя за то, что понадеялся на штаб, оставив в нем

записку, натруску, и даже распечатки. Когда вечером ЮК — уже в полном составе — собрался у Гридневых, верстак был пуст. Конечно, в компьютере Макса данные оставались, но оставался и тот факт, что ученым, властям, вообще кому бы то ни было, предъявлять было нечего. А текст на компьютере можно набрать любой.

История оставалась еще более загадочной и печальной от того, что к верстаку сбоку была пришпилена канцелярской кнопкой записка довольно таинственная, хотя и современная. Вырезанные из газеты буквы, наклеенные на липкую основу для ценников, гласили:

ДЕРЖИТЕСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ ТОРФЯНЫХ БОЛОТ.

ГЛАВА 4 ЙОУ, В НАТУРЕ

По мнению Женьки Звягина Жизнь была устроена несправедливо, но вполне объяснимо.

Без денег жить плохо. Есть люди, у которых денег много, есть — у которых мало. Те, у которых их много, эти деньги украли, потому что честно много денег не заработаешь. Это Женька видел на примере своей матери, которая на двух работах едва-едва получала достаточно, чтобы они с Женькой могли существовать. Жизнью это было трудно. Если красть, то можно попасться — если, в смысле, красть у государства. Если красть у людей, которые бедные, то это стыдно и глупо. Если у тех, кто богаче, то могут просто убить.

Поэтому выхода как такового не было. Поэтому за свои тринадцать лет Женька ни украл ни копейки ни у кого. И по этой же причине он мечтал разбогатеть. Сильно, но честно, если это возможно. Даже не столько для себя (он бы только хотел компьютер и мотороллер-скутер), сколько для матери, чтобы она не ломалась по двенадцать часов, а жила, как ей хочется, одевалась, во что пожелает. Может быть, даже нашла мужа — Женька был бы не против. Мать ему было жалко так, что по ночам, думая о ней, он иногда кусал подушку и плакал, хотя даже себе не любил потом в этом признаваться.

Жизнь стала казаться чуть более справедливой, когда год назад Звягин познакомился с Максом Ковалыком, который был на класс старше, а через него — с ЮКом в целом. В этой компании Женька не ощущал себя ни лишним, ни ущербным, а был построен тем, кем должен быть тринадцатилетний пацан: веселым, шумным, достаточно беззаботным существом, у которого нет черных мыслей. И ему было плевать, что Макс может тратить на себя суммы, сравнимые с зарплатой матери Женьки (все равно он тратил их на всех Юков), а Лешка Степанков, например, даже того, что Женька имеет, лишен — живет у какой-то дальней родни, которой в пень не уперся, и поесть нормально может только тут, в штабе...

Федьку Гриднева Женька боготворил, хотя и не знал такого слова. Такие пацаны раньше встречались ему только на телеэкране, да и то в основном в старых советских фильмах, которые Женька иногда смотрел. За таким можно было пойти и в огонь и в воду. И если еще этим утром кто-то сказал бы Женьке, что он обворует Федьку, Женька не в шутку полез бы в драку.

Этот случай из тех, про которые в милиции говорят: "Так получилось..." — и "дяденьки милиционеры" не верят... а зря. Бывает, что руки работают независимо от головы, которая вообще выключается.

Он зашел в штаб, как к себе домой. То есть — как обычно. Никого не было; Женька вообще-то хотел рассказать, что тополя допилили и поинтересоваться, что «командование» намеревается делать дальше. Обнаружив, что штаб пустует, Женька поклонился внутри, поворошил бумаги на верстаке...

...И сейчас сидел перед телевизором, перебирая их и размышляя, что же ему делать дальше и как быть. Нет, его не беспокоили мысли о каком-то там погибшем стрелке. В конце концов, Женька не знал и не стремился узнавать, как звали его прадеда, посмертно

получившего Славу третьей степени за Курскую Дугу, так что уж заглядываться в дальние дали... Но вот то, что он обокрал Федьку, не давало покоя.

"Верну, — тоскливо подумал Женька. Тоскливо — потому что перед его мысленным взором стоял киношный сундук, сквозь прогнившие бока которого просыпались и лежали горкой на каменном полу золотые монеты. — Скажу, что взял просто посмотреть." Он вздохнул, сложил бумаги и ткань стопкой и взглянул на экран. Там длинноволосая крашенная блондинка с большим ртом и почти без лба, закинув одну длинную ногу на другую, брала интервью у какого-то пузана с доброй довольной улыбкой радушного хомяка.

— Согласитесь, это довольно странное хобби для делового человека, хорошо известного в бизнес-кругах обоих наших столиц и даже за пределами этой страны, — щебетала блондинка в лад подсказкам, идущими к ней прямо в крошечный наушник. — Поиски кладов — разве это

занятие для продвинутого бизнесмена?

— Абсолютно нет, — весело и беззлобно отозвался хомяк. — Более того: в какой-то степени убыточно... — он развел руками, как бы приглашая всем посмеяться над столь странным хобби. — Я за всю свою жизнь нашел всего два клада, представьте, хотя занимался этим каждую минуту. Сколько же раз меня надували!.. — и он вновь без злобы, с юмором махнул рукой.

— Азарт. Просто азарт, во-первых. Когда мне в руки попадает карта, я загораюсь: вдруг это настоящая?! И дело даже не в золоте или там изумрудах, которые можно найти. Дело в... — он пощёлкал в воздухе пальцами. — Ну, это нелегко передать словами. А во-вторых, в поисках клада столько приходится колесить по стране... Вот вы, извините, сказали "эта страна". А для меня она не «эта», а наша. Моя, наших детей, наших дедов. За пределами столиц трудно себе представить, до чего тяжело живется в некоторых местах в глубинке — а ведь там люди, ничем не хуже москвичей или петербуржцев...

— Вы ведь не раз помогали жителям глубинки, — «вспомнила» блондина. — Дороги, ремонт школ, спонсирование спорта... — хомяк сделал нетерпеливый жест, но блондинка воодушевлялась все больше: — Нет, не надо этого стесняться! Нам известно также, — она игриво погрозила пузанку пальцем, — что в одной из центральных областей уже создана инициативная группа, которая собирается представить Президенту для рассмотрения подписи, собранные за выдвижение вас на пост губернатора через два года...

— Политика, политика... — покачал головой хомяк. — Век бы ей не заниматься, но если не мы — то кто?.. Впрочем, не будем сейчас об этом. Я хотел сказать тем, кому это интересно. Земля русских хранит множество самых разных кладов — от горстки медных монет, схороненных крестьянином от алчного барина, до скрывающихся где-то библиотек Ярослава Мудрого и Ивана Грозного! — блондинка изобразила изумление, хотя ей вряд ли что-то говорили эти имена. — Все это — часть нашей истории, друзья. То, что мы не имеем права потерять или передать в недобрые руки. Поэтому вот уже три года как мною был создан Интернет-сайт...

— Йоу, в натуре! — вырвалось у Женьки. Он зашарил вокруг в поисках ручки или карандаша, боясь отвести взгляд от экрана. Судьба, вот что это!

— ...адрес — три «дабл-ю» точка klad точка ru...

Женька опрокинулся вместе со стулом, кувыркнулся через плечо, вскочил, подхватил ручку и, цедя адрес сквозь зубы, написал его на голой коленке. На экране еще что-то говорили толстячок и блондинка, а Женька уже заскочил в свой закуток за кроссовками. Бросил взгляд на часы — интернет-пункт при кинотеатре откроется через семь минут...

...и увидел фотографию — они фотографировались все вместе во время 9 Мая, на Вороне. Было еще холодно, ног они все равно купались, видно, что волосы у всех мокрые. Женька стоял чуть сбоку и впереди Федьки и смеялся в объектив. Разгибаясь с кроссовкой в руках, Женька моргнул и вспомнил, как горел костер, они сидели у огня и слушали гитару Федьки....

...хоть конь-огонь, да и первый друг
и как ни жаль его, гой-еси —
когда шеломы трещат вокруг,
подставь коня, а себя спаси.
Но коль товарищу смерть сулят
побоища да пожарища —
простит тебя мать-сыра-земля...
Подставь себя за товарища!(1.)

Стихи С. Боханцева.

— Да ну, на фик... — процедил Женька и выскочил наружу, на бегу натягивая кроссовку.

* * *

В три часа ночи (или утра) Федька еще не спал. Было жарко. В открытое настежь окно, забранное марлей, вливались не струи свежего

предутреннего воздуха, а все та же жара. Можно было бы подумать, что собирается гроза, но небо оставалось чистейшим и уже начинало алеть с востока.

Документ взял кто-то из своих.

Федька ударил обоими кулаками в боксерскую грушу, увернулся от тяжелого обратного движения и шёпотом выругался. Подошел к столу, сел на край.

Кто-то из своих, вот в чем подлость и гнусность. Даже не в том, что это был свой, а в том, что теперь он, Федор Гриднев, ВЫНУЖДЕН подозревать полтора десятка человек — своих друзей! — каждый из которых может оказаться вором.

КАЖДЫЙ. Но остальные — честные... а подозревать он будет всех.

Если бы в этот момент перед Федькой поставили вора, он бы всерьез вырезал тому Ворона.(1.)

Федька стукнул пяткой по углу стола — побольней, чтобы отрезветь от этой боли. Немного прояснилось.

В Царстве Хель(2.) течет река Гьелль. И по ее ледяным водам вечно бредут те, кто нарушил клятву и предал друзей — а вода несет и несет лезвия мечей, вновь и вновь ранящие изменников. Выйти же из вод они не могут. Таково наказание.

Заслуженное.

Федька нагнулся и из-за выдвинутого ящика стола достал серую папку-скоросшиватель, наполненную пакетиками-файлами. Это были личные дела ЮКов. Когда полтора года назад Макс подал эту идею, Федька отмахнулся — это отдавало детством, играми в войнушку и вообще несерьезностью. Но потом оказалось, что такая штука очень удобна... Федька перебирал файлы, тяжело вздохнул и швырнул папку обратно. Да, если сейчас позвонить Максусу, попросить его прийти и сесть как следует — можно будет скорей всего, «вычислить» вора. Но личные дела собирались не за этим. А чтобы не забыть, с чем любит пирожные Катька Сидякина.... или когда день рождения у потерявшего ногу на стройке отца Дениски Лаврухина....

Нет, к черту. Лучше раз умереть от удара в спину, чем ждать его от каждого в каждый миг.

Правда без оригинала документа проваливалась идея экспедиции на поиски клада, выдвинутая Максом. Они собирались обратиться прямо в область, в Комитет по молодежной политике, где это дело, конечно же, подали бы, как инициативу администрации... но все-таки могли помочь. Своих денег, ну, по крайней мере, достаточных для серьезной поставки дела, а не просто для вылазки на природу, у ЮКа сейчас не было и взять было негде....

Негде? Федька шевельнул углом рта. прошептал толкование руны «гифу» из

"древнеанглийской рунической поэмы":

Дар для любого —
гордость и слава,
помощь и ценность;
для любого бродяги
состояние; поддержка
тем, кто лишен всего.

Телефон он тогда выбросил сразу, на глазах у хмыкнувшего человека, глядя ему в глаза. Но врать себе не имело смысла: Федька помнил все цифры до одной. Конечно, тяжело будет позвонить, потому что этим он подтвердит: все покупается и продается. Но — тогда будут деньги. Будет экспедиция. Действовать надо быстро, тот, кто спер документы, конечно, не на стенку их повесил. а дальше — дальше все как-то скрутилось в клубок: тополя, падающие под пилами... дурак-мэр... погибший пять веков назад стрелец Кузьма и его просьба... родной город — и почему-то обида за отца и вообще на то, как все несправедливо в жизни...

1. Древнескандинавская казнь — человеку сзади подсекали ребра и вытаскивали наружу легкие.

2. Ледяной ад в скандинавской мифологии.

Решительно соскочив со стола, Федька вышел из комнаты....

...В саду в самом деле было жарко и душно. Тяжело нависли черные вензеля деревьев, трава была теплой и острой. Федька вышел к колодцу, прятавшемуся возле зарослей смородины. Легко вспрыгнул на влажный, скользкий от мха сруб, откинулся спиной на ворот и, взявшись руками за опорные столбы, расслабился, глядя на Полярную Звезду, оказавшуюся точно перед ним в вышине. Там сияли другие звезды, их было много, немало среди них и тех, что крупнее и светят ярче, но ему нужна была полярная. Глаз Одина. Или, если смотреть глубже, звезда древней родины предков Федьки, предков русского народа, предков всех людей Европы — звезда Севера. Федька и сам не знал, верит ли он в то, что делает и если верит, то не смешно ли это — на заре XXI века вот так...

Впрочем, заря эта больше походила на закат. Федька думал об этом смутно, в основном — словами отца, который часто повторял Высоцкого: "Нет, ребята, все не так, все не так, ребята!" — и если по телику похвалялись какими-то успехами, достижениями...

Федька сморгнул. На миг закрыв от него Полярную, косо пронеслась в древесную чашу темная тень летучем мыши.

Он соскочил в траву и неспешно пошел в дом с видом человека, который все решил...

— Да? — голос был сонным и недовольным.

— Это Гриднев. Федор Гриднев, из второй изжевинской.

— А, Викинг... Стоп, — голос оживился, — ты хочешь сказать, что передумал?

— Да, если то, что ты говорили на счет денег — правда.

— Святая. Пятьдесят тысяч победителю... но ТОЛЬКО победителю, никаких дурацких вторых и третьих мест.

— Я понял.

— Так ты правда согласен? — голос окончательно перестал быть сонным.

— Да.

— Йоу, в натуре! — послышалось из трубки. — Просто великолепно, Викинг! Что ж — тогда...

ГЛАВА 5

Шишел, мышел...

Обстановка до идиотизма соответствовала антуражу самых глупых из штатовских боевиков. Впрочем, Федька понимал, что заброшенный завод в пригородной зоне областного центра выбран неслучайно.

Мероприятие, в котором он участвовал, было не просто незаконным: оно было преступным.

Незаконным потому, что турнир по рукопашному бою нигде не регистрировался и проводила его не какая-то спортивная федерация, а туманный "Клуб любителей", представителя которого Федька завернул от себя в середине мая и которому звонил вчера ночью. А преступным — потому что Федька отдавал себе отчет: пойти смотреть, как друг друга калечат (без правил по любому стилю) подростки 14–16 лет, могут только извращенцы. При виде же мощной съемочной группы, прятаншей лица, он утвердился в мысли — на этом «турнире» неплохо наварятся те, кому место в тюрьме. То, что зрители не выходили из неслабых машин, кольцом окруживших площадку, когда-то служившую для разгрузки сырья, дало ему еще одно доказательство подозрений.

Сидя на указанной ему лавочке с полужакрытыми глазами, он думал о том, что лет двадцать назад на заводе шла совсем другая жизнь — ходили люди, слышались шум и грохот, подъезжали и отбывали грузовики... Люди были уверены, что трудятся ради будущего своих детей.

А их дети сейчас, надеясь заработать пятьдесят тысяч рублей, будут бить друг другу морды на потеху тем, кого в те времена ловили и сажали, как спекулянтов.

Кажется, поединки уже начались, но Федьку это совершенно не интересовало. К своим будущим противникам он не испытывал вообще никаких чувств, признавая, что у каждого из них могут быть похожие на его собственные обстоятельства... и даже если кому-то хочется мордобоя — в конце концов, он и свою морду будет подставлять тоже. А вот те, кто сейчас в кондиционированных салонах — интересно, сколько среди них тех, кто в обычной жизни "занимает посты" и трендит на весь свет о том, что "все лучшее детям", возглавляет фонды и комиссии по защите прав? Полно, небось...

...Он услышал, как его объявили ("Викинг"), встал и пошел на... да, на арену. Выхватившийся асфальт колол босые ноги. "Сейчас я не викинг, а гладиатор," — горько подумал он и вдруг ощутил гнев при мысли, что он, сын офицера, должен ради денег, пусть и очень нужных, развлекать тех, кого презирает заочно.

Но уже в следующий миг Федька был спокоен. И выиграл свой первый бой за какие-то секунды. Рослый парень, явный каратист, как и все европейцы, занимающиеся восточными единоборствами, представлял собой скорее пародию на бойца. Федька нырнул под один из его размашистых ударов ногой с непроизносимым названием, которые так любят каратисты, и нанес противнику «двойку» в голову, хук и, с интервалом в треть секунды, панч.

Каратист рухнул на спину, поехал на ней по асфальту... и тогда Федька отчетливо увидел, что он совсем пацан, а асфальт во многих местах забрызган и замазан красным.

Он вернулся на свое место совершенно спокойным, потому что для себя все решил.

Соревнования проводились на выбывание. "Шишел, мышел..." — вспомнил Федька детскую считалочку и ее продолжение. Ладно, посмотрим... В конце концов, пленных воинов тоже заставляли драться. До поры. А потом они оказывались в отрядах Спартака(1.) или других подобных этим отрядам компаниях.

Он по-прежнему не следил за боями и не знал, с кем и как расправился его второй противник — явный кавказец с ухватками вольного борца. По глазам Федька понял, что этот парень ненавидит его просто по тому, что он, Федор, — русский. Обычно принято думать, что это только среди русских сплошь и рядом те, кто по-всякому обзывает южан и только и думает, как бы им сделать гадость. На самом деле, среди тех нередко с пеленок культивируется первобытная ненависть вообще ко всем "не своей национальности". Но к русским — особенно. Этот борец был из таких. И Федька не стал церемониться и чикаться, заодно с усмешкой подумав: фик вам, а не кровавое зрелище. Когда парень попытался

провести захват, Федька поймал его на броске рукой. Заячий вопль борца — как и большинство южан, он был очень нестойким на боль — чуть опередил тяжелый удар взлетевший над Федькиным плечом и рухнувшего на асфальт тела. По мнению Федьки, борец мог бы вставать и продолжать бой, но тот предпочел отлеживаться....

1. Предводитель восстания рабов в Древнем Риме в 1 в до н.э. Сам бывший гладиатор, и первоначально его отряд состоял из его товарищей по ремеслу.

...Федька не удивился, что вышел в финал. Так и должно было быть, любой другой результат стал бы оскорбительным для его hamingja, для воли воина. Но он все0таки не мог сдержать двух чувств, которые там возникли, когда он увидел второго финалиста.

Первое — уважение.

Второе — опасение.

Отодвинулись, ушли за какую-то грань и машины, и настырные камеры, и отвращение... да и не это только. Тот Федька, который шел на центр площадки, не запускал ракет, не играл в гандбол, не рассказывал анекдотов и не смотрел телек. Все это была нелепая, чужая, детская жизнь с ее огорчениями и радостями, проблемками и интересами.

Он вышел из морозного леса под луну, залившую расплавом серебра узкую тропинку. И увидел на ее другом конце второго — почти такого же — человека, и кивнул удовлетворенно, а потом пошел вперед, и тот тоже двинулся ему навстречу — также неспешно и размеренно. При чем тут деньги? При чем тут зрители? При чем тут жизнь или смерть?

Просто есть тропинки на путях жизни, которые не позволяют разойтись. И, стоя на такой, ты благословляешь небо за то, что оно послало тебе этого противника, потому что это — достойно. И видишь, что он думает так же.

Клинки наши пламенем были
в кипящих недрах земных
их быстрые реки калили
в глубинах гор ледяных —
вперед, северяне!

— пробормотал Федька и увидел, как чуть наклонилась золотисто-рыжая, с повязочкой на волосах, голова его противника... Он услышал. И соглашался....

...Боксер, понял Федька в первую же секунду, глядя, как раскачивается в движениях его противник. Это был худший вариант. Боксера не свалишь показушными «восточными» ударами, всем этим дрыгоножеством и рукомашеством. Боксера не поймаешь на бросок. Он слишком вынослив, терпелив и быстр. Боксера может свалить только боксер — но лучший.

Является ли Федька лучшим?

Нога рыжего едва не раздробила Федьки левое колено — тот отскочил, уклонился нырком от удара правым кулаком, отскочил, подпрыгнул, пропуская удар ногой в щиколотку, кувыркнулся вперед и достал левым локтем бок рыжего... вернее — показалось, что достал, тот успел подставить свой локоть и, не пригнись Федька, правый кулак точно впечатался бы ему в висок. Мальчишки снова затанцевали на расстоянии лицом друг к другу.

А рыжий нетерпелив. Это хорошо...

Он опять бросился вперед, Федька прикрылся предплечьями, принял на них серию ударов, отскочил и контратаковал, но рыжий нырнул под его кулак — и Федька получил такой удар левым кулаком в бок, а потом — правым коленом в другой, что согнулся вчетверо и едва успел отдернуть голову от сокрушительного удара. Пересилив боль, перехватил локоть рыжего и швырнул через себя — подальше, просто чтобы перевести дух.

Рыжий не упал — приземлился на руки, мягко вышел в стойку на руках и вскочил, как на пружинах. Но Федька уже пришел в себя и, скользнув под удар, нанес рыжему прямой

под ребра.

Рыжий задохнулся, падая на колено, но тут же крутанулся на нем — и сильнейший удар вышиб из-под Федьки левую ногу. Рыжий впечатал пятку ему в щиколотку. Если бы он был в обуви, подумал Федька, падая на предплечье, то прощай щиколотка. Дальше мысли выключились — рыжий оказался над ним, даже на нем, от него пахло потом и злостью. Федька отбил удар перед своим лицом, рывком забросил ногу на шею рыжего и, бросив его с себя, начал давить. Но довести дело до конца не удалось — от страшной боли между ног выключилась вся нижняя половина тела; рыжий рубанул ребром ладони, и Федька беспомощно наблюдал, как он поднимается, к счастью, тоже не очень уверенно.

Встать!

Они поднялись одновременно. И почти тут же Федька получил такой удар ногой в живот, что отлетел без дыхания метра на три и грохнулся на спину, разбросав руки и чудом сохранив затылок. Он успел встать на колено и получил удар ногой в подбородок, вновь швырнувший его на спину...

...Встать. Надо встать. Снова мелькнула босая ступня, Федька различил, что в нее вдавились мелкие камешки, а в одном месте — порез. Но удара не было — автоматически, без мыслей, Федька перехватил ее и вывернул, бросая рыжего на асфальт.

Отплевываясь кровью, Федька встал, Рыжий, негодай, толком не упал — приземлившись на ладони, извернувшись в падении всем телом, и тоже поднялся. Хорошо. Просто великолепен! Рыжий подтвердил это, влепив свинг в ухо Федьки, и тот оглох на левую сторону и на миг ослеп на левый глаз — в голове будто бомба взорвалась. На ответный прямой — почти наугад — заставил рыжего сложиться вдвое... И Федька поймал его на захват.

Колено рыжего замолотило, как страшный поршень. От половины ударов Федька отвернулся, остальные почти все принял в бедро, но два попали в живот — внутри все обрывалось, если бы не пресс и решимость мальчишки, он выпустил рыжего и вообще свалился бы. Федька надавил сильнее... и получил удар в солнечное выпустил рыжего. Тот не продолжил контратаку — отскочил, задыхаясь и качаясь, глаза у него налились кровью. На этот раз Федька оправился первым и четко врезал свою пятку в левое колено рыжего — у того нога чуть ли не выгнулась, как лапа у кузнечика, наоборот, и рыжий повалился на бок... но метнувшегося вперед Федьку встретил ударом правой ноги в грудь и оказался на ногах раньше, чем Федька возобновил атаку. Он хромал, но только несколько секунд, и в это время держал Федьку на расстоянии прямыми свингами. И все-таки Федька достал его опять, и на этот раз крепко — апперкотом.

Рыжий рухнул на спину. Секунду, другую, третью — лежал, потом завозился. "Да лежи же ты! — взмолился Федька. — Лежи, рыжий! Ну?!"

Конечно, он встал. и даже ответил на удар Федьки, прежде чем свалился снова, от хука в скулу.

Теперь уже — насовсем...

....Церемонию награждения Федька не запомнил. он вообще выключился" только после душа, когда распорядитель — тот самый, с которого все начиналось — с неожиданным уважением помогая мальчишке одеться, прошептал:

— Викинг... тут с тобой хочет поговорить одна женщина.... оч-чень СВЕРХУ, я тебя провожу к ее машине....

— Послушай, — Федька открыл кейс и, проверив несколько пачек наугад, вывалили деньги навалом в рюкзак (распорядитель сделал лицо "обижаете"), — вот что ей надо передать....

И он с удовольствием осквернил себя отборным матом, словно вместе с руганью выплевывал из себя всю эту грязь, что вползла в его душу, пока он развлекал отродье в машинах. Потом вышел наружу...

....Около въезда стояла машина — "мерседес"-микроавтобус. В кабине никого не было, но из-за приоткрытых дверей салона доносились голоса

— Отличный материал...

— Да, смонтируем — и копируй. Сколько наварим, как думаешь?

— Тысяч сто. В зелени, конечно... Ты все принес?

— Да, все здесь...

Федька задержался, оглядевшись. Кругом было пусто, хотя с территории завода слышался шум — похоже, там шел обмен ставками или что-то вроде этого. В руке мальчишки появился «соболь», выскочила кинжальное лезвие. В следующую секунду кротко хрустнул замок капота. Федька нанес несколько быстрых, свирепых ударов в бак — так часто, что не помогла затягивающая прокладка внутри емкости. Бензин хлынул наружу.

Отойдя на пяток шагов — так, чтобы держаться вне пределов видимости, если, кто мельком выглянет из салона — Федька достал спичечный коробок. Вытащил одну спичку, чиркнул ею, поджег головки остальных и швырнул комок шипящего пламени в капот....

...Уже около железнодорожной станции он подумал, что те двое могли сгореть.

И усмехнулся.

В вагоне электрички разболелись все синяки, ссадины, ушибы — все, что он получал в драке. Было плохо и скучно, словно не стояла у ног сумка с пятьюдесятью «кусками». Как будто влез по уши в сортирную яму. Потом отмылся, конечно... но воняет все равно. Или кажется, что воняет. Ему почти хотелось, чтобы в вагон вошли эти гады-"операторы". Они не входили. И Федька понимал, что его почти наверняка не заподозрят.

Он не проехал и трети дороги, когда внутренне беспокойство подняло его на ноги, и Федька отправился по вагонам. Они тоже были почти пустыми; проходя предпоследний вагон, Федька неожиданно для самого себя обернулся.

И встретился взглядом с рыжим, который сидел спиной в угол скамьи, поставив одну ногу на скамью. Рыжий тоже только что заметил Федьку и смотрел удивленно и спокойно.

— Я сяду? — и подошел, и задал вопрос мальчишка раньше, чем сам сообразил, что делает.

— Садись, — кивнул рыжий и скривился: — Башка гудит, — неожиданно он улыбнулся: — Если

бы мне кто-то сказал, что мой ровесник может меня завалить — я бы не поверил. Ни за что.

Он не спрашивал, как зовут Федьку и откуда он. И Федька тоже молчал на этот счет. Вместо этого Федька спросил:

— Для чего тебе деньги?

Рыжий вскинулся, полоснул взглядом. Но потом вздохнул, пожал плечами. Отвернулся к окну и заговорил отрывисто:

— У меня старший брат с первой чеченской на протезе ковыляет. На государственном. Как у пирата в кино почти. Жизни никакой. По лестнице спуститься — выше крыши проблем. Есть мастер. Он делает не хуже, чем в Германии, но дешевле. Не бесплатно, конечно. Обещал сделать за двадцать тысяч. Рублей. Да теперь чего. Я не в обиде, все честно

— Пока нет, но сейчас будет, — Федька поставил рюкзак на лавку. — Пакет есть? — и, подождав, пока рыжий, поглядывая недоуменно, поставит рядом небольшой потертый «каamelot», быстро перекидал в него двадцать пять пачек десятирублевых (можно было расплатиться с победителем проще, но когда пачек много — это усиливает впечатление. — Половина. Двадцать пять тысяч.

— Ты... — рыжий поднял от рюкзака неверящие глаза. — Но зачем?!

— Ты воин и я воин, — без рисовки ответил Федька. — Пусть эти жлобы за проценты давятся. А мы так не будем. Вот и все.

...и почувствовал, как мгновенно и прочно исправилось настроение.

* * *

Несмотря на тяжелую усталость, Федька ночью несколько раз просыпался от боли. В

промежутках он спал без сновидений, а под утро заснул так крепко, что проснулся лишь когда Саша уже начала трясти его за плечи.

— О-ох-х... - вырвалось у Федьки, он открыл глаза и вяло отмахнулся: — Са-аш...

— Что ты с собой сделал, урод?! — завопила Сашка, в глазах у нее был ужас. — Ты же весь синий! Кто тебя так?! Федор, придурок!

— Са-аш... — Федька запахнулся одеялом и сел. увидел в зеркале напротив себя. — Мда....

— Макс, его избили! — завопила Саша. — Макс, ты где?!

Но вошедший Макс оценил обстановку трезвее. Бросив на Федьку один только взгляд, он подошел к стулу, на котором косо лежала сумка друга. Открыл клапан и сердито посмотрел на Федьку:

— Ты ездил драться?! — Федька повел щекой и бровью, пожал плечами. — Ну ты.... — Макс развел руками.

— Что там? — Саша подошла к стулу, заглянула и уронила руки: — Ты был на турнире. Ты был....

— Там двадцать пять тысяч, — Федька осторожно потянулся: — Который час? Черт, скоро одиннадцать... Я пойду в душ. Саш, если можно, сделай поесть что-нибудь... Макс, а ты сообщи ребятам, что вечером тренировка по рукопашке.

— Тебе сейчас не о рукопашке, а о поликлинике думать надо, — Макс перебирал пачки рублей. Федька, обогнув онемевшую от его нахальства Сашу, он от порога сказал:

— Ерунда. Боль нам только кажется.

ГЛАВА 6

Надежда русского бизнеса

Когда Филипп Петрович Хамов, известный в определенных кругах под кличкой "Большой Ха", говорил, что он любит искать клады, он не врал ни капли. Поиск кладов в самом деле был искренним и приносившим большое и чистое удовольствие хобби.

Ложью было все остальное. Все или почти все. Как и все люди, гордо именуемые «олигархами», Большой Ха был лжец, вор и крупный преступник, ловко маскирующийся под мецената, патриота и радетеля за народные права.

Он и в самом деле много ездил — особенно в последнее время, когда решил пробиться в

политику — по нищим «регионам», тем самым, обнищанию которых он немало поспособствовал во время Большого Воровства 90-х годов XX века. О том времени Большой Ха вспоминал с удовольствием, не отдавал себе отчет, что времена меняются, и человек должен меняться вместе с ними. Поэтому он беседовал с «народом», фотографировался в обнимку с «тружениками», сочувствовал и отдавал громогласные распоряжения «помочь», «позаботиться», «устроить», а самое главное — по-настоящему следил, чтобы «помогли», «позаботились», «устроили». Правда, никогда не забывал освещать все свои "добрые дела" через прессу и телевидение.

Почти весь бизнес Большого Ха давно был легальным. Вот лет пять-шесть назад уже его люди и предприятия не были замешаны ни в чем «таком». Вместе с Большим Воровством ушли в прошлое те времена, когда он скупал за бесценок предприятия и продавал их сырьевикам, превращавшими работоспособные заводы в ободранные руины и развалины; поставлял оружие чеченским бандитам в обмен на контакты с ближневосточными и американскими покровителями; содержал сеть наркодиллеров в больших городах; вывозил за рубеж женщин и детей, похищенные или купленных у родителей и родственников. Не то чтобы Большой Ха кого-то боялся — просто налаженный на деньги от тех сделок "легальный бизнес" был спокойней и стабильней, хотя временами и не так прибылен. Разоблачения старых историй он не боялся. Большинство его прежних партнеров были слишком глупыми или очень жадными — и давно погибли во внутренних разборках кланов, пали от рук

военных или защитников правопорядка, пропали без вести... Большого Ха просто некому было разоблачать, и этим он гордился тоже. Он-то сумел остаться на коне и обрести имидж! Думая об этом, он всегда вспоминал полевого чеченского командира с самого «верха», который в середине 90-х посмеялся над Большим Ха при одной из встреч, сказав, что тот мелкий жулик и шакал. Тогда Большой Ха вежливо улыбнулся. А в начале XXI века по телевизору показали этого «джигита» — полгода не мывшийся, он валялся со спущенными штанами у ног хмурых безликих парней с безжалостными глазами в прорезях масок, и мухи ползали по его бороде. Большой Ха записал этот сюжет и любил его смотреть. Именно тогда он окончательно понял, что деньги сильнее автоматов....

...Но вот со своим хобби Большой Ха расстаться не мог. Он не лгал, когда говорил о двух кладах, им найденных, но умалчивал, что эти два клада просто невозможно было «замазать». Благородно отказавшись от своих законных 25 %, Большой Ха передал эти деньги в первом случае детскому дому, а во втором — ассоциации воинов-афганцев. Однако, были ещё десятки случаев. Совсем иных, о которых мог бы подробно рассказать сам Большой Ха или его доверенный, администратор сайта www.klad.ru, Гомер Тахиров. Сайт в самом деле был вполне легальным и законным, он представлял собой крупную виртуальную «тусовку» тех, кто занимался поиском сокровищ прошлого. Но у его деятельности было второе дно, известное очень немногим. Гомер осуществлял мониторинг сообщений о кладах, картах, фамильных тайнах и докладывал Большому Ха по наиболее интересным вопросам, а так же организовывал проверки информации. и если таковая была достоверной — Большой Ха "выезжал на отдых". с теми, кто на самом деле находил клады и имел наивную глупость попросить помощи или совета у учредителей сайта, поступали просто. Они пропадали бесследно.

Нельзя сказать, что "надежда русского бизнеса", как официально именовался Большой Ха на больших приемах, где съедали, выпивали и просто разбрасывали по полу бюджеты целых губерний, в самом деле богател на кладах. Попадались, конечно, такие, стоимость которых оценивалась суммой с шестью нулями, а если продавать в «разброс», то и дороже. Но нет. Находок своих Большой Ха не продавал никогда и почти никому их не показывал. Ему доставляла мысль об ОБЛАДАНИИ. Не тупыми супермаркетами или бензоколонками, а вещами, прошедшими испытание временем. Это как бы приобщало Большого Ха к их бессмертию. Он обожал бывать среди своих «экспонатов», со вкусом и только размещенных в подвалах подмосковного особняка, куда мог войти только он сам. Золингеновская шпага

XVI века (старик-сторож, погибший от удара током при неосторожном обращении с проводкой на объекте) или греческая монета из электрона(1.), отчеканенная в Ольвии(2.) две с половиной тысячи лет назад (двое десятилетних пацанов, утопленных в Черном море с булыжниками на шеях) в глазах Большого Ха стоили намного больше, чем сделка стоимостью в десяток миллионов долларов....

1. Сплав золота и серебра, из которого чеканили монеты в некоторых государствах древности.

2. Греческий город-колония на берегах Черного Моря в современной Украине.

11 июня большой комфортабельный джип колесил по проселку, добираясь до Изжевина прямой дорогой, обозначенной на карте. В джипе кроме самого Большого Ха и Гомера находились еще трое охранников. Один вел машину, двое других дремали. Гомер смотрел в окно. Большой Ха в который раз перечитывал его докладную записку. Дело было мутноватым, но интересным. А что поиски грозили оказаться долгими и сложными — это к лучшему. Надо только заручиться поддержкой местной власти. По данным службы безопасности Большого Ха, мэр Изжевина был амбициозен, глуп, вороват, но при этом хитер, изворотлив и продажен. С такими людьми бизнесмен находил общий язык "на раз". Не пройдет и двух дней, как он сможет при желании перерыть хоть весь город, хоть его окрестности....

— Вот блин! — джип трянуло, и Большой Ха поднял голову от бумаг. Разморенные жарой и ездой охранники завозились, вяло ругаясь на своего приятеля, который снова ругнулся: — Блин!

— Что случилось, Витя? — Большой Ха просунулся вперед. Охранник пожал плечами:

— Сами смотрите, Филипп Петрович. По карте-то у вас капитальный мост, а тут вот что.....

Большой Ха не очень удивился, если честно. Опыт поездок по городкам и весям убедил его: карты частенько не соответствуют реальности России. Обозначенные на них асфальтовые дороги оказывались грунтовками, грунтовки заводили в болота, деревни пропадали в лесах, развилки смещались на километры, ориентиры исчезали, как по мановению волшебной палочки. Поэтому он спокойно воспринял, что каменно-деревянный мост, четко обозначенный на карте, оказался жутким сооружением из бревен, досок и дранки. Сквозь них загадочно просвечивалась вода речки, лениво текшей в калиновых и ивовых берегах. На том, что когда-то было перилами моста, а теперь напоминало... да ничего не напоминало — сидел абориген. Ему было лет десять, он был загорел, белобрыс, облачен в джинсовые шорты, вооружен удочкой и обвивал босыми ногами самую надежную балку. На джип абориген не смотрел.

— Э! — водитель Витя высунулся из окна. — Пацан! Мы тут проедем?!

— Не ори, рыбу распугаешь, — хладнокровно ответил пацан, не поворачиваясь. Витя поперхнулся, а рыболов продолжал: — Если точно по центру, то проедете. А если не точно, то вон по той тропинке, — он махнул рукой, — три километра, крайний дом, дядя Боря, у него трактор. Он вашу тачку вытащит.

— Ну ты слезь, мы поедем, — Витя помахал рукой. Пацан дернул плечом и остался сидеть. — Поедем, Филипп Петрович?

— Давай, — кивнул Большой Ха, пытаясь понять, почему вдруг у него внезапно испортилось настроение. Он так напряженно над этим размышлял, что даже не понял, как и когда джип проскочил мост. Пацан заметил:

— Гляди, а я думал — загремите с бульком.

— Ах ты сопля... — Витя без команды полез из машины, но пацан хладнокровно предупредил:

— В речке не поймает. А я номер запомню, в городе будете каждое утро шины менять. Ну, будешь ловить?

— Оставь, — досадливо сказал Большой Ха. Он вдруг понял, в чем дело, почему ему стало не по себе.

Мост. В книжках, которые он любил читать в детстве, вот точно по таким мостам — разбитым, качающимся, через заросшие ряской и ивняком речки — герои попадали из обычного мира в волшебные страны, где...

— Ерунда, — сказал Большой Ха. — Поехали, Вить. Тут должно быть уже рядом.

* * *

Примерно к середине занятий боль ушла окончательно, и Федька в очередной раз признал правоту своего отца, говорившего, что большинство проблем физического плана от того, что люди себя жалеют. Он отошел чуть в сторону и оглядел своих.

Мальчишки боксировали на парах. Девчонки стреляли в цель из двух арбалетов. Федька подобрал шест, намереваясь продолжать разминку, но спохватился:

— А где Женька? — и выругал себя: хорош командир! Впрочем, в начале занятий ему было так больно, что сил не хватало подумать о ком-то и он прикинул численность ЮКов на глаз. — Макс, Женька где?

Но вместо Макса подскочил Юрка. Он держал на плечах шест на манер коромысла и беззаботно ответил:

— А он уехал

— Куда? — Федька, успокоившись, перехватил сове оружие, в шутку стукнул Юрку по плечу — тот ловко отбил удар круговым движением и пожал загорелыми плечами.

— А, не знаю... Я видел, когда к тебе шел. Подъехал джип-"чероки", Женьке дверь открыли, он в него сел и поехал. О, я этот джип еще утром видел! — спохватился Юрка. — Рыбачу на мосту через Калиновку, ну, ты знаешь, три километра от города, около Заповедного... Прет такой кабан, останавливается, из него высовывается пугало... — и Юрка пересказал всю историю. — Я еще подумал: не иначе, как к мэру родня приехала.

— Какой номер, ты говоришь? — Федька не мог понять, что его беспокоит, но что-то беспокоило.

— Московский. У меня дома записан, — Юрка прокрутил шест над головой. — А чего?

— Да, нет ничего, — Федька покачал головой. — Ничего, — добавил он уже уверенно. — Пошли заниматься.

ГЛАВА 7

Безопасный кекс

Мэра Большой Ха проводил до самых ворот — массивных, из черного литья — за которыми стоял привезший главу администрации "мерседес".

— О чем разговор, — мэр широко улыбался, — вы мой гость, можете пользоваться дачей, сколько пожелаете... Я удивлен, что вы не захотели остановиться в городе.

— Дача — удобнее, — Большой Ха полной грудью и вполне искренне вдохнул воздух. — Тут у вас сказка. Просто сказка... Знаете, сидишь в кабинете сутками, дышишь этой кондиционерной химией — даже забываешь как-то, что может существовать на свете такая красота... Так мы с вами договорились?

— Конечно, — мэр кивнул, и улыбнулся вновь. — С вашей стороны было очень любезно ассигновать городу такую сумму, мы непременно дадим сюжет на телевидение. Ну а с моей стороны было бы просто неприлично отказать вам в такой малости, тем более — тоже направленной на благо нашей малой родины.

— Заверяю вас, что результаты поисков, буде таковые случатся, я передам в краеведческий музей, — Большой Ха пожал мэру руку — И, кстати, мне не мешало бы там побывать. Думаю, музею я тоже смогу оказать некоторую помощь. Отдельно от общей...

...Большой Ха все еще провожал взглядом удаляющуюся по аллее машину мэру, когда неслышно подошел Гомер.

— Парень беспокоится, — негромко сказал он. — Говорит, что ему домой пора. По моему он просто начал что-то подозревать.

— Бумаги посмотрел? — не глядя на помощника, спросил бизнесмен. Гомер кивнул:

— Да. Подлинные. План, правда непонятный, но я думаю, разберемся. Дня два нужно и подробные карты здешних мест.

— Ты же слышал — нам дали карт-бланш, — Большой Ха презрительно засмеялся.

— Так что все-таки делать с парнем? — уточнил Гомер.

— С парнем... — Большой Ха сощурился. — Видел кто, как он к нам садился?

— Нет, — уверенно ответил Гомер.

— Ну и ладушки. Лучший кекс — безопасный кекс, — пошутил Большой Ха. — Помнишь того турка, у которого клиника? Не может быть, чтобы ему не были доноры нужны.

— Сейчас? — голос Гомера остался равнодушным, но лицо на миг окаменело в непонятной гримасе.

— Нет, что ты, — Большой Ха пошел к дому, его помощник зашагал чуть позади, — Я созвонюсь сперва, потом самолет в областной центр закажем... Да и морозильник найдите. Завтра, к вечеру. Не сбежит?

— Подвал глухой, — Гомер вдруг сказал: — Я иногда думаю Филипп Петрович, а человек ли вы?

— А тебе не все равно? — безразлично отозвался Большой Ха. — Я тебе хорошо плачу. А таких пацанов по этим помойкам — миллионы.

* * *

Обычно Федька вставал сразу, как только открывал глаза, не позволяя себе залеживаться в постели — какие бы ни были настроение и погода за окнами его личного мезонина. Но сегодня открыл глаза, закинул руки под голову и остался лежать, рассматривая хорошо знакомую обстановку и думая, что завтра должен приехать отец. Если ему рассказать все, он поймет. И вообще хорошо, что он будет дома. Федька внезапно понял, что очень соскучился и вздохнул. Посмотрел на свою гитару, улыбнулся, вспомнив, как осенью ездил со школьным театром выступать на региональный конкурс детских коллективов; по ходу спектакля он пел "Балладу о без вести пропавшем" Дольского. Уже после выступления к нему, сидевшему на подоконнике, подошел какой-то продюсер, снисходительно похвалил голос и умелую игру мальчика, спросило, не хочет ли тот начать пробиваться на "большую эстраду"? Только, — сказал продюсер покровительственно, — репертуар, конечно, придется сменить. Вся эта заушь не для нашего времени. Ну, ты знаешь, — он подтолкнул мальчишку локтем, — народу что надо: три притопа два прихлопа, Саша любит Машу, Коля любит Олю..." Федька соскочил с подоконника и ушел, не оглядываясь. И потом, возле автобуса, только недоуменно посмотрел на начавшего было даже за рукав его хватать мужчину. Он не хотел никого обижать или оскорблять, просто после слова «народу», сказанному с оттенком пренебрежения и насмешки, продюсер стал ему неинтересен.

Федька выстрелил себя из постели пятками в потолок, выскочил, подхватил гитару. В окно вливались потоки утреннего прохладного воздуха; ночью прошел дождь. Мальчишка сел на подоконник, свесив ноги наружу, грянул по струнам и завел:

Встань пораньше,
встань пораньше,
Встань пораньше,
Только утро замаячит у ворот!
Ты прислушайся — услышишь,
Как веселый барабанщик
В руки палочки кленовые берет!

Ему очень нравилась эта старая песня, потому что она была настоящей, потому что она была нестигаемой, потому что она — так думал Федька, когда услышал в первый раз — противоречила навязчивому идиотизму, которого вокруг было полным-полно. Но сегодня допеть про барабанщика у него допеть не получилось.

— Федь! Фе-дор!!! — раздалось снизу. Федька посмотрел, перегнувшись через гитару — под окном торчал Макс, сбоку подсказывал от нетерпения Юрка. Федька поймал себя на том, что ищет взглядом Сашу, рассердился, махнул рукой:

— Что? Заходите!

— Федь, — Макс явно перевел дыхание, — Женька дома не ночевал.

* * *

Если честно, Федька не знал, что говорить в таких случаях. Мать Женьки сидела на стуле, устремив взгляд куда-то сквозь стену, и никак не реагировала на нехарактерно беспомощное бормотание Макса: "Ну, может, он просто где-то задержался... он вернется... ну что могло с ним случиться, Любовь Степановна..." Явно не слушая его, женщина сказала, по-прежнему ни на кого не глядя:

— Я ведь и в милиции была... А они смеются. Может, говорят, он у девчонки какой

заночевал. Вернется. А заявление о пропаже — не раньше, чем через трое суток....

— Нет такого правила, — сказал Федька и не узнал своего взвинченного, злого голоса. "Ну-ка, успокойся," — приказал он себе и представил зеленую опушку, сокола в небе.... - сразу должны принять.

— А им-то что? — женщина тяжело перевела дыхание, словно долго бежала. — А он никогда не задерживался. Вот что угодно про него говорите, а он всегда в доме был вечером. Я им это сказала, а они опять все в смех оборачивают. Говорят, все в первый раз бывает....

— Суки, — сказал Юрка. И добавил еще несколько слов, за которые Федька, не глядя, двинул ему по шее. — Все равно... — упрямо буркнул он. Женщина неожиданно слабо улыбнулась, посмотрев на насупленного Юрку с закушенной губой, продолжала:

— Я им про машину сказала, вон, которую Юрик видел... А они: "Сам сел, сам и вылезет..."

— Сашкиной матери надо сообщить, — сказал Юрка. Макс, оставивший свои попытки утешать, вдруг снова подал голос:

— Вот ты этим и займешься. Беги искать Сашку... Любовь Степановна, можно мы комнату Женьки посмотрим?

"Зачем?" — глазами спросил Федька. Макс ответил взглядом: — Надо..."

— Смотрите, конечно... — Женщина вдруг обвела обоих ребят взглядом и ясно сказала: — Не вернется он. Не нужны мы никому...

.... — Ты что придумал? — спросил Федька. Он остановился у порога и с неудовольствием смотрел, как Макс методично обшаривает маленький закуток, обиталища Женьки Звягина, который сел в машину в своем собственном дворе — и пропал. — Макс?

— Да так... — Макс присел возле стола, через плечо посмотрел на Федьку и тяжело вздохнул. — Есть у меня одно подозрение... нехорошее. Но если оно оправдается — то... — он не договорил и зачем-то полез под стол.

Федька снова осмотрел комнату — обычную комнату обычного мальчишки из бедной русской семьи. И неожиданно захлебнулся воздухом, поняв, что может случиться так, что хозяин больше не войдет в нее. БОЛЬШЕ НИКОГДА. Не передвинут его пальцы тетрадей в углу старого стола. И на диван он не завалится, и журналы не пролистает, даже просто не поднимет — вон те, рядом с изголовьем. Был человек — и нету, и никому нет дела. Только на фотке он останется. Вон на той, где Женька рядом с ним, с Федькой. Веселый....

— Так я и знал, — голос Макса был тусклым и убитым. Он сидел на полу, держа в руке номер «России» — местной газеты — и книжку, раскрытую в начале. Книжку Федька узнал — это была максова "Собака Баскервиллей", которую он дал Женьке, вообще-то не очень любившему читать, почти месяц назад. — Ну так и знал...

— Что? — Федька подошел ближе. — Что ты знал?

— Я дурак, — горько признался Макс, вставая. — Смотри... нет, слушай сначала... Я на днях женьку видел в интернет-пункте, при киношке. Он еще от меня так шарахнулся, я удивился, еле поздоровался. Я там минут пять был, не больше... А когда уходил, гляжу — он в Интернете возится, как поросенок в корыте. Еще заметил, что какой-то сайт про клады, оформление такое... — Макс покрутил ладонью, — хорошо узнаваемое, сундуки-карты-компасы... Я ведь уже тогда что-то заподозрил, да больно паскудно было своего подозревать! — Макс бросил на стол газету и книгу. "В точности мои мысли", — вспомнил

Федька, склоняясь над ней. Страница газеты была порезана ножницами — Женька аккуратно вырезал буквы. — Ну не дурак? — горько спросил Макс. — Смотри, что вырезано?

— "Добровольно" — вырезана Д... вот «великий» — Е вырезана... — Федька отложил газету. — Ясно, — он посмотрел на книгу. — Газета тут лежала?

— Тут, — покривился Макс. — А может, и не дурак. Решил: чем тупее и страннее, тем лучше, — он черкнул ногтём строчку знаменитого предостережения, прочел вслух: — Держитесь подальше от торфяных болот... Понимаешь, он зашел в штаб, когда там никого не было. Увидел бумаги, сбегал к себе, изготовил эту фигень... — Макс ударил по столу. И

вдруг выругался. — Ну и влип теперь по самые уши! Он наверняка этот клад решил кому-то продать и нашел в «нэте» покупателя. Вот и пропал... — он снова выругался.

— Хватит ругаться, — Федька покусал губу. — Пошли. Действовать надо.

— До милиции достучаться надо, — заметил Макс, бесцельно двигая по столу газету, с передней страницы которой мэр призывал "оставить нашим детям процветающий город!"

— Угу, самое первое дело, — Федька отмахнулся. — Ну постучимся, ну и что? Как они его искать будут? Юрка вон даже номер джипа сообщил, а они его и не записали. Ездят, блин, с мигалками и вопилками, как цыганский табор...

— Ну я не знаю, — Макс скривился, — Ну спецоперация какая-нибудь....

— Максим, — тоже скривился Федька, — ну хватить бредить. Спецоперации для простых пацанов только в кино проводят, а в жизни участковые по домам ходить станут: "Вы у себя ворованого пацана не прячете?" — Да нет, вы что, зачем?! — А, ну спасибо, я пошел..." Самим надо — и поскорей...

...Юрка топтался возле подъезда. увидев старших ребят, сказал хмуро:

— Нету их, — ни Сашки, ни матери ее. У нее отгул, они в область поехали.

— И не надо, — Макс коротко пересказал историю. Глаза Юрки, сперва все увеличивавшиеся, потом вдруг резко сузились, и он сказал хмуро:

— Гад. Предатель.

— Вообще-то жалко его, Юрик, — сказал Макс тихо. Юрка вновь распахнул глаза:

— Чего?! Да он нам....

— Он у нас тряпочку украл и несколько листов бумаги, — так же тихо ответил Макс. — А его убить за них могут. По-настоящему убить, или даже что похуже... А у него мать, Юрик. И он у матери один свет в окошке. Да и какой же он гад? Помнишь, как он тебе велик сделал? А как он Лешку к себе ночевать забирал, когда дома попойки....

Юрка вдруг заморгал и спросил:

— А.... а что же теперь?... Теперь он... он что, не.... не вернется?

На ресницах у Юрки повисли капли, он потянул воздух носом. Старшие ребята переглянулись. Но ничего сказать не успели — ни Юрке, ни друг другу, потому что во двор с треском и грохотом влетели три мотоцикла, оседланные затянутыми в проклепанную металл кожу парнями. Федька тяжело вздохнул. Макс улыбнулся. Юрка из-за спин старших показал кулак.

Эти трое были из компании рокеров поселка Железнодорожный, как бы пригорода Изжевино. Когда-то — в легендарные годы — между подростками обоих населенных пунктов существовала вражда, регулярно выливавшаяся в побоища на путях. Но вот уже, как лет десять она поутихла. «Железки» почти поголовно увлеклись фильмами "Воин дорог" с Гибсоном и ударились в рокерство. «Жеванные» подались кто в армию, кто в бизнес. Короче, битвы отошли в прошлое, но антагонизм сохранился — ни те, ни другие старались без особой нужды на чужой территории не появляться. Но конкретно с одним из трех — рослым парнем по кличке Дубль, чью голову венчал армейский шлем с лисьим хвостом — у Федьки был личный конфликт. Смешно, но из-за Мела Гибсона, которого Дубль считал героем всех времен и народов, а Федька терпеть не мог из-за роли в "Отважном Сердце", где "все переделано в сторону шотландцев", как заявил Федька год назад на школьном дворе, после чего произошла драка.

— Черти их принесли, — сердито сказал Федька. Сейчас ему про ту историю было неловко вспоминать.

Но, похоже, рокеры заехали во двор не от хорошей жизни. Они поставили свои переделанные до полной неузнаваемости огромные «уралы» на подножки, двое склонились над одной из машин, перебрасываясь короткими фразами, а третий — Дубль — сняв на ходу шлем, пошел к Федьке и его товарищам. Полы длинного плаща на ходу эффектно хлестали по шевровым сапогам, начищенным до лунного блеска и украшенным цепочками и шпорами.

— Привет, — хмуро сказал он. Трое друзей кивнули вразнобой. — Не поможете?

Масло нужно... Где тут у вас?..

— Деньги давай, — безразлично сказал Макс. Дубль порылся под плащом, достал полтинник. — Юр, сбегай.

Тот изобразил неудовольствие, но исчез. Дубль махнул своим, они присели возле мотоциклов, один закурил.

— Не жарко? — поинтересовался Макс. Дубль распустил лисий хвост:

— Имидж ничто — это выдумка рекламщиков. Имидж все, — поучительно заметил он. — Вы чего тут тусуетесь? У нас все навалом лежали, когда узнали, куда вы свой «томагавк» засадили. Теперь вам еще дачку развалить, ваще красота будет.

— Подумаем, — отозвался Макс. Федька вообще не прислушивался к разговору — он думал, что делать и как быть — и ни-че-го в голову не лезло. Дубль помолчал, потом спросил:

— А чего, наш-то Умнукус(1.) себе новую тачку оторвал? Сейчас жали мимо его дачи, глядим — во дворе "широкий" стоит. Из Москвы пригнал, что ли? Даже номера еще не поменял....

— А? — Федька быстро повернулся к Дублю. — Ты про что?!

— Да я говорю, — тот озадаченно покосился на Федьку, — едем сейчас мимо дачи, видим — джип во дворе стоит, ну, этот, "чероки"(2.). С московским номерами... э, вы чего?!

— Дубль! — Федька схватил его за рукав плаща; двое других рокеров вскочили. — Витька! Забросьте нас с Максом до дачи! Витька, я тебя прошу!

— Да нам вон чиниться... — Дубль кивнул в сторону товарищей, но потом сам себя оборвал: — А чего такое, Федь?

— Долго объяснять! — Федька выпустил его рукав, сжал кулаки: — Витька, человек может погибнуть! По-правде погибнуть! Вить!.. Мы заплатим! Пятьсот! Вить, тыщу заплатим, при свидетелях говорю! Только быстро!

— П....поехали... — Дубль ошалело посмотрел на своих. — Цепак, дождись пацана, а потом нас... Федь, ты ко мне, а ты Макс — к Иглу... Ну дела!

1. Главный злодей а в фильме "Безумный Макс-2. Воин дорог", вождь разбойничьего племени; Дубль имеет ввиду мэра.

2. «Широкий» — «чероки» (жарг.)

ГЛАВА 8

Большой Ха и три ха-ха

— Ты объяснишь, что к чему? — прошипел Дубль.

— Нет, Вить, времени нет, — Федька быстро переводил взгляд с открытых ворот внутрь, на корму джипа, потом — на пустое полукруглое крыльцо, на сарай, обшитый вагонкой, в глубине двора. — Честное слово — нет времени... Макс, пошли.

— Погоди, — рокер задержал Федьку за рукав. Глаза у него были серьезные.

— Может, мы с вами? А, Игл?

— Угу, — буркнул тот, разматывая из-под куртки с изображением орла длинную массивную цепь.

— Нет, вить, — Федька покачал головой. — Вы очень тяжелые... Если уж так — подождите нас тут, а?

— Будем ждать, — кивнул Дубль, присаживаясь на сидение своего «урала», стоявшего за плотной стенкой кустов. — Вы только ракету дайте.

— Вить, — сказал Федька. — Спасибо, Вить, — и добавил непонятно для рокера:

Тир — звезда,
веру крепит в атлингах,
не собьемся с пути,

туманы в ночи
ей не помеха.....

Дубль не мог знать, что это толкование руны «тир» из "Древнеанглийской рунической поэмы". Но важно кивнул:

— Или!

* * *

— Как думаешь, где он?

Вообще-то двор дачи охраняли два пинчера. Но сейчас, когда тут были чужие, пинчеров куда-то дели. Макс и Федька сидели за сараем в ухоженных кустах сирени. Двор по-прежнему пустовал, хотя из дома слышались кое-какие звуки.

— Где угодно, — прошипел Макс. — В подвале — в доме, или вон под мараем...или еще где... если он, конечно....

Макс не договорил. Но Федька понял его и стиснул зубы.

— Смотри, — Макс толкнул друга в бок. И Федька увидел, как на крыльцо вышел амбалистый молодой парень. Постоял, потянулся и неспешно зашагал к сараю, что-то доставая из кармана свободной рубашки с коротким рукавом. Стадил какую-то оболочку, бросил ее буквально перед носом мальчишек, проходя мимо них.

И они увидели в руке амбала небольшой шприц.....

...Женька понял, что дело идет как-то не так, когда его привели в этот подвал. Правда, именно привели, вежливо, попросили подождать. Но ожидание затянулось — сильно затянулось и, когда в подвал спустился смуглый мужчина в белом костюме с замкнутым лицом, Женька осторожно сказал:

— Мне домой пора. Мама будет беспокоиться, я же ей не сказал....

Ссылка на маму в устах тринадцатилетнего парня ему самому еще недавно показалась бы смешной, но сейчас нарастающее чувство опасности заставило Женьку инстинктивно обратиться к самой, как ему казалось, надежной, защите. Но смуглый мужчина посмотрел на него спокойно, оценивающе и безразлично сказал:

— Подожди еще немного.

Дверь захлопнулась. И вот именно этот момент Женька отчетливо понял: НЕ ВЫПУСТЯТ. ПОПАЛСЯ.

Он даже головой затряс, прогоняя страшную догадку. Но вместо того, чтобы успокоиться, наоборот — еще яснее понял, какую глупость он сделал. Женька даже застонал от злости на себя и страха, нахлынувшего расслабляющей волной. Затравленно огляделся. Подвал был пуст — вообще пуст, только несколько ящиков, на одном из которых он сидел, бетонный пол, бетонные стены, бетонный потолок с одинокой голой лампочкой.

Потянулись часы. Женька несколько раз задремывал, сидя на ящиках и прислоняясь к стене, просыпался от холода, ходил по подвалу. Раза три колотил в дверь и орал — сперва просто "эй!", потом уже "помогите!". Хотелось сперва есть, потом начало хотеться пить, и скоро жажда уже стала невыносимой. В туалет тоже хотелось. Но все желания отходили на задний план, когда Женька начинал думать, что же с ним будет. Иногда ему думалось, что ничего страшного не случится: просто ему не доверяют, а вот что-то проверят и опустят. Потом появились мысли о том, что мать с ума сходит, но и их стирал снова и снова возвращающийся все более и более сильный страх — вспоминались жуткие истории, виденные по телевизору. Женька, когда их смотрел, понимал, что это правда, но сейчас никак не мог поверить, что эта правда могла придти в его жизнь.

Это было несправедливо. И все-таки это было.

Так — то засыпая, то мечась по подвалу, то начиная надеяться, то погружаясь в страх — Женька дождал до утра. Часов у него не было, но он как-то чувствовал, что утро. Может быть, про него просто забыли, и он умрет тут от жажды? Нет, не может быть, чтобы его не

спасли. Не может ведь живой человек в центре России, в обычном городе, это же не Кавказ, не пустыня... Но за этими мыслями жила и крепла, раздуваясь, одна: понимание того, что такие мысли, конечно, посещали сотни таких же, как он дурачков (или просто тех, кому не повезло), до последнего надеявшихся, что уж с ними-то ничего произойти не может, что вот сейчас все разрешится...

Дверь открылась и Женька вскинулся, увидев входящего парня — одного из телохранителей Большого Ха. Вскинулся с надеждой... а потом увидел в его руке шприц.

Женька отскочил к стенке, распластался по ней и быстро, незнакомым самому себе голосом:

— Не надо. Пожалуйста.

— Иди сюда, — приказал парень. — Не рыпайся... Сейчас вколем, хе-хе, витаминчик... Не бойся, это не больно.

— Не надо, — повторил Женька, чувствуя, что ему не просто хочется пить — он УМИРАЕТ на месте без воды. — Я не хочу. За что?

— Да ни за что, — безразлично сказал парень, надвигаясь на него. От парня пахло жвачкой и дезодорантом. — Гордись, блин. Может, целому десятку людей жизни продлишь — почки-печёнки там всякие...

Женька обмер. Парень это заметил и твердо взялся своей пятерней за левое запястье подростка, решив, что тот «готов». Но обмер Женька только на миг — и в следующую секунду превратился в развернувшуюся стальную пружину:

— Пусти, гад!!!

— Ухх... — вырвалось у парня, когда Женька ужарил его коленом между ног, ногой в колено и локтём в лицо. Перескочив через осевшую грудь мышц, Женька рванул к выходу... и запнулся о ящики! А в следующий миг опомнившийся охранник навалился на него сверху. Всей массой и взрослой силой, намереваясь сразу смять любое сопротивление.

Но это не получилось. Мальчишка выворачивался, кусался, сопротивлялся с таким отчаянием, что впервые мгновения охранник оробел, и Женька снова почти вырвался. Но опомнившийся охранник насел на него, изрыгая мат и угрозы. Женька дрался молча, не надеясь на победу, просто потому, что сдаться было страшнее — и только коротко вскрикивал от ужаса и ненависти.

Однако, долго это продолжаться не могло — сорок килограммов и тринадцать лет сражались с девяноста и тридцатью соответственно, на Женьку начала наплывать чернота, "Вот и все" — уже безразлично подумал он... и услышал два коротких, мягких удара. Чернота отхлынула....

... - Сиди, сиди сам, — Макс с размаху врезал Женьке по левой щеке, по правой, привалил к стене. Федька быстрыми, точными и беспощадными движениями вязал бельевым тросиком слабо бухтящего охранника. По полу еще катался гаечный ключ. — Сиди, говорю!

— Ма-ак... сс... — простонал Женька и заплакал: — Простите... я скотина...

— Скотина, скотина, — торопливо согласился Макс, поглядывая на дверь и лестницу за ней. — Федь, как там?..

Охранник окончательно пришел в себя, рыпнулся — и захрипел, едва не задохнувшись, поспешно подтянул связанные ноги к заднему месту, чтобы ослабить давление петли на шее. Простонал:

— Вы чего, пацаны? Вы кто?!

— С-с... — процедил Федька и вдруг изо всех сил ударил охранника в живот. Тот пискнул и, снова чуть не задохнувшись, визгливым от ужаса хрипом простонал:

— Не на-до.... по-жа-луй-ста-а... я... я не хо... ык... хотел!..

— С-с, — страшно процедил Федька, заноса ногу для удара в голову, но Женька вдруг сказал

ясно:

— Не бей его, он же связан, — и продолжал бессильно плакать, наваливаясь на бедро Макса. Федька сморгнул, страшная белесая муть ушла из его глаз. Он поднял шприц и

показал его лежащему на полу охраннику:

— Что тут?

— Витамины! — взвизгнул тот. — Пацан без воды и без еды целые сутки, я хотел... витамина... ааа!!!

Встав на колено, Федька вонзил шприц ему в шею и положил палец на плунжер. Раздался неприличный звук — и на белых штанах охранника стало расплываться большое пятно.....

— Федь, не надо, — спокойно сказал Макс.

— Почему, — также бесстрастно отозвался Федор. — Это... ЭТО — не человек и человеком никогда не будет. К тому же тут витамины.

— Зачем нам проблемы с убийством? У нас полно дел, — рассудительно сказал Макс. Федька подумал секунду и кивнул:

— Верно. Что вам нужно в городе? — он шевельнул иглу, и охранник, вскрикнув, зачистил:

— Клад.... вот у того пацана... ой-я-а!.. Большой Ха... ну, Филипп Петрович... он на этом... о-ой!.. помешан на всем...

— Ясно, — Федька вырвал шприц, нажал на плунжер и выпустил струйку белой жидкости в угол. Потряс шприцем, вдвинул плунжер до упора и вдруг сказал:

— Ну уж нет! — и с размаху засадил шприц в мягкое место охранника — не только иголку, но и резервуар, до ограничителя: — На память! Макс, пошли! Жень, сам иди, надо быстро!

Они взлетели по лестнице, пробежали через сарай, выскочил наружу.

Двое охранников шли прямо на них по сторонам дорожки, держа в руках палки электрошокеров. Стоявший на крыльце смуглый мужчина сказал:

— Только тихо и быстро — ну?

— Нашумели... — процедил Макс. Федька отшагнул в сторону, подхватил грабли, перебросил Максую тяпку:

— Жень, за спину... Теперь мы можем только драться...

Охранники замедлили шаг. Один оглянулся на смуглого, второй сказал неуверенно:

— Слышь, пацаны, кончайте...

— Сейчас, — кивнул Федька, подкручивая грабли. — Вот подойдете поближе, чтобы мне ноги не трудить, тут и кончу. Первого, кто подойдет.

— Стреляйте электродами и тащите в подвал, — подал голос смуглый. — Не хватало еще привлечь внимание...

Охранники заухмылялись, передвигая кнопки на шокерах. Федька засмеялся — горько и вызывающе. Это было как в саге — враги не могут взять героя мечами и расстреливают его из луков... Ну что ж!

— Макс, за спину!

Грабли описали гудящую дугу, отбрасывая в стороны с треском разрядившиеся электроды. Охранники переглянулись, один сказал рассеянно:

— Вот это фишка... — и полез за пистолетом. На стволе пистолета был длинный цилиндр.

— Все, — сказал Макс.

Федька пригнулся, готовясь прыгнуть. Он был уверен, что, если броситься на левого, то Макс и Женьку сумеют проскочить в ворота. Лишь бы Женька не подвел... Граблями по роже — дотянусь. Но и он успеет. Может, еще не насмерть...

— Уаааррррааааа!!!

Дикий двойной вопль, поддержанный воплями двух двигателей, заставил амбалов оглянуться — поздно. Синхронно взлетели над «чероки» «уралы» с победным грохотом сшибли охранников наземь. Собранная в комок цепь, брошенная Иглом, «отоварила» точно в лоб полезшего под пиджак смуглого.

— Место! — крикнул Дубль. — Второго ко мне!..

...Когда Гомер поднялся с плиток крыльца, то во дворе, кроме стонущих охранников, никого не было. Лишь на крыше «чероки» тянулись две вмятины с содранной до блеска краской.

Гомер засмеялся — сначала тихо, потом — в голос.

* * *

Остановились в лесополосе аж с другой стороны Изжевина — Федька ничего не приказывал и ни о чем не просил, доверившись рокерам. Все пятеро страшно хотели пить и умыться, поэтому, наверное, остановка оказалась около ручья, и минут пять никто ничего не говорил, все только булькали, пили и плескались. Потом Дубль предложил, вытирая лицо:

— Ну, что дальше?

— Дубль... это Вить, — Федька подошел к нему, — спасибо тебе. Без тебя...

— А, — Дубль отмахнулся. — Проехали.

— Деньги... — начал Федька, но Дубль поднял брови:

— Какие? Игл, ты про деньги слышал?

Игл, который пил, стоя на четвереньках, помотал головой, и Федька понял, что больше говорить про это не надо. Он протянул руку Дублю руку... и тот пожал ее. И вдруг спросил:

— А что, правда в "Отважном сердце" лажа?

— Правда, Вить, — кивнул Федька. Дубль вздохнул:

— Жаль... А это, какие ты там стихи читал? Про звезду?

— Это не стихи, а руна, — улыбнулся Федька. — Знаешь, что такое руны?

— Еще бы. Это у викингов?

— Ну, да... Так вот это руна «тир», вот такая, — Федька нарисовал носком кроссовки значок.

— На стрелу похоже, — оценил Дубль. — Поедем?

— Вы езжайте, а мы тут сами доберемся, нам еще поговорить надо.

— Лады, — покладисто отозвался Дубль. И сказал, уже подходя к мотоциклу:

— Это. Буду нужен — спроси любого в Железнодорожном, — и крикнул, пнув стартер: — Не собьёмся с пути! Туманы ночи — нам не помеха!..

...Женька стоял возле ручья, опустив руки. В его взгляде, которым он мерил то Федьку, то Макса, было отчаянье. Мальчишки молчали, устало и, как показалось Женьке, безразлично.

— Простите меня, — прошептал он вдруг... встал на колени. — Простите. Что хотите со мной делайте, только простите. Я не для себя. я для мамы... я... — он задохнулся.

Макс и Федька сели на траву рядом с ним. Макс молчал. Федька усмехнулся грустно:

— Эх, Женька-Женька, ничего-то ты не понял... Разве Юрка так уж хорошо живет? Он что, не мог от нас эту штуку спрятать? Тоже для мамы, для сестер, для братьев... а ты свою мать спросил — нужны ей деньги, которые ты у друзей украл?

— Прости, Федь, — Женька кусал губы. — Хочешь, избеи, я сопротивляться не буду, до крови избеи... только прости...

— Ты сопротивляться не будешь, а я буду бить? — Федька толкнул Женьку в плечо. — Дурачина... Да пойми ты: мы до тех пор живем, один за другого держимся. Вот только решил: а, все, для себя поживу! — и пропал. Нас на этом ловят.

— Федь, прости, — твердил Женька. — Скажи, что сделать-то — и прости

— Не добивай его, — Макс встал, потянулся. — Пошли. Забыли.

— Забыли, — согласился Федька и, встав, протянул руку Женьке: — Пошли. А этому Большому Ха — три ха-ха вместо тебя. Да с кладом посмотрим еще...

ГЛАВА 9

Изжевинская инквизиция

Макса забрали через два часа после того, как он вернулся домой, когда на обед заскочила мать, и они вместе уселись за стол. Вошедший в сопровождении сержанта лейтенант предъявил какие-то бумаги, и никто ничего подумать не успел, не то что сказать или сделать, как на запястьях Макса защелкнулись наручники.

Вот тут Ковалык-старшая, до этого просто хлопавшая глазами, взвилась, как кошка, у которой обидели котенка. Слова «фашисты» и «сталинисты», которыми она наградила милиционеров, опешивших от такого натиска, были мелочью по сравнению со схваченной витой кочергой.

Сержант взялся за дубинку, и тогда Макс, все это время взиравший со спокойной насмешкой взиравший на блюстителей порядка, подал голос:

— Ма, успокойся. Их же всего двое, ну как им вести одного пацана без наручников?

От этих слов женщина выронила кочергу, но не заплакала, а железным голосом сказала, что через час будет со своим адвокатом и камня на камне там не оставит. Лейтенант, вздохнув с облегчением, сказал, что это ее право, а он только выполняет приказ. Сержант вообще ничего не говорил, но в фургоне УАЗе отвесил Максу палкой по ребрам. Макс подышал сквозь зубы и улыбнулся.

Сержант отодвинулся от задержанного и всю дорогу посматривал на него испугано.

В реальности Макс не ощущал той уверенности, которую демонстрировал. Он не понимал, за что его схватили, а догадка была страшноватой — если это Большой Ха действует так нагло, то дело плохо. Мальчишки рассчитывали, что после освобождения Женьки «кладоискатель» во всяком случае не будет рыпаться во избежание огласки... но, похоже, в городе он чувствовал себя хозяином! Это наводило на неприятные мысли, и Макс не мог выработать линии поведения до того момента, когда, сняв с него наручники, сержант, что-то буркнув в виде доклада, впихнув его в покрашенный химически-зеленой краской кабинет, где за столом расположился молодой парень в гражданском; поверх рубашки с коротким рукавом болталась кобура с пистолетом. "Следователь," — понял Макс и сказал, потирая запястья:

— Здравствуйте.

— Садись, пиши, — без предисловий следователь кивнул на стул и по исчерканной чем-то острой поверхности стола двинул к Максу белый листок и черную гелевую ручку.

— Что? — слегка удивился такому началу и такой постановке вопроса Макс, не прикасаясь к ручке. Следователь поднял на него глаза:

— Что? — переспросил он. — Что скажу. Да ты успокойся, — неожиданно улыбнулся он, — напишешь и пойдешь домой. Ты у нас раньше ни в чем не замечен не был, дадут пару лет условно, и все. Готов? Значит так....

— Я не понимаю, — покачал головой Макс. Следователь перестал улыбаться, но сказал по-прежнему дружелюбно:

— Да ничего и не надо понимать. Дружок твой, Федор, уже все написал. Дело за тобой.

И тогда Макс засмеялся. Он смеялся искренне и весело, а следователь удивленно разглядывал мальчишку. Макс фыркнул напоследок и, покачав головой, весело сказал:

— По-моему, вы перепутали нас с сельскими придурками, укравшими банку варенья у соседа и теперь кричащими: "Это не я, это все Сашка!" Федор все написал? Во-первых, извините, что — «все»? А во-вторых, извините еще раз, Федор вам ничего не написал бы, даже если бы вы начали пытаться его током. Я конечно, не обладаю такой стойкостью, увы — но, мне кажется, пытаться меня вы все-таки не станете, а я ничего не стану писать. И вообще разговаривать с вами в отсутствие родителей, адвоката и человека из управления образования.

Следователь, вскочив, перегнулся через стол. Его лицо оказалось в полуметре от лица Максима, и тот подумал, что при желании легко мог выхватить пистолет из кобуры. Мысль была забавной, мальчишка улыбнулся. Это окончательно вывело следователя из себя, и он почти зашипел:

— Пытать не стану, но могу приказать запрятать тебя на трое суток в предварилровку, и

никакой адвокат тебя оттуда не вытащит. Там у тебя будет теплая комнания. Знаешь, что там с тобой сделают?

— Подозреваю, — Макс посерьезнел. — Ну что ж. Это другой разговор. Думаю, на это у вас может хватить ума. И на такой случай я хочу предупредить: вам лучше сделать так, чтобы меня убили.

— Ты что несешь!?! — следователь даже взвизгнул, отшатываясь, метнулся вокруг взглядом. Макс спокойно отозвался (спокойствие давалось тяжело, ему было страшно, и этот страх выкручивал внутренности так, что хотелось поставить ногу на ногу, но он продолжал сидеть в свободной позе):

— Дело в том, что рано или поздно я из вашей предвариловку выйду, если меня не убить, согласитесь? Вытерплю все, что там придумают, и выйду. И знаете, что я тогда сделаю в первую очередь? Загляну на интернет-сайты всех газет, какие смогу вспомнить. И оставлю там историю о том, как следователь — узнать ваши данные будет очень просто — бил задержанного несовершеннолетнего куском резинового шланга, пытал голодом, а потом отправил в камеру к взрослым заключенным, и все это — не предъявив ни единого обвинения. Масса журналистов на таких вещах себе имя делает, а своим газетам — рейтинг. Делать вы, кроме как искать пропавших кур, ничего не умеете — ни руками, ни головой. Поэтому за пол года сопьетесь. И будете кучковаться на сортировочной станции, мимо которой я хожу в школу. Обещаю, что буду иногда подавать на бутылку. Если особо жалостливо попросите.

Следователь озадаченно моргал глазами. Обычно задержанные такого возраста сразу начинали канючить, раскисали и пускали слезу, готовые сделать все, что угодно, лишь бы не сбылись угрозы, высказанные им. Но этот тощий мальчишка смотрел с жесткой насмешкой, и следователь вдруг поймал себя на мысли, что... робеет перед ним. В нем вспыхнула злость, неизвестно на какие дальнейшие поступки его подвигнувшая бы... но в дверь постучали, и в кабинет вошел человек в хорошем костюме, чем-то похожий на добродушного хомяка.

— Вы извините, сказал он, улыбаясь, — но, мне кажется, это я в некоторой степени виновник всего происходящего недоразумения. Разрешите представиться: Хамов, Филипп Петрович.

* * *

Большой Ха был сама любезность. Какое вторжение?! Да что вы! Мальчишки действовали несколько импульсивно, но их можно понять — они выручали товарища, как им показалось, попавшего в беду, в плен мафии. Фантазии подростков... Ах, какой ущерб, что вы?! Его охрана тоже виновата, что делать, не все люди достаточно умны; вольно им было закрывать пойманного на попытке кражи подростка в подвал на целые сутки, да еще угрожать ему... какой шприц, какой яд?! Все та же нелепая, глупая шутка, попытка напугать, а остальное мальчик, конечно, выдумал, чтобы оправдаться... в машину? Да, сажали, потому что нужен был человек, который покажет дорогу к дачному поселку, но на окраине высадили, заплатили — очевидно, тогда он решил немного «потрясти» приезжих, на чем и попался позже... Да что вы, какие претензии! Он понимает, что мальчик и его мать пережили за эти часы, он со своей стороны не просто готов со своей стороны закрыть глаза на попытку воровства — он извинится и выплатит компенсацию... А об этом вообще говорить не стоит — ребята выручали друга, проявили себя, как герои, святое дело! Они же не знали, что имеют дело с бизнесменом, а не с мафиози... Клад?! Ах ты, господи, конечно! Его хобби! Да-да... но тут, в Изжевино, он по приглашению мэра — дела чисто практические... карта? Нет, не видел... Какая комиссия?! Какой учет?! Что вы! Да он себе не простит, если испортит мальчишкам жизнь! Она и так нелегкая в современной России — он именно за этим сюда прибыл... программа помощи, его личная инициатива... да ну, не надо, какое «спасибо»? Конечно, отпустить! Конечно, немедленно! Нет, с родителями и родственниками он все уладит сам, сам, это его вина....

Макс молчал, молчал и Федька, и Женька, которого оказывается, тоже взяли и привели.

Но Макс заметил, как Федька смотрит на Большого Ха — и испугался.

Взгляд старого друга был беспомощным и злым, как у человека, который полностью отчаялся. Макс еще никогда не видел таких глаз у командира ЮКов. Тот всегда был уверен в себе и решителен, казалось, что для него не существует непреодолимых проблем....

...Мальчишки вышли из здания ГУВД одновременно, конечно. Женька, неуверенно посмеиваясь и поглядывая на Федьку и Макса, (простили?.. нет?..), сказал:

— А меня детектором лжи пытали.

— Во, это правда, что ли?! — вырвалось у Максима. — Откуда он у них?!

— Да ниоткуда, — отмахнулся Женька и засмеялся уже по-настоящему: Осциллограф(1.), блин, старый приперли, как в кабинете физики, с какими-то проводами, говорят, сейчас тебя на детекторе лжи будем проверять...

— Я ты?

— А что, совсем затормозил? Говорю: проверяйте, только в сеть не забудьте включить и заклинание прочитать.

— А они?

— Да ничего, тут как раз за мной пришли... Ладно, пойду я.

— погоди, мы тебя проводим... — начал Макс и замахал рукой: — Ма! Мам! Во, она нас подвезет... Федь, поедешь?

— Я? — Федька следил, как из здания, сопровождаемый милицией, выходит Большой Ха. — Нет, я... нет. Макс, вы с Сашей вечером приходите. Поговорим....

...Большой Ха догнал Федьку у поворота в один из ведущих к центральной площади переулков.

— погоди, — окликнул он. Федька обернулся. Большой Ха был спокоен и серьезен. — Я хотел тебе сказать. Не надо мне мешать. Ничья. Все при своих. Забудем — и живем дальше. И вы. И я.

— Живем — вы как хотите, и мы, как вы хотите? — тихо спросил Федька. Большой Ха кивнул:

— Именно так. А что, у тебя есть альтернатива? Средства, возможности? Ты можешь собой гордиться: а предлагаю мировую. Через пару недель меня тут и след простынет, Викинг. Вот видишь, я даже знаю, какое у тебя прозвище было на недавних боях без правил... Так как?

Федька вскинул голову. Хотел что-то сказать. Но в глазах у него блеснули неожиданно слезы, он всхлипнул — и опрометью бросился в переулок.

Большой Ха улыбнулся.

1. Прибор, регистрирующий прохождение элементарных частиц в виде светлой точки на экране, оставляющей волнистый след.

ГЛАВА 10

Заморочки — на бочку!

Вечер был тихий и теплый, на безоблачном небе бесконечно горел летний закат — а на другой половине зажглись крупные звезды.

Дверь штаба ЮК была открыта. Настежь. Лидеры команды сидели без света. В полной тишине июньского сада время от времени тонко подавала голос тонкая гитарная струна под пальцем Федьки, устроившегося на верстаке. Саша сидела на кресле, Макс стоял у косяка, придерживаясь высоко поднятой рукой за притолоку. Все эмоции, казалось, уже выплеснулись, уже почти пол часа царило полное молчание, только Федька нет-нет, да и пощипывал струны.

Настроение было... да нет. Не было никакого настроения. Был повисший в воздухе на вечные времена НИКАКОЙ миг — теплая ночь, кроны деревьев в еще светлом небе, редкая россыпь звезд. И не хотелось ничего другого, потому что за пределами этого мира царила

отвратная несправедливость, которой не было названия и определения.

Никто из троих не говорил об этом. Но все трое об этом думали. И каждый знал, что другие об этом думают, и ничем не мог помочь.

— Уйти бы куда... — вдруг тоскливо сказал Федька.

— В монастырь? — безразлично сказала Саша.

— В женский, — также безразлично добавил Макс и неприятно засмеялся.

— Нет, — Федька вздохнул. — Куда-нибудь, где... Как у Нортон, помните(1.)? Тот мужик, бывший военный... В какой-нибудь колдовской мир. Подальше отсюда. Чтобы всего этого не видеть... — он тронул струны и начал было:

— Надоело

Говорить и спорить... — но оборвал сам себя: — А, все фигня.

— Помните, в апреле, в Красноярске, пятеро пацанов пропали? — Саша сцепила пальцы на коленке. Мальчишки вяло покивали. — А под самый День Победы их сгоревших нашли? В полукилометре от дома, в каком-то люке... Кому они были нужны? Кто их искал? И кто за это ответил? Даже сказать не могут толком, что с ними сделал, для чего убили...

— Перегибаете, Саш, — возразил Макс, не поворачиваясь. — Их три недели чуть ли ни дивизия искала...

— Ага, с собаками, с вертолетами! — зло сказала девчонка, вскинув голову. — Стройки обшаривали, подвалы, вокзалы! Девятьсот беспризорников нашли — а то раньше про них не знали! Даже в тайге искали, а то им делать было нечего, в апреле в тайгу переться! А искать-то надо было в домах из красного кирпича за красивыми заборами. И все это знали, мальчишки. Вы понимаете, в чем ужас-то: все! Милиция, власти — все знали, где их надо искать! Только это было нарушением прав частной собственности и неприкосновенности жилища. А ордер так просто не получишь, адвокаты растерзают... Вот и кипелись по всей Сибири: ах, смотрите, как мы их ищем! Ну и нашли. И тут же крутить начали: да они сами!.. да они типа обнюхались и сами сожглись!.. Представляете, мальчишки: сидит вот такой сибирский Большой Ха и говорит своему начальнику охраны: "Ну-к, привези мне пяток пацанов, да не с улицы, мне бомжата надоели!" И тот...

— Саш, не надо, — скривились, попросил Макс. Федька опустил голову, на скулах у него играли желваки. Саша вскочила:

— Ах, "не надо!"?! Тоже башку в песочек?! А передачу "Жди меня!" смотрите?! Хорошая передача, да?! Только мне интересно: хоть один ребенок из тех, про кого точно знают, что их похитили — ХОТЬ ОДИН вернулся?! Ни одного! Ни единого! Мы тогда в области жили... мама сводки читала дома — плакала! Поехал купаться — один велик нашли! В магазин за радиодетальями выбежал, даже паяльник не выключил — с концами! Еще одну от собственного дома, как Женьку, на машине увезли, затащили внутрь и увезли! А другого украли, позвонили родителям посмеялись и даже выкуп не назначили, только рассказали, что с ним делают! Это что — не ад на земле?! Не кошмар наяву?! Да если бы те... если бы ветераны, которые тогда... которые за нас погибли... если бы им про такой День Победы рассказали... — И Саша внезапно расплакалась, прижав кулаки к глазам.

Мальчишки подошли к ней и обняли с обеих сторон. просто так, безо всякого, чтобы успокоить. И Саша постепенно успокоилась. Сказала тусклым голосом, отстранясь от мальчишек:

— Никому мы не нужны... — села в кресло. Они вернулись на свои места. — Только разной сволочи, как добыча... Да и со взрослыми почти так же... Мне вообще иногда кажется, что они с ума посходили. Мечутся, конкурсы какие-то устраивают, играют, веселятся, друг друга награждают, премируют, хвалят, делают вид, что все в порядке... помните, как в этой книжке Уэллса(2.) — их ели, а они делали вид, что людоедов, нет, помните? А попробуй только защищаться — ты же виноватым окажешься, такое вешают... Вот ты, Федь! — она повернулась к Федору, и тот грустно улыбнулся: — Ты умный, смелый, честный. Про тебя должны в газетах писать, в журналах фотки во весь разворот печатать! Из таких, как ты, из них... из них щит и меч страны вырастают! А что про нас печатают?

"Концерт группы «Корни» к колонии для несовершеннолетних"... "Малолетние сатанисты принесли в жертву сантехника"... А ты, Макс?! Таким, как ты, государство с детского сада должно стипендии назначать, чтобы они свои таланты ради... ради Отечества развивали! А не будь у тебя мамы с деньгами — думал бы ты об институте после одиннадцатого? Фик. Даже если у тебя башка, как и Эйнштейна. А Юрка наш?! Семь человек детей, живут в доме, который своими руками из ничего построили, да такую семью должны на руках носить! А они друг за другом кроссовки донашивают, "Ах, вымираем, ах, что делать?!" Ну, Федор?! Что скажешь?! Командир! Такие, как ты, в войну эшелоны под откос пускали! И?!

1. Федор имеет в виду фэнтезийную эпопею американской писательницы А. Нортон "Колдовской мир".

2. Саша имеет ввиду фантастическую антиутопию английского писателя Герберта Уэллса, изобразившего в романе "Машина времени" мрачный мир будущего, где человечество разделилось на ночных людоедов-морлоков, пожирающих изнеженных и беспомощных элоев

Деньги любому
сулят утешенье,

— с неприятной улыбкой процитировал Федька, беря гитару снова,

хоть каждый и должен
их тратить охотно,
если желает
поддержки лорда...

Толкование руны «феох» — «богатство» — из...

— ...из "Древнеанглийской рунической поэмы"! — зло крикнула Саша. — Это все?!

— Нет! — вдруг также зло рявкнул Федька. — Могу еще спеть! Слушайте!.. — и, перехватив гитару, запел необычным, не похожим на свой собственный, сорванным голосом:

Уйдем в синий край рассвета,(1.)
Где долгая память детства,
Как смуглый от солнца мальчишка,
Смеясь, бежит по траве...
Там людям не целят в спину,
Там правда для всех едина,
Там если враг — то скрытый,
А если друг — то навек...

— он не допел, хлопнул по струнам, медленно отложил гитару, как что-то хрупкое. В штабе опять стало тихо, но это была плохая тишина. Никто не смотрел друг на друга. И в этой тишине Макс сказал:

— Вот так договариваются до мыслей о коллективном самоубийстве.

Саша завопилась, коротко вздохнула. Закат почти погас. Снова стало тихо. Федька дотянулся, тронул струну — она заплакала. Поднял голову и очень спокойно сказал:

— А что? Может давайте?

— Что? — Саша снова завопилась. Федька усталой ноткой отозвался:

— Не надо, Саш... Все понимаешь, чего теперь... Не мы первые, не мы последние. А что еще делать, если мир такой... такой паскудный — уйти некуда, поменять ничего не поменяешь? Пробуем — и крайними слева остаемся... Как будто идешь, идешь по снежной целине, ноги вязнут, холодно, а впереди — ни одного огонька. И главное — знаешь, что их и не будет, огоньков, НЕ БУДЕТ. Так чего уж...

Саша на этот раз промолчала. Макс сказал тихо:

— И он вынул меч....

— ...укрепил его рукоятью в камнях и навалился грудью на остриё,(2.) — закончил за друга Федор.

— А как? — все также тихо спросил Макс, отталкиваясь от косяка. — Ты подумал?

— Подумал. Вон там, над верстаком, укрепим петли. Потом за руки возьмемся и прыгнем.

— И будем висеть в мокрых штанах?(3.)

1. Стихи В. П. Крапивина.

2. Федька описывает много раз упоминаемый способ, которым кончали с собой викинги — их мечи имели не острое, а скругленное, но хорошо отточенное окончание клинка.

3. Макс озвучивает неприятный факт — при переломе позвоночника человек произвольно опорожняет кишечник и мочевой пузырь.

— Не будем. Тут невысоко, а мы не очень тяжелые. Позвоночник выдержит. Задохнемся и все. Это не очень долго, а не почувствуешь почти сразу ничего.

Снова наступило молчание. Долгое. Очень. Федька тронул струну, она уронила в темноту еще одну слезу. И тогда Макс сказал:

— Ну, давай. Может, там лучше будет. А может — никак... но это все равно лучше.

— Угу, — Федька поднялся и потянулся.

— Мальчишки!.. — Саша вскочила. Макс вдруг очень ласково сказал:

— Саш, мы тебя не заставляем. Ты уходи. Все нормально.

— Я не об этом! — в голосе девчонки звенел гнев, и Федька остановился, а Макс поднял брови. — Я не об этом! Разве это выход?!

— А разве нет? — Федька не сводил с девчонки глаз.

— Нет! — взвился голос Саши. — И не думайте, что я боюсь! Просто... а как же Юрка?! а другие наши?! Они же нам поверили, а что теперь?! Три тушки в петлях и слюнявая предсмертная записка?! Мальчишки, а как же наш город?! Кому мы его оставим?! Этим... морлокам отдадим, чтобы они тут ползали и делали что хотели?! Ведь он же — НАШ! И то, что вы задумали, трусость! Предательство! Подлость!

— Она права, — Федька потер виски, прерывисто вздохнул, покрутил головой:

— Чего это на нас нашло?!

— Давление общего энтропийного поля, — сказал Макс. — На подростках оно особенно часто сказывается.

— Мальчишки, — осторожно сказала Саша, — вы передумали?

— Конечно, — кивнул Федор. — Зачем мучаться, если нас и так прибьют? — Макс и Саша засмеялись, а он подошел к стене с плакатом, изображавшим Эомера, и снял с креплений меч. Обнажил клинок и вытянул руку с оружием перед собой. — Ну и пусть ничего нет. Ну и пусть никому мы не нужны. У нас есть мы сами. И этого никому не отнять.

— "Долго ли мука сея будет, протопоп? — До самая — говорю — Марковна, до смерти. — Ну, добро — ино еще побредем..." — без улыбки сказал Макс. — "Житие протопопа Аввакума".

— Вот-вот, — Федька кивнул. — Побредем. Побарахтаемся. По-бо-рем-ся! — и рассек воздух клинком, потом положил его на левую ладонь. Постоял, кусая губу, и заговорил: — Я... Гриднев Федор... клянусь на мече перед своими друзьями и перед нашей землей Русской, что... не сдамся и буду бороться за правду, за которую погиб стрелец Кузьма... и не отдам его память... на... на поругание, — он поднял глаза и протянул оружие Максу. Тот, помедлив, положил на оружие свою ладонь, а через миг легла Сашина рука, и два голоса повторили:

— Я, Ковалык Максим...

— Я, Климова Александра...

...- Весной в Марийской Республике трое пацанов повесились, — Саша открыла бутылку лимонада. Макс покачал головой:

— Саш, что-то у тебя сегодня....

— Ты дослушай, потом перебивай, — девчонка кинула в приятеля колпачком. — Они каких-то кроликов украли, их забрали, били в милиции, ну и «закрыть» обещали, потом отпустили, а они повесились... а через два месяца, вот, недавно, на телевидении программа была. Там такой молодой в мундире глазки выпучил, лицо благородное и честное сделал — и понес, и погнал... оказывается, никаких следов побоев не имелось, мальчишки, когда вешались, пьяные в дым были и вообще — у них наследственность плохая, кто-то у кого-то в семье лет сто назад с собой кончал. Никто их не бил, ничем им не угрожали... Конфетками накормили, чаем напоили, ласково поговорили и отпустили, а они, негодяи мелкие, насосались портвешку и удавились, чтобы милицию подставить... Только пацаны те, между прочим, не то что не выпивали — они не курили даже. А кролов украли, потому что жрать хотели. А что до побоев — так дураку ясно, что можно бить, а следов не останется, тут уметь главное...

— Саш, — Федор внимательно посмотрел на девчонку, — ты это к чему?

— А к тому, — она помотала пальцем, — что нам, мальчишки, сейчас надо быть осторожными и хитрыми. Каждый шаг выверять. Понимаете, мы сейчас почти подпольная группа под колпаком у Мюллера. Нас взять ничего не стоит. А потом скажут, что мы были шайкой малолетних алкоголиков, хранили в нашем штабе наркотики, оружие, боеприпасы, взрывчатку и ваххабитскую литературу, а кроме того, угоняли стада коров с ферм, чтобы продать их в соседней области. Ну а когда нас разоблачила доблестная милиция, мы ловко ушли от ответственности путем смерти.

— Да, — пробормотал Макс, — союзников у нас нет... Ни мамины адвокаты, ни твоя родительница, Саш, ни даже остальные наши ребята-девчонки нам не помогут...

— Ребят с девчонками в это дело втягивать мы не имеем права, — хмуро сказал Федька. — Особенно Юрке ни слова. Это не автоматы монтажной пеной заливать, тут дело просто гробом пахнет... А если честно, не знаю даже, с какого конца братья.

— Ну, а вот меня кое-какие задумки есть, — решительно сказал Макс. Федька кивнул ему:

— Выкладывай свои заморочки на бочку.

Но Макс не успел начать говорить. В воздухе повисли дальние лучи мощных фар, заурчал мотор, умолк, хлопнула дверца, и мужской голос неподалеку позвал:

— Федор, я же знаю, что ты там сидишь! Вылезай, открывай! Отец приехал!

— Папка!!! — несолидно взвизгнул Федька и пулей вылетел наружу. Из сада донесся вопль: — Папка приехал!!!

ЧАСТЬ 2

"ЮК" — УЖАС ЛЕТАЩИЙ НА КРЫЛЬЯХ НОЧИ

ГЛАВА 1

Долой, долой туристов...

— Вот такие дела, па.

Гриднев-старший, сидя за столом, с аппетитом уплетал приготовленную Федькой яичницу с колбасой, помидорами, перцем и луком. Рассказ сына во всех подробностях его обескуражил не более, чем сам факт появления этого блюда на столе во втором часу ночи. Ни слова не сказав, он отвез Макса и Сашу по домам, ока Федька кипел по домашнему хозяйству — все дела отложили на завтра и друзья это поняли. А когда отец уже вернулся, его уже ждал накрытый стол — и обстоятельный рассказ.

— Интересные, — признал бывший морской пехотинец. — Слушай, а если я как-

нибудь задержусь в поездке на пару дней, вы что затеете? Свергнете мэра?

— У нас опыта нету...

— Посмотри "Ленин в октябре", — посоветовал Гриднев-старший, — там все очень точно показано...

— Па, — Федька присел на табурет, обвил ножки ногами. — Делать-то что? Макс сказал, что у него какие-то планы есть, но тут ты приехал... Да и потом: ну кто мы такие? Двое пацанов и девчонка. А кто против нас?

— А правда — кто против вас? — дальнобойщик отломил кусок хлеба и занялся вытиранием тарелки. — Дурак, выбранный дураками на дурацкий пост. Еще несколько дураков в псевдомундирах с псевдозваниями. И жирная сволочь, которой место в тюрьме. По-моему — мелочи.

— Пап, ты что хочешь сказать?! — Федька недоверчиво уставился на отца. — Ну ты даешь" а если нас поубивают?!

— а если крыша рухнет? — Николай Андреевич положил вилку, дожевывая корку и налил себе минералки. Слова были шутливыми, но глаза серьезными. — А если завтра к нам придут и скажут: "Выселяйтесь, тут будет сервис-центр с гаражом и бензоколонкой!"? Нет, конечно, можно отступить. Можно. Только тогда опомниться не успеешь, как доотступаешься до Северного Ледовитого. Ты когда-нибудь видел моржей?

— Так ты предлагаешь... — Федька сплел пальцы под подбородком.

— Я это дело так понимаю, — Гриднев-старший принял ту же позу. — Вас обокрали. и не только вас, но и ТЕХ людей тоже. Это несправедливо?

— Несправедливо, согласился Федька. В его задумчивых глазах начинали медленно разгораться золотистые искры.

— Так. Можно начать сражаться. Только есть вероятность, что пострадаешь или даже погибнешь. А можно уступить. Тогда будешь отступать всю жизнь, но останешься жив, цел и не вредим. Итак, Викинг?

"Ну пап!.." — хотел сказать Федька, но вдруг понял, что отец сказал это без насмешки. И вслух заявил:

— Ты, пап, сумасшедший. Другой бы своего сына...

— Это говорит мне человек, заработавший на подпольном мордобитии пятьдесят тысяч и отдавший половину тому, кто ему просто "понравился"! — возгласил Николай Андреевич. — А что до "другого!.. Есть такая штука: "инстинкт квочки". Правда — страдают им в основном матери, но и детей в основном воспитывают тоже они... Это когда бросаются защищать свое чадушко от любой видимой опасности — героически, безоглядно и глупо, потому что за этой опасностью не видит других, отдаленных от времени... "Товарищи боевики! Отдайте мне моего сыночка, пожалуйста — возьмите Кавказ, Волгу, Москву, только Петеньку верните!" А Петенька в плен попался, когда в самоволку за куревом бегал...

— Па... Федька помолчал. — Па, а ты меня из плена не стал бы...

— А ты бы туда попал?

— Ну, не за сигаретами... но ведь по-разному бывает... — задумчиво высказался Федька.

Николай Андреевич протянул над столом руку и взял сына за плечо:

— Я бы сделал все, чтобы освободить тебя. Организовал бы рейд. Захватил бы в заложники родню главаря бандитов. Но — ни выкупать, ни выпрашивать не стал бы, потому что это моральная капитуляция перед мерзавцами. И тут тоже самое, только этот ваш Большой Ха куда опасней боевиков... А в том, что первый раунд вничью — тут он прав. Все при своих. Ведь, как я понял, у вас есть все копии документов?

— Да, — Федька кивнул. — Только карта... там понять ничего нельзя толком.

— Это мы потом посмотрим, — обнадежил его отец.

— То есть ты предлагаешь нам сражаться? — сформулировал наконец Федька решение отца.

— Да, — кивнул тот, — но только НЕ ЗДЕСЬ.

— Не... — Федька свел светлые брови, почесал переносицу.

— Здесь Большой Ха сильнее, — пояснил отставной офицер. — Такие люди бравируют тем, что им плевать на власти и законы, но на самом деле они плоть от плоти и кровь от крови властью и законов и могут уверенно действовать только в привычной обстановке. А вот попав в Непривычную — теряются и начинают громоздить ошибку на ошибке. Если я вдруг сумею уговорить матерей Макса и Саши — крупнейшую бизнес-леди нашего городка и оперативного работника милиции, заметь! — вместе действовать против Большого Ха, мы проиграем очень быстро, причем совершенно законно. И еще окажемся виновными, а он — пострадавшей стороной... Но если выскочить с игрового поля Большого Ха... — Николай Андреевич многозначительно помолчал.

Искры в глазах Федьки превратились в здоровенные огоньки. Он медленно улыбнулся:

— По-ни-ма-ю-ю... — почти пропел мальчишка.

Ехать по залу
легко для любого
воина; но
тяжко тому, кто
в дальней дороге...

— Это какая руна? — осведомился с улыбкой отец. Уже совершенно открыто улыбаясь, Федька пояснил:

— Толкование руны «рад» — «поездка» — из "Древнеанглийской рунической поэмы"... Ты хочешь сказать — Большой Ха человек Большого Города. А мы...

— Тс, — Николай Андреевич поднес палец к губам Федьки. — Вы проиграли и смирились. и если завтра ты встретишь его на улице — вежливо раскланяешься. А сейчас пойдешь спать...

...Через открытое окно комнаты Федька слышал, как отец в саду напевает:

Долой, долой туристов,
бродяг-авантюристов —
Представьте, в магазинах вдруг не стало ни шиша!
Не стало ни тушенки,
Ни пшенки, ни сгущенки —
Сожрала все проклятая туристская душа!
Спроси у них про душу —
они тебя задушат,
Спусти на них собаку —
они ее сожрут...

Мальчишка засмеялся и рухнул в постель. Он заснул почти сразу — но перед этим решил представить себе сосны на высоком берегу и себя, поднимающегося по крутой тропинке, в конце которой ждала...

...- Огоньку не найдется? — спросил человек, останавливаясь около калитки. Николай Андреевич покачал головой:

— Не курю, друг... — и, всмотревшись, тихо сказал: — Гомер? Тахир... ах... ты...

— Да, я капитан, — человек прислонился к забору. — Ты ведь тогда капитаном был?

— Был, — угрюмо подтвердил Гриднев-старший. — А ты, помнится, старлеем?

— Точно так... Я еще когда этого мальчишку увидел, подумал — похож. А потом фамилию узнал... Ты со своей развелся, что ли?

— Угу... а ты женат? — Николай Андреевич встал с лавочки, тоже оперся на забор плечом. Гомер покачал головой:

— Не дождалась... Мелочи жизни. Сейчас, наверное, локти кусает.

— Так, ты значит, у этого — у Большого Ха?

— Догадался? — Гомер принял более удобную позу. — А может, я просто сослуживца решил навестить?

— Совпадения и перетасовки... — задумчиво сказал бывший офицер, не обратив внимания на последнюю реплику. — И с чем же он тебя прислал, товарищ бывший старший лейтенант?

— Ты не язви, не надо, — дружелюбно ответил Гомер. — Глупо. Помнишь, как ты меня называл, когда я решил службу бросить? Ну и что? Где ты — и где я?

— Ты в дерьме, — спокойно сообщил Николай Андреевич. — Как я и предупреждал.

— А ты в белом? — не обиделся Гомер. — Я в дерьмо сам прыгнул, тебя в него окунули, вот и вся разница. Только я теперь живу, как мне хочется, хотя красивых слов не говорил, а тебе "за державу обидно" было — вот и крутишь баранку в той державе, которая тебя на помойку выкинула.

— Меня Гомер, — без обиды сказал Гриднев-старший, — не держава на помойку выкинула. А те прилипалы, которые к ней присосались, разбухли и себя главными возомнили... Да и ты, сдается мне, не очень-то счастлив, хоть и пыжишься. Тебя ведь Большой Ха послал?

— Нет, — Гомер ссутулился, вздохнул, посмотрел в небо. — Он про твоего пацана и думать забыл... Я... Я правда решил тебя навестить, когда понял, что это правда твой сын. Хороший парень.

— Да ну? — Гриднев-старший улыбнулся. — Поэтому вы его убить хотели?

— Помнишь, как меня Мамедгасанов захватил? — не ответил на вопрос Гомер. — Мы с ним долго разговаривали... "Ты мусульманин — и я мусульманин. Зачем служишь неверным? У нас есть ваши татары, переходи и ты к нам, будем платить в десять раз больше, чем твои русские платят!"

— Я вот и удивляюсь, — добавил Гриднев-старший, — что ж ты тогда не согласился?

— Ты!.. — Гомер вдруг вспыхнул, подался к бывшему сослуживцу, но тут же отстранился. — Это разные вещи, — добавил он устало. Николай Андреевич кивнул.

— Это точно... Те хоть о какой-то идее твердят. А тут ты за чистые деньги продался. Без идеи оно спокойнее, а Гомер?

— Я поговорить с тобой хотел, — устало сказал Тахиров.

— О чем? — отозвался Николай Андреевич. — О том, как тебе от твоей нынешней жизни нехорошо? Я не священник, грехи отпускать не умею, исповедоваться мне не стоит. Да и не верю я в раскаяние, Гомер. Каждый сам живет, сам выбирает. Таких, что "не ведают, что творят", на свете нету. Что еще скажешь?

— Не получилось разговора... — вздохнул Гомер. — Ну что же. Прощай...

— Ага, — кивнул Гриднев-старший. И тут же в спину спросил уходящего Тахтрова: — Гомер! Ты свой "Крест за мужество" как — подпольно носишь, или твой ХОЗЯИН разрешает?

Тахиров промолчал, так и ушел. А Николай Андреевич уже без слов засвистал сквозь зубы мотивчик туристкой песенки.

Свист был печальным.

ГЛАВА 2

Дробь 16-ть.(1.)

День выдался особенно жарким даже на фоне вообще-то жаркого июня. После утренней тренировки Федька, Макс и Саша покатали на велосипедах на Ворону, логично рассудив, что приятное (купание) можно совместить с полезным (совещанием).

Короткая дорога через поля была жаркой, пыльной, безлюдной и совершенно лишенной каких-либо признаков тени. Слева на горизонте гребли через поля несколько машин. Небо раскинулось вылинявшее и опустевшее — облачка, ни птички. Поднятая

велосипедами тонкая пыль оседала ровным слоем на всех троих, от волос до пяток. Одежду и обувь предусмотрительно упаковали в притороченные к багажникам пакеты, остальное можно смыть — но Саша решительно сказала, налегая на педали:

— Ну уж нет, обратно едем проселками. А то что же купались, купались...

— Там решим, — Федька оглянулся — дорога позади была так же пуста, как и впереди. — Ребята, я отцу все рассказал... Кстати! — спохватился он. — Где Юрка? Он на тренировке не был.

— Не надо колыхаться, — через плечо бросила выехавшая вперед Саша. — Я узнавала. Он отпросился на неделю к какому-то деревенскому дядюшке.

— Я бы вообще на его месте в Магадан сбежал, — пробормотал Федька, — от такой каторги.

— В, — сказала Саша. Федька уточнил:

— Что?

— В Магадан. Это город, а не местность.

— Кстати, о местности, — Макс поднажал на педали, догнав друзей, они покатили в ряд, нарушая все правила. — Нам тоже надо куда-то уехать. Буквально на днях. К дяде. Или к тете, или на заработки в Испанию — но чтобы нас ОФИЦИАЛЬНО не было в радиусе ста километров Изжевина.

— Сделаем, — пообещал Федька. — Молодежный лагерь аж в соседней области, руководитель — друг отца. Ваши-то против не будут?

1. Такого снаряда не существует — "дробью шестнадцать" на армейском жаргоне называют... перловую кашу.

— Только обрадуются, что нас в городе не будет, пока в городе Большой Ха, — заверила Саша. Макс кивнул, Федька продолжал:

— Только я не понял, что ты придумал, Макс.

— Совсем не понял? — Макс скрестил руки на груди, чуть не съехал в канаву на обочине, ухватился за руль и выправился. — Я намеревался предложить партизанскую войну.

— Нет, это и отец вчера говорил, — возразил Федька. — Но чтобы начать эту войну, нужно минимум узнать, ГДЕ партизанить. Ты что, в карте разобрался?

— Не разобрался, — признался Макс. — Это, кстати, утешает — вряд ли Большой Ха что-то понял. Но я рассуждал. Стрельцы ехали в Рязань, так? Рязань от нас на северо-западе. Логично предположить, что они ехали по прямой или почти по прямой, выдерживая общее направление...

— Нелогично, — возразила Саша. — Они прятались от этих. От лис.

— От лисовичков, — поправил Макс. — Верно. Я не говорю, что они вообще перли точно на северо-запад, но общее направление выдержали наверняка. Теперь следите за ходом моей гениальной мысли. Кузьма спрятал план, когда понял, что не доедет до людей. Значит — после гибели отряда он еще какое-то время держался того же направления, что и раньше. А теперь вспомните, — Макс процитировал: — "Схороню казну, да поеду легко к людям, а коль того не возмогу — спрячу грамотки где-нито..." То есть что?

— То есть в наши места он выехал уже БЕЗ казны, — подытожил Федька, — а спрятал ее где-то там, — небрежно бросив руль, он повернулся в седле и махнул на юго-восток. Макс подавил завистливый вздох и кивнул:

— Точно. Сколько мог проехать верхом раненый в бок, голову и руку человек?

— Неопределимо, — помотал головой Федька. — Люди разные.

— Согласен, — объявил Макс. — Но не сто километров? Я думаю — не больше пятидесяти.

— Обрадовал, — фыркнула Саша, нажимая на педали и привстав над седлом. — Там же... — она захлопала глазами. — Ой!

— А, то-то оно, что "ой!" — важно усмехнулся Макс. — Я тоже когда это понял — "ой!" сказал. Там Баклашовские леса. Они не то что с тех пор — они с первобытнообщинного строя стоят. И деревень там штук десять с пол-Бельгии размером. Из них две трети вымерших.

— Мальчишки, — Саша округлила глаза, — про эти леса даже в области такое рассказывают! Я слышала...

— Тем лучше, — хищно улыбнулся Макс. — Никто не найдет смрадных костей Большого Ха и его гнусной банды.

— Ага, или наших! — Саша с азартной боязнью заторопилась: — Три года назад, да?! Нам в классе один мальчишка рассказывал! Я еще там училась! Пошли пятеро пацанов в эти леса — по деревням иконы все такое... И...

— И их съели оборотни, — похоронным и мрачным тоном закончил Федька. — Саш, это фуфло. Конечно, там можно пропасть, но это от тебя самого зависит.

— Ну и ладно! — Саша рванула педали и унеслась вперед, где уже темнела полоса зелени вдоль речного берега...

...Когда мальчишки добрались до небольшого пляжика, Саша уже плавала метрах в двадцати от берега. Ее задранный нос демонстрировал полнейшее презрение к существам низшего порядка. Посмеиваясь, ребята зарыли в песок две бутылки лимонада и одну кваса, составили велосипеды, переглянувшись заорали и рванули в воду.

Саша убралась подальше от бесиловки, которую устроили ее друзья. По опыту она зналаб в воде даже на самых нормальных пацанов находит «стих» и они начинают хватать девчонок за ноги и в прямом смысле садиться на шею. Когда Макс и Федька выбрались на берег и закрутили головами, то обнаружили, что их подружка помахивает им с ветвей ивы на другом берегу — удобно расположившись среди зелени, она покачиваясь, то погружаясь по пояс в воду, то выныривая обратно.

— Русалка, — невольно улыбнулся Макс, падая на песок рядом, обхватив колени руками. Спросил тихо:

— Макс. Она тебе очень нравится?

Спина Макса окаменела. Потом шевельнулись лопатки:

— Угу.

— Очень? — допытывался Федька. Макс сел, зло глянул на него:

— Она мне снится, — отрывисто сказал он. — Через ночь. Еще что-нибудь спросишь?!

— Спрошу, — кивнул Федька. — Что будем делать? Сейчас мы ей на одно лицо. Но через год, а то и раньше, она проснется.

Макс отвернулся. Покидался мокрыми песчаными бомбочками в кусты, потом спросил, не поворачиваясь:

— Значит, и тебе тоже. А я думал, у тебя прошло... — он лег на бок, перекатился, посмотрел на Федьку: — Пусть она сама выбирает. Тогда все честно. Согласен?

— Согласен, — вздохнул Федька. — Ну а с поисками что?

— Что? — переспросил Макс. — Карта непонятная. Там все точно отмечено... но только где это «точно» располагается? Обшарить все Баклашовские леса? Там и спросить-то не у кого. Вот если бы можно было как-то сверху подробно посмотреть... Я с нынешними картами сравнивал — похожих мест много, а точно ниодно не подходит. С вертолѐта какого, что ли, глянуть — хочешь, выше поднялся, хочешь, ниже спустился... сам себе хозяин.

— Вот Большой Ха, кстати, вертолет запросто наймет, — заметил Федька. Макс кивнул:

— В том-то и...

— Стоп, — перебил его Федор и сел прямее. — Знаю.

— Угонять вертолѐт у пожарных я не буду, — категорически отказался Макс.

— Ничего не надо угонять! — Федька вскочил. — Помнишь Маршала?!

— О нет, — как герой американского фильма сказал Макс. — Он же ненормальный.

— А мы?!

— Резонно, — после короткого размышления согласился Макс. — Но не настолько, чтобы расхаживать по городу в кители и рассказывать незнакомым людям, как взрывал динамитом танки и ДОТы. Ты правда веришь, что он был командующим ВВС?

— Макс, — грустно сказал Федька, — ты слышал звон, но не знаешь где он. На тебя не похоже... Маршал командовал АБХАЗСКИМИ ВВС. Два «кукурузника» и пять мотопланов. Во время грузино-абхазской войны(1.). Отец говорит, что он герой, попавший в окружение зубоскалистых недоумков.

— Человека, у которого вместо черепашки прикручена серебряная пластинка, самого трудно назвать адекватным, — серьезно заметил Макс. — Или это тоже выдумка?

— Ну, — Федька почесал бедро, пощелкал резинкой плавок. — не половины черпучки нет, а всего куска. Что ж теперь. Зато у него точно есть мотодельтаплан. И он нам его точно даст.

— Да? — Макс поднял бровь. — Почему?

— Хотя бы чтоб посмотреть, как мы убьемся, — привел неотразимый аргумент Федька. — Ему это напомнит славный период жизни.

— Мотодельтаплан — это был бы выход, — признался Макс. — Скорость не маленькая и небольшая, снижаться можно прямо к верхушкам деревьев... горячего, наверное, хватит облететь до леса?

— Можно запасной бак поставить, — заверил Федька. — Мне когда отец про Маршала рассказал, я нашел в Интернете статью про войну. Абхазы прямо чудеса творили на таких штуках. Брали гранаты, заходили с выключенным двигателем из-за скал на колонну — и прямо клали гранаты в грузовики, в люки танкам...

— Да-а?! — заинтересовался Макс. — Это штука интересная... Если выживем, то обязательно займусь конструированием такой. Назову...

1. Один из множества бессмысленных, братоубийственных и очень кровопролитных вооруженных конфликтов, вспыхивавших на территории бывшего СССР после того, как эти территории "встали на путь демократического развития". С лета 1992 по осень 1993 года и в ходе боев между грузинами и абхазами, закончившихся победой абхазов, погибли тысячи бойцов, мирных граждан и добровольцев — казаков, чеченцев, армян, греков, многих других.

— Погоди, — Федька повернулся в сторону кустов. — Кто-то приехал.

— Потеснимся, — рассеянно бросил Макс. — Послушай...

Но продолжить не пришлось. На пляжик со смехом и полуматерным разговором на излишне повышенных тонах вывалилась компания из трех пацанов лет по 17–18. Все трое несли пакеты, из которых, не обращая внимания на мальчишек, тут же стали доставать пиво, закуску, еще что-то. Макс поморщился. Федька отмахнулся — парни устроились в стороне и друзей игнорировали. Но по "закону подлости" Саша решила перебраться к друзьям именно в этот момент.

Реакцию нетрудно было предугадать. Сашу окликнули — весело, но с матом. Она прошла мимо парней и приземлилась рядом с друзьями; буквально через пол минуты тут же один из троицы под одобрительные смешки дружков понес какую-то тягостную чушь, ему самому несомненно казавшуюся галантной. Саша с полминуты недоуменно слушала его, потом безглаголиво попросила:

— Мальчишки.

— Она с нами, — равнодушно сказал Макс.

— А? — глумливо нагнулся к нему, приставив ладонь к уху, незванный компаньон.

— Она с нами! — заорал Макс ему в ухо так, что тот сел на песок и спросил:

— Ты чего?!

— Я думал, у тебя со слухом плохо, — любезно сказал Макс.

Это уже было оскорбление. Но предпринять каких-либо действий оскорбленный не

успел. Выпитое в машине пиво притормозило его и без того нешикарную реакцию, поэтому Макс подождал, пока он встанет (пошатнувшись) — и вlepил ему подъемом ступни между ног. Лицо агрессора стало грустным и полным раскаяния. Он встал на колени. Макс спросил участливо:

— Больно? — и добавил коленом в подбородок. Парень послушно завалился на спину.

Почти одновременно с ним упал успевший вскочить и один из двух его приятелей — этот покатился по песку с визгом, прижимая ладони к лицу. Никто толком не заметил, как Федька угодил ему в глаз подобранной галькой. До третьего любителя дикого отдыха медленно дошло, что он остался один, а двое в целом не мелких парней смотрят на него с нехорошим дружелюбием.

Он молча встал.

Сделал грозное лицо.

И бегом рванул в кусты. Через десять секунд взревела машина.

— Гла-аззз... глаз вы-би-иллл... — простонал, не отнимая рук от лица, валяющийся на песке парень. Федька зевнул и потянулся:

— Зачем он тебе, дураку? Бутылку и одним засечешь.

— Я вас... я вас порву-у...

— Федь, не надо, — попросила Саша, видя, что Федька встает. — И так инвалид.

— Да цел у него глаз, — отмахнулся Федька. Саша удержала его за запястье:

— Я не об этом. На голову инвалид, что возьмешь... Макс, твой-то жив?

Первый пострадавший сидел, сплевывая между ног кровь. Лицо у него было уже не просто грустным, а похоронным. На песке лежали два передних зуба.

— Металлкерамику вставишь, — посоветовал Макс. — две тыщи штука. Мама с папой потянут?.. Ну какие ж вы дураки, парни. Где вас только выращивают? — И Макс покачал головой.

Минут через пять эти двое убрались с пляжа. Было слышно, как они печально матерятся за кустами, убедившись, что друг их бросил. Потом началась возня, кто-то крикнул: "Не надо!" — и на пляж с «розочкой» от пивной бутылки вырвался «одноглазый». Глаз, заплывший кровью и запухший, в самом деле выглядел страшновато. Он открыл рот, собираясь произнести что-то обрекающее... но произнес только "ой!", причем очень по-детски. Перевел взгляд на свою руку, которая держала ту же «розочку», почему-то воткнутую в его собственное бедро. По стеклу сползала густая кровь.

— Ну вот, — сказал Федька, — как же ты наткнулся? Ну ничего, это неглубоко... — и он вырвал стекло сначала из правда неглубокой раны — даже скорее пореза — а потом из окаменевшей руки парня...

...- Пиво, пиво, пиво, — Макс хладнокровно потрошил пакеты. — Бананы. Консервы.

— Дорогие? — оживилась Саша, загораившая носом в песок. — Лососина, икра?

— Дробь шестнадцать, — с невыразимым удивлением повертел в руках банку Макс. — Со свиной.

ГЛАВА 3

Господа Фостер, Бреннеке и МакЭлвин.(1.)

— Ему хорошо, — бормотал Макс, — послал нас к ненормальному, а сам укатил по магазинам. Я бы поменялся.

— Не ворчи, — легкомысленно сказала Саша. — В конце концов, его отец, а не наши с тобой матери нас поддерживают.

— Вот кстати, — вспомнил Макс. — А твоя-то что? Или ей Большой Ха так нравится?

— Совсем не нравится, — решительно отрезала Саша, — и не верит она ему. Но она связана положением.

— Дичь какая, — почти с отвращением вздохнул Макс, крутя головой. — Меньше всех для борьбы с преступниками могут сделать те, кто по чину должен с ними бороться... Мы

пришли. Заходи первой, может быть, девчонку он сразу не убьет.

— Трус, — фыркнула Саша, берясь за фигурную ручку щеколды. И тут же отдернула руку — из-за глухой шиферной ограды, густо увитой диким виноградом, понеслось пение. Хриплый мужской голос надрывался — иначе не скажешь, без малейшей музыкальности, но с чувством:

А есаул догадлив был —
Он сумел мой сон разгадать, да —
"Пропадет, — он говорил, да —
Ой, твоя буйна голова..."

Пение приближалось. Саша попятилась за спину Макса. Тот оглянулся — зеленая окраинная улица, уходившая под откос, была пустынна, лишь возле колонки сидел здоровенный клочкастый пес. Он смотрел без сочувствия и вообще без интереса.

— Может это, — сказала Саша. — Пойдем? Потом как-нибудь.

— Поздно, — вырвалось у Макса.

Калитка бесшумно распахнулась. За нею на фоне буйной и бессмысленной садовой зелени, не знавшей руки хозяина с момента высадки на грядки и клумбы, стоял кряжистый усач неопределенного среднего возраста с загорелым лицом в сетке мелких белых морщин. Усач был брит наголо, левую сторону черепа уродовали пересечения диких шрамов. Китель старого советского образца, казачьи галифе и сапоги в гармошку придавали ему вид человека, знающего, чего ждать от жизни. Но куда больше привлекало внимание Макса и Саши длинная голубоватая шашка с потемневшим черно-золотым темляком. Хозяин дома держал ее в правой руке. Кончик шашки хищно пошевеливался, хотя кисть человека была неподвижна.

Макс громко сглотнул. Ему вспомнилось, как этой — ну, прошлой — осенью вот с этой самой шашкой Маршал гнался через полгорода за чиновником из администрации, пришедшим требовать плату за землю — гикал, свистел и орал, что "родной земли на поругание не отдаст". С полминуты подростки и бритый усач рассматривали друг друга. Потом он сказал хрипато:

— Мне чайники не нужны.

— У нас нет... чайников, — робко подала голос Саша. Маршал небрежно отмахнулся шашкой — воздух свистнул, ребята вздрогнули:

1. Тут перечислены фамилии изобретателей мощных охотничьих пуль, названных по этим самым изобретателям.

— Все равно. Миксеры, ножеточки и баптистские журналы мне тоже не нужны.

— Да мы и не предлагаем... — помотал головой Макс. Макс подозрительно прищурился:

— Тогда чего ошиваетесь у моей калитки? Кто вас послал? Вы агенты "Мхедриони"? (1.) Продались, да?

— Мы не агенты... — начала было Саша, но Маршал перебил:

— Вы тимуровцы и собираете металлолом на нужды голодающих сусликов Гватемалы. Плохая легенда.

— Да не тимуровцы мы!!! — Саша топнула ногой. — Какие суслики?! Мы по делу! Дайте сказать!

— Последнее слово, — Маршал небрежно положил шашку на плечо и почесал ею ус. — Говорите, пионеры-герои. Пока можете...

Ребята переглянулись. Макс вздохнул и сказал, глядя куда-то между ребят. Саша решила подтолкнуть его мысль:

— Вы не думайте, — горячо сказала она, для убедительности распахивая глаза и хлопая

ресницами, — мы не только бензин оплатим, мы за аренду...

— Причем тут бензин, пионерка, — Маршал сделал широкий жест левой рукой. — Не надо пошлостей. Вы знаете, кто я?

— Ну... — Саша смешалась, но ее поддержал Макс:

— Вы, — с долей лести сказал он, — командующий военно-воздушными силами Абхазии... — и осекся. Маршал улыбался:

— Я Сергей Степанович, — весело сказал он, щурясь, — местный сумасшедший... и действительно командующий вэвэвэс Абхазии. Которые слепили на пустом месте... Да вы не бойтесь, ребята, — он покачал в руке шашку. — Головные боли у меня бывают, что есть, то есть, но я вполне адекватен. Могу показать справку. А вам действительно нужен мотоплан?

— Вот так! — Саша, снова выступив на первый план, чиркнула ребром ладони по горлу. — Даже больше, честное слово!

— Проходите, — Сергей Степанович посторонился. — Поговорим. Кажется, есть о чем.

1. «Мхедриони» — «Всадники» в переводе с грузинского — боевая фашистская организация, созданная бывшим уголовником Джабой Йоселиани в начале 90-х годов XX века. Отряды «всадников» отличались упорством в боях с абхазами и осетинами, храбростью, но так же зверской жестокостью к пленным и полной неразборчивостью в средствах ведения войны.

* * *

Федька любил бывать в областном центре. Не из-за покупок, которые тут можно было сделать — ему нравилось наблюдать за людьми и представлять себе, как они живут. Мальчишку зачаровывала и волновала мысль, что у всех виденных им есть какая-то своя жизнь, отличная от других. Секунда — промелькнуло лицо немолодого мужчины за рулем «жигулей» шестой модели. Больше его Федька никогда не увидит, а мужчина Федьку и вообще не заметил... но где-то этот мужчина будет продолжать жить, что-то делать... Объяснить свои чувства лучше Федька не мог.

Но сейчас, если честно, Федька думал об этом мельком. Все еще провожая рассеянным взглядом «шестерку», он незаметно для себя переключился на другое — и вздрогнул, когда отец, открыв багажник, «нивы», загрузил в него солидный и явно тяжелый сверток. Через пару секунд Гриднев-старший занял место за рулем и побарабанил по нему пальцами. Лицо его было хмурым и задумчивым.

Федька перебрался на заднее сиденье и, перегнувшись через спинку, откинул, вжикнув молнией, край свертка. Его глазам предстало три "сайги-410 — с примкнутыми девятизарядными магазинами и сложенным над пистолетными рукоятками прикладами из темно-коричневой зернистой пластмассы. Отец молчал, и мальчишка, так же молча застегнув молнию, вернулся на свое место.

— Поедем домой, или хочешь куда-нибудь заглянуть? — нарушил молчание мужчина.

Федька потянулся, закинул руки за голову и, не глядя на отца, спросил:

— Па, ведь то, что мы делаем... это незаконно?

— Это уголовное преступление по нескольким статьям, — Николай Андреевич смотрел в лобовое стекло. — Если у нас ничего не получится, то вас ждет колония, откуда вы выйдете уже совершеннолетними... существами, а меня — тюрьма, откуда я не выйду вообще. Вовлечение несовершеннолетних в бандформирования... — отец посмотрел на сына внимательно и спокойно: — Еще не поздно отказаться, сынок. Одно слово — и мы даем откат. Ничего стыдного в том, что ты боишься, нет.

— Я не боюсь, — без малейшего гонора ответил Федька, постукивая пятками кроссовок в пол машины. — Правда не боюсь, па. Я просто хочу понять! — он сел прямо, стиснул пальцы на колене и посмотрел на отца большими глазами, в которых были гордость

и вызов. — Я хочу понять, па! Ведь мы тоже не делаем ничего плохого, ничего — наоборот! Так почему же нам приходится... вот так, как будто партизанам на оккупированной территории?! Почему нам все мешают — власти, милиция, все, кто должен по-мо-гать?! Почему?!

На этот раз Гриднев-старший ответил не сразу. Далеко не сразу. Федька терпеливо ждал, не сводя глаз с отца. А тот молчал, молчал и постукивал пальцами по рулевому колесу, и смотрел никуда... Потом спросил:

— Помнишь, два года назад я купил тебе кассеты с пьесой по "Властелину Колец"?

— Помню, — удивленно бросил на отца взгляд Федька и поморщился: — Мне не понравилось. Издевательство какое-то, все с этими дурацкими акцентами говорят... А при чем тут это?

— А при том. Глупо или нет, а там есть в одной песне такие слова... — Гриднев старший кашлянул и прочитал: — Когда вместо солнца надвинется тьма,

Но рад этой тьме человек -

Так это не спятили люди с ума -

И вряд ли природа свихнулась сама -

Так вот он, спятивший век... Такое время, Федь. Черное с серым, серое с черным.

— Но люди-то... — начал Федька, и отец перебил его:

— Люди? Люди, сын, существа сложные. В них столько всего намешано... И каждый хочет жить хорошо и... и просто. Без хлопот, успеха без труда и все такое. Большой Ха и такие, как он, они ведь ни с потолка соскочили. и не из-за границы их прислали, хоть и приятно было бы так думать. Они на наших грядках выросли. И удобрялись тоже здесь... Кто-то жилы рвал, служил Родине — а кто-то бочком пристроился, да и посмеивался... Вообще, Федь, все беды человечества от трех вещей. От трусости. От лени. От сытости. И — ВСЕ. Больше никаких причин нет. Ни мафии, ни терроризма, ни взяточничества. Трусость. Лень. Сытость. Большой Ха и К этим очень умело пользуются.

— А нам что делать? — тихо спросил Федька, взяв себя за плечи. — Ну что нам делать?

— А вот это человек во все времена решает сам, — ответил отец спокойно. — Этого у него отнять нельзя. Просто большинство не имеют мужества решить, а потом разводят руками: обстоятельства, мол... Можно смириться. Можно бороться... — он обнял сына за плечо: — Так как?

— А тебе за нас не страшно? — не ответил Федька и, помедлив, привалился к отцу виском. — Другие за своих сыновей и дочерей трясутся, а ты — нате оружие, идите, добывайте правду...

— Страшно, — сказал Николай Андреевич. — Только ведь это не причина... Да, вы дети. Если бы мне лет тридцать назад кто-то сказал, что такое может быть, я бы решил, что это здорово, но невозможно. Но жизнь изменилась. Вас, детей — не обиделся? — должны защищать взрослые. Точнее... ваш возраст сам по себе должен быть защитой. Но "надвинулась тьма", сынок — и раз ваши годы больше не останавливают руки убийц, насильников, подонков, значит, вы должны уметь защищать себя и своих друзей сами. Любыми средствами, до последнего — и очень умно и хитро, помня: виновным в случае чего вы и окажетесь. Просто по тому, что задевший тебя будет лежать, а ты — стоять над ним. Это в глазах наших властей уже доказательство вины. То есть, ты прав — это партизанская война, самая настоящая. И там, — он поднял палец в потолок «нивы» у нас союзников нет. — Там трусость. Лень. Сытость. Поэтому мне вместо того, чтобы просто пойти в милицию и потребовать арестовать вора и

бандита, приходится покупать моему сыну ружье и думать, как замаскировать ваши действия, чтобы на нас не пало подозрение в преступлении. Поэтому мать твоей Саши... не хмурься!.. сидит не на Петровке, а в нашем захолустье — даже в области не смогла удержаться. Поэтому твой Женька сделал то, что в моем детстве ни одному пацану просто не пришло бы в голову — ради денег предал друзей.

— Он не виноват, — сердито сказал Федька. Отец кивнул:

— Я его не виню, я просто говорю, что было... А трястись за своих детей? Да, это сейчас распространено. Только ни от чего это не спасет. Знаешь, у Кипплинга есть "Эпитафия трусу, погибшему при бомбежке Лондона":

Побегал от повестки я немало,
Но с воздуха она меня достала.

Федька негромко засмеялся и сказал с улыбкой, но серьезно:

— Ну тогда что ж... Мы будем драться. В конце концов, на своей земле живем, не на чужой... А вот интересно — три «сайги» стоят тысяч тридцать, а у меня было только двадцать пять...

— Я сделал вложение в будущее, — важно заявил Гриднев-старший. — В вас. Дети ведь — наше будущее, так? И не такое уж печальное, как я погляжу на вас, — он толкнул сына в бок и сказал: — Может быть, все еще будет неплохо? В конце концов, с нами господа Фостер, Бреннеке и МакЭлвин!

ГЛАВА 4

Мы летим над Уругваем...

— А-а-а-а!!! — взревел Макс, цепляясь обеими руками за тоненькие, хлипкие поручни из дюралевых трубок, отделявших его от бездны.

— О-о-о!!! — бодро поддержал его Маршал с заднего сиденья. Вопль Сергея Степановича был едва различим, его отшвырнуло назад потоком рванувшегося навстречу воздуха, но Макс отчетливо отличил в нем восторг, которого сам не ощущал — бывший командующий ВВС веселился во всю.

— Сергей Степанович, па-да-ееееееем!!! — завопил Макс, пытаясь закрыть глаза, но от страха только шире распахивая их за толстыми стеклами очков. В ответ безумный летчик заорал сзади:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц —
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ!..

— Здорово, а?!

— Ааг... га... — Макс с облегчением перевел дух, видя, как верхушки деревьев, накренившись, вбок и влево — Маршал выравнивал полёт. — Очень... — он поправил на шее висевшую на широком ремне камеру с телевизором и прислушался к своим ощущениям: штаны были сухие. Уже хорошо.

Слегка покачиваясь в воздушных потоках, легонький двухместный мотоплан летел над зелеными покрывалами Баклашовских лесов, тут и там прорезанными синими строчками речушек и продырявленными пятнышками лесных озер. Макс согласился на полет со скрипом — он из всех троих, включая Сашу, оказался самым легким. Не признаваться же было, что он боится высоты до икоты?!

Маршал, может быть, и был контуженым оригиналом, но свое дело знал. Они держались в воздухе уже почти два часа — больше планируя для неуловимых для Макса воздушных течений с выключенным мотором, чем передвигаясь на нем. К высоко подтянутому левому колену Макса был притянут планшет с картой — точнее, копией копии — с которой он сверялся, по временам щелкая аппаратом. Они взлетели с загородного заброшенного поля, куда их доставил на «камазе» отец Федьки — чтобы не привлекать лишнего внимания.

Вообще лететь было интересно. Высота пугала, но Макс кое-как пообвыкся и временами начисто забывал и о страхе высоты и даже о своем деле. Мотоплан соскальзывал к верхушкам деревьев и плыл над ними — удирали серые белки, взлетели очумелые птицы, спасаясь от невиданного хищника... Или Маршал снижал аппарат прямо к воде лесной речки — опрометью бросался в чашу ничего не подозревавший олень, вода текла серой лентой прямо под ногами. Однажды мелькнула деревня — она не была обозначена на современной карте, и Макс понял, почему, когда Маршал снизился: деревня была пуста, по центральной улице, заросшей травами, трусил целый кабаный выводок. В другом месте — ближе к одной из немногочисленных дорог, пересекавших кое-где леса, возле пруда — мотоплан долго провожала воплями и неистовым размахиваньем рук компания туристов разного возраста и пола.

Но то, что было нужно, не находилось. Макс начал подозревать — и не найдется. Может быть, время изменило ландшафт: превратилась в цепочку стариц-озер, а то и вовсе высохла речка, делающая причудливый двойной изгиб, зарос лесом курган, охваченный лесной петлей...

Это был удар. Правда — скорее всего, и Большой Ха тоже ничего не добьется тут. Это утешало, но немного. Значит, сокровища стрельца Кузьмы так и останутся в земле бесполезным грузом... а главное: не будет ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

— Сядем, пообедаем! — крикнул Маршал. Чуть повернувшись, Макс спросил:

— Как сядем?!

— Да просто! — гаркнул Сергей Степанович... и на этот раз Макс завопить не успел: мотоплан одним духом приземлился на узкую полосу пляжа, на твердый песок берега маленького озера. — Чудо-машина, — объявил Маршал, сдергивая очки, расстегивая перчатки.

— У-угу, — подтвердил Макс, вываливаясь на песок. Оказалось, что ноги и поясница затекли. Мальчишка со стоном потянулся, тоже сдернул очки, присел у воды и умылся.

Кругом было по-лесному тихо. В смысле — ясно, что тут нет людей. Маршал достал небольшую спиртовку, две консервные банки, еще что-то, начал возиться в стороне. Макс, сидя на корточках, осматривался. Ни за чем. Просто так. Он сам себе казался королем Матиушем из одноименной книги Корчака, пробравшимся на аэроплане вглубь диких земель. Ребячество, конечно, по-взрослому подумал Макс, а вслух сказал:

— Я искупаюсь.

— Осторожней, — заметил Маршал. — Я тебя в случае чего не вытащу — плавать не умею...

Макс, расстегивая куртку, застыл. Спросил недоверчиво:

— Не умеете?

— угу, — подтвердил тот, устраивая на подставке банку. — А что ты так удивляешься? — он засмеялся. — Чудила, я же родился, рос, жил в Абхазии, там в реках не поплаваешь — о камни расшибет... Эх, какие у нас реки! Ингури, Кодори, Бзыбь... — он вздохнул и пальцем провел по усам.

— А почему вы уехали, Сергей Степанович? — Макс, сев на песок, стянул кроссовки с носками и стаскивал камуфляжные штаны. — Вы же победили...

— Победили, — согласился Маршал. — А работы нет... Я же авиамеханик, что мне там делать? Большинство живут с того, что мандарины в Россию продают. А я не умею...

— Правда, что у вас орден от самого Ардзинбы(1.)? — спросил Макс, вставая и поправляя плавки. Маршал кивнул. — За что?

— За войну, — усмехнулся тот. — После ранения вручили... Я даже не понял, кто, что, за что — почти мертвый был.

1. Первый президент Абхазии.

Макс оглянулся. Помолчал, потом подошел и сел на песок. Обхватил руками колени:

— Вас сбили? — тихо спросил мальчишка.

— Сбили, — неохотно отозвался Маршал. — Прямо в двигатель вляпали... а у меня еще пять гранат оставалось, таких, знаешь — противотанковых... Мне бы в сторону отвалить и садиться, да я решил в Гастелло(1.) поиграть... Пошел на второй заход, и гранатами — по "зушкам"(2.). Там все в клочья, а у меня долбануло за спиной. Гляжу — падаю отдельно от своей птички и горю... А дальше все. В себя пришел в госпитале, полбашки нету, восемь переломов...

— А... — Макс помедлил. — вы простите... У вас семья...

— Была, — Маршал поправил банку голой рукой, отдернул ее. — Жена, сын только что родился... Я как раз в командировке был. Вернулся, а там на околице танки стоят. И прямо по селу... Я их потом откопал. Только они не дышали уже. Любочка Сережу так к себе прижала, спрятала под себя... — Сергей Степанович сделал какое-то судорожное движение руками, — только что уж. Задохнулись оба. Сереже сейчас столько же было бы, сколько вот вам...

1. Капитан ВВС СССР, 26 июня 1941 года, управляя подбитым бомбардировщиком, потерявшим нормальное управление, направил горящую машину на автобронетанковую колонну гитлеровцев. Посмертно стал Героем СССР.

2. Имеется в виду буксируемая зенитная установка ЗСУ-23-2 — двустольная, 23-миллиметровая — одинаково пригодная для стрельбы по воздушным и наземным целям.

Макс с ужасом смотрел на Маршала, не в силах произнести ни слова.

— Зачем? — вырвалось у него наконец. — Что они хотели?! Они плохо жили в СССР, их угнетали, наверное, да?!

— Нет, — покачал головой Маршал. — Они жили намного лучше русских. Им легче было получить образование и вообще... Только захотелось жить лучше. Самостоятельно... В результате они разорили свою страну и сейчас нищенствуют. Никто не стал жить после того, как пал СССР. Ни одна «независимая» страна, Максим. Вот так-то... Ну, иди купаться. Скоро разогреется, поедим и полетим.

Он засмеялся.

Макс в самом деле выкупался — но без прежнего азарта, лениво. Вода была теплой и пахло болотом. Мальчишку вдруг затошнило, он поспешно выбрался на берег и, движением головы отказавшись от предложенной ему банки с гречкой с мясом, растянулся на песке и прикрыл глаза. Ему представлялись (как в хронике) после каждого выстрела присадисто покачивающиеся на гусеницах танки, разрывы на окраине какого-то поселка... и человек, откапывающий голыми руками из-под дымящихся развалин мертвую жену, закрывшую собой тельце ребёнка. Макс вздрогнул, проклял свое воображение и поспешно открыл глаза. Сел.

Маршал уже поел и, тоже сидя, смотрел на озеро. Максим вдруг, неожиданно для себя самого, привалился к его плечу. Сергей Степанович глянул удивленно, помедлил и взлохматил волосы — неумело. "Он был так... своему сыну, если бы..." — сбивчиво подумал Макс и, поняв, что сейчас заревет, беззаботно спросил:

— А почему вы у нас поселились? У вас тут родня была?

— Да нет, просто так получилось, Маршал вздохнул. — Совпало. Жизнь... У вас тут неплохо, только... — он не договорил и замолчал.

— Почему вы согласились нам помогать? — тихо задал вопрос Макс.

— Потому что вы умеете мечтать, — ответил Маршал. — По-настоящему, а не о деньгах или машинах.

Макс уже открыл рот, чтобы сделать то, чего делать не стоило — рассказать Маршалу, для чего они облетают леса... но тот вдруг приподнялся и прислушался. Спросил отрывисто:

— Слышишь?

— Нет, — признался Макс, недовольно напрягая слух... и тут же поправился: — Слышу, что это?!

Странный свистяще-хлюпающий звук приближался, нарастал и дробился в верхушках деревьев. Прежде чем Маршал ответил — слева в вышине выплыл, чуть опустив нос к земле, небольшой вертолёт ярко-оранжевого цвета, украшенный эмблемой МЧС. Машина рыскнула над рекой, словно разумное зоркое существо — и ушла, резко снизившись, за лес. Какое-то время в воздухе держалось посвистывание. Потом растаяло и оно.

— Старая машина, — заметил Сергей Степанович. — Странно, что это спасатели кружат?

— Кто его знает, — Макс одевался, стараясь не спешить. — Ну что, летим дальше?

На самом деле, мальчишка был почти уверен — в вертолете люди Большого Ха.

— Полетели, — не удивился Маршал, сворачивая мини лагерь...

...Под тонкими крыльями появилась еще одна деревня — заброшенная наверное, еще раньше, чем первая, виденная утром. Но эта деревня на карте была обозначена — правда, ее название подчеркивала прерывистая линия, указывавшая, что населенный пункт мертв.

— Лядское побоище, — пробормотал Макс название вслух. Они все немало смеялись всякий раз, отправляясь в поход и вычерчивая маршрут. В их области кишмя кишели Гнилушки, Сучаи, Толмачи, Лихачи, Оголтеловки и прочие изощрения человеческого разума вроде Чудных и Вторых Левых Ламков. Иногда казалось, что предки изощрялись, давая наиболее ненормальные названия. Ну как называть человека, родившегося в Оголтеловке? Оголтелый? Оголтеловец? А в Лядском побоище? Макс фыркнул, шелкнул по карте. Побитый Ля...

Макс поперхнулся, вытаращил глаза и уткнулся в карту.

ЛяШское побоище. Вот что это.

* * *

— Ничего похожего, — Гомер без выражения смотрел на шефа. Большой Ха, сидя на складном стульчике под зонтом, ел бутерброд, поглядывая, как заправляют вертолет керосином. — Четыре века — это не шутки. Все могло измениться. На месте реки мог возникнуть овраг, например.

— Что ты предлагаешь? — спросил Большой Ха, аккуратно вытирая пальцы салфеткой. Гомер пожал плечами:

— Если это в самом деле так важно для вас, то я предложил бы сделать еще пару облетов и перейти к поиску на местности. Впрочем, это будет нелегко. Массив большой, там уцелела всего пара деревень, а значит, практически нет местного населения, которое могло бы оказать помощь. Может быть, стоит отказаться от поиска?

— Никогда, — Большой Ха сложил руки на животе и вытянул ноги. — Этот клад будет моим.

Гомер снова пожал плечами, как бы говоря: "Вы тут главный."

— Шеф, — сопя, один из охранников остановился рядом. — Тут какой-то пацан к вам.

— Пацан? — искренне удивился Большой Ха. — Что за пацан?

— Ну... — охранник изобразил в воздухе нечто неопределенное. — Обычный пацан. Как все пацан.

— Что ему нужно-то? — вздохнул Большой Ха. Охранник снова посопел и сформулировал:

— Говорит — с вами надо говорить.

— Зови, — буркнул Большой Ха. Гомер молча отшагнул чуть в сторону, небрежно откинув полу легкого пиджака, под которым прятались две кобуры.

Когда пацан появился — Большой Ха не мог не признать, что охранник где-то прав, когда говорил "как все пацан". Загорелый, с пыльного цвета волосами, тощий, но жилистый, длинноногий, в стареньких шортах и не очень чистой майке, в кроссовках с продранными носками на босу ногу. Лет двенадцати. и все-таки Большой Ха мог поклясться, что где-то...

— А, знакомый с моста, — заметил Гомер. Мальчишка поглядел на него из-под челки и

шмыгнул носом. А Большой Ха вспомнил, как они ехали сюда через тот дурацкий мостик — и сидевшего на перилах язвительного пацана.

— Тебе чего? — без интереса спросил Большой Ха. Мальчишка снова шмыгнул носом и сипло сказал:

— Вы это — если чего в лесу ищите, то я могу помочь.

— С чего ты взял, что мы что-то ищем? — прищурился Большой Ха. Мальчишка усмехнулся:

— Да что... Третий раз лететь собираетесь, и все в сторону Балашовки... Только там леса такие, что с воздуха ничего не углядите.

— Ты что, местный? — спросил Большой Ха. Мальчишка помотал головой:

— Не, я в Водстрое живу, это поселок такой... А раньше жили в Седьмой Дубраве, прям в Баклашовке. Как никого не осталось, так перебрались, последними. Я Баклашовку вот с

такого, — он чиркнул ладонью по колену, — исходил. Что скажете, покажу.

Большой Ха молча изучал пацана. Спросил:

— А родители что скажут? Мы можем надолго уйти...

— А у меня нет никого, я с теткой живу, — ответил пацан, — а ей по фигу. Я заработать хочу и уехать. В город большой, а там как-нибудь выбьюсь.

— Заработать — это можно... — задумчиво протянул Большой Ха.

В конце концов — почему нет? Мальчишка удобней взрослого. Проводник из него — ничем не хуже, а убрать, когда станет не нужен — легче легкого... "А может, и впрямь заплачу и пусть живет," — великодушно подумал Большой Ха.

— Берете? — с отчетливой надеждой спросил пацан.

— Тебя как зовут? — поинтересовался Большой Ха.

— Шурка, Суханин, — буркнул мальчишка.

— Ну что ж, — Большой Ха улыбнулся, — будешь у нас проводником, — и весело замурлыкал:

Мы идем по Уругваю,
Ночь — хоть выколи глаза...

...Один умный человек когда-то сказал, что Добро способно представить себе зло, а значит — понять его и проникнуть в его планы. А вот у Зла, как ни старайся, фантазии представить себе Добро — не хватает, поэтому оно не способно предсказать, что сделает Добро.

В отношении Большого Ха это было верно, хотя он никогда об этом не задумывался.

ГЛАВА 5

Колбаса кружочками

Утром шел дождь — мерзкий, осенний. Все трое знали, что это ненадолго, но на душе все равно было погано, казалось, что морось никогда не кончится. Сашка и оба парня сидели, скорчившись, на полустанке, ожидая пригородного поезда который должен был прийти через час.

Они выехали в область — в молодежный лагерь — через полчаса после отъезда колькиного отца. И сошли на пятой остановке, оставив в вагоне собранные вещи. в соседнем вагоне ехал один из ЮКов, Олег Федорцев, молчаливый и надежный парнишка. Он тут же переместился к вещам и должен был, сойдя еще через остановку, добраться до Изжевина автобусом и спрятать вещи в «штабе» у Гридневых. А сами Федька, Макс и Саша — дожидаться обратного поезда, сесть на него, проехать в обратную сторону через Изжевино, еще три остановки — и сойти на 567-м километре, на самой границе Баклашовского леса. Туда позавчера ездил Гриднев-старший...

Вчера это было интересно и увлекательно. Но сейчас интерес забивался недосыпом, ознобом и плохим настроением. В такие минуты все кажется ненужным, тошным и заведомо обреченным на неудачи — и лучше помолчать, чтобы не натворить глупостей и гадостей друзьям. И не услышать их в ответ... Кроме того, от волнения и раннего подъема никто толком не поел — и сейчас голод начинал постепенно до них добираться.

"Может, мы зря все это? — Федька тоскливо смотрел, как дождь то совсем утихает, то расходится ливень. — Куда мы лезем? — он вдруг представил себя в колонии и передернул плечами: это было даже страшнее, чем думать о смерти. Точнее — смерти Федька себе не представлял вообще... — Домой бы..."

Неподалеку прошли, ведя рядом велосипеды, трое рабочих-дорожников в оранжевых жилетах поверх армейских курток с натянутыми капюшонами

— Когда же день начнется? — уныло спросила Саша и передернула вниз рукава ветровки. — Федь, что там про день-то?

— День,

— сказал Федька, разглядывая носки кроссовок,

— божий посланник,
людям дорог,
свет повелителя;
надежда на радость
богатым и бедным
и всем на пользу...

Толкование руны «дэг» — «день» — из Древнеанглийской рунической поэмы"... — и Федька вздохнул.

— Смотрите, — сказал до сих пор непроницаемо молчавший Макс и указал подбородком в небо. Саша и Федька подняли головы и увидели, как в центре неба появился пронзительно-голубой пятачок. Он как будто раскручивался — сразу во все стороны, становясь все шире, расталкивая тучи, так быстро, что это даже пугало: казалось, чей-то глаз решил взглянуть на землю и все шире распахивается. Дождь прекратился — и через пять минут, не больше, небо было чистым, неистово сияло солнце и вокруг поднимался пар. — А вон и поезд, — Макс встал и потянулся.

На путях в самом деле показалась выкрашенная в малиновый цвет «голова» пригородного состава. Саша сказала с усмешкой:

— я когда была маленькой, мне вот такие составы всегда живыми казались. Как будто дракон из-за горизонта выползает...

— Тормози! — закричал Федька, вытягивая руку шлагбаумом.

Его друзья засмеялись...

...Несмотря на непрезентабельное название, 567-й километр был довольно оживленным местом. Тут железную дорогу пересекала автотрасса российского значения с литерой А(1.) и возник культурный оазис с шашлычной, бензозаправкой и подобием гостиницы. Но автострада вела в обход лесов. От нее тонкой ниточкой отходила под уклон и ныряла в лес грунтовка — она вела к Острожке, одной из немногих уцелевших в Баклашовских лесах деревень. В другую сторону уводила пешеходная тропка, протоптанная любителями отдыха на природе, как правило, не забиравшимися в лес дальше трех-пяти километров.

Тут дождя, судя по всему, и не было. Кроме друзей на остановке сошла бабулька с сумкой, тут же резво хлопнувшаяся в ожидавшую ее телегу — флегматичный дед ожил, с громкой лихой тирадой вытянул вдоль хребта дремавшую лошадь — и экипаж исчез в лесу довольно скоро.

— Приехали, — вздохнул Макс. — Пошли поедим, что ли? Вон шашлыки жарятся.

— Стоит ли? — усомнилась Саша. — А если будут расспрашивать?

Они не стали спорить, уставились на Федьку. Тот махнул рукой:

— Пошли поедим. Никто нас тут искать не будет.

Шашлычник — кавказец — похожий своей философской неподвижностью не вышеупомянутого деда, тоже ожил при виде посетителей и поинтересовался:

— Шашилик, чито ищо, а?

— Три шашлыка и попить что-нибудь, — заказал Федька. Шашлычник осведомился:

— Пэпси, да? Новое поколение выбирает, э?

— Пусть выбирает, а нам дайте кофе, если есть, — Федька посмотрел на друзей, те закивали. Грузин оскорбился:

— Висо есть, да?! Колбаса кружочками есть, э?

— Какая колбаса кружочками? — удивился Федька искренне. Грузин пару секунд что-то соображал, потом прилег животом на прилавок и «секретным» шепотом сказал:

— Э, да? Пыриэзжают люди — атдыхать. Богатыи и глупыи. Напиются плохой фирменный водка и давай-давай как в Европе. Колбаса хороший, дамашний, хороший дедушка из Острожка продает, дешево продает, вкусный колбаса, да? Ее есть-а! — и грузин поцеловал сложенный в щепоть пальцы. — А эти, — он покривился: — "Э, нарежь нам, как в Европе — кружочками — и на блюдо кырасиво палажи, да?!" Шэни дэда, совсем дураки, да? — он сплюнул.

— если тебе тут дураки, — сердито сказал Федька, сузив глаза, — то чего ты со своих гор спустился... да? Э?

1. Все больше трассы автодорог имеют номера, состоящие из цифры и перед ней — буквы. А,М,Р — дороги российского значения, Е — общеевропейского. Это обозначено во всех атласах.

Грузин вспыхнул, ноздри смуглого тонкого носа раздулись, он выпрямился... но тут же угас и тихо сказал:

— Там война был, бичо... большой война был. Всем плохо стало. Мне дом сожгли. Абхаз пришел, казак пришел — сожгли... жену прикладом били, били, мне ребра ломали... Я пошел воевать, бичо. Нам говорили — воевать будет, потом хорошо жить будем. Врали. Никто хорошо жить не стал... — он сгорбился и вздохнул: — Садись. Я подам, да? Кылиент всегда прав...

...Ели молча. Хозяин тоже молчал. шашлык был вкусный, но Федька жевал почти через силу. и когда все встали, сказал:

— Давайте, идите, я расплачусь и догоню, — и подошел к стойке. — Спасибо, — сказал мальчишка, протягивая деньги. — И еще... — он помедлил, взглянул прямо в глаза шашлычнику. — Простите меня.

Непримиримые глаза грузина стали удивленными, он моргнул и вдруг улыбнулся:

— Э, да?! Чито там... Э, погоди! — он вдруг словно бы что-то вспомнил, почти бегом ушел в домик и вернулся, улыбаясь и неся в руке длинную колбасу в оплетке. — Вот, держи бичо. Есть будете, будете меня хорошо вспоминать, только... — он подмигнул, — кыружочками не режьте, да? Ее кусать надо, тогда вкусно, а резать — э!.. — он презрительно поморщился.

Федька засмеялся. И взял колбасу...

* * *

Следы отцовской «нивы» еще сохранились на голой земле кое-где, и Федька подумал, что отец сейчас уже гонит свой «камаз» далеко от дома, шутит с напарником, дядей Костей и делает вид, что все, как всегда. Он потряс головой и встретился взглядом с глазами Макса —

не насмешливыми, а понимающими. Улыбнулся:

— Ладно-ладно, не читай мои мысли... Саш, нашла?

— Вот он, дуб, — уверенно сказала девчонка, качая могучие ветки наклонно растущего гиганта. Собственно, с тем же успехом можно было бы раскачивать опору Останкинской телебашни — ветка была с Сашу толщиной. — И подвернутый он тут один, так?

Когда-то — лет триста назад — то ли буря, то ли человеческие руки наполовину вывернули из почвы корни тогда еще молодого дубка. Он не погиб, так и рос, а корни, утолщаясь, образовали переплетенные аркаи, заросшие мхом и высокой травой. Макс, встав на четвереньки, наполовину исчез в этой каше, повозился, подергивая ногами и мягким местом (Саша фыркнула и сделала вид, что примеривается отвесить пинок) — и с натугой извлек один за другим три рюкзака и свертки.

Федька огляделся и прислушался. Дорога ещё была недалеко, в одном месте недалеко от дуба чернело кострище... но дальше лес стоял одной стеной, и было ясно — всё НАЧИНАЕТСЯ. Мальчишка глубоко вздохнул и скомандовал:

— Все, переодеваемся... Вон твой рюкзак, Саш, — он проводил взглядом отправившуюся за дерево Сашу и поймал Макса на том, что и он смотрит ей вслед. Мальчишки нахмурились, секунду глядели друг на друга недружелюбными глазами и, отвернувшись, начали раздергивать горловины рюкзаков одинаковыми сердитыми движениями.

— Вы как там?! — окликнула Саша. — Готовы?

— А ты что хуже? — отозвался Макс.

— Ага, почти. Сейчас выйду.

Ребята в самом деле преобразились. Вместо довольно яркой одежды — маек, джинсов, ветровок, белых кроссовок и прочего — все трое были одеты в камуфлированные «кикиморы», увешанные лохмотьями искусственных листьев и травы. Место кроссовок заняли неказистые бурые кеды на мягкой подошве почти без рисунка. На ремнях разгрузок крепились немногочисленные вещи — фляжки, котелки, складные ножи «соболь», счетверённые грудные под сумки, мотки троса; у Макса ещё лопатка, у Федьки — топорик. Сзади — небольшие поясные рюкзаки, на лицах — тонкие сетки-маски. Отличались ЮКи друг от друга ещё и тем, что голова Саши была непокрытой вообще, Макс носил берет цвета хаки, а Федька стянул волосы широкой пятнистой повязкой.

— Негусто, — Макс копался в рюкзаке. — Сухари, шоколад, глюкоза... Мы что, на подножном корму?

Федька показал колбасу. Макс усмехнулся и поднял руки вверх, но тут же посерьёзnel — Федька скомандовал: Внимание... Исходить будем из того, что Большой Ха начал активные поиски тоже сегодня — из худшего варианта... Нам нужно пройти по лесам сто тридцать километров. Я кладу на это трое суток... — он подождал, но ни Федька, ни Саша не возразили. — Петлять не будем. Через трое суток мы должны стоять в Лядском Побойще. Оттуда начнём интенсивный поиск. "Два десятка дён" Кузьмы — с под водой — это наши дней пять. Ну, там разберёмся — на месте... Дальше. Продуктов у нас и правда почти нет — только самые необходимые. Но есть грибы, корешки и браконьерство. Проживаем, хотя не растолстеем. А если кто и свалится, так что — баба с воза и волки сыты...

— Намёк?... — пробормотала Саша, но негромко. Федька сделал вид, что не слышит:

— Дальше. Проверьте загрузки. В верхних карманах, — Федька сам проверял и продолжал говорить, — четыре девятизарядных магазина... в нижнем — полсотни патрон россыпью. Внимательно смотрите, картечь, пули и дробь промаркированы по донцам... Всем взять оружие. Снять с пред охранителей. Откинуть приклады. Взять пятый магазин из рюкзаков. Примкнуть. Оружие на боевой взвод. Оружие на предохранитель... так. Теперь мы вооружены, думаю, все понимают, что это значит. Теперь пакуем нашу "гражданку"...

Трое друзей молча и деловито убрали вещи в рюкзаки, и Макс, вернув их на место, тщательно всё замаскировал — Федька присмотрелся и остался доволен.

— Попрыгали... Саш, передвинь котелок... попрыгали ещё раз... хорошо. Порядок

движения. Саша впереди, Макс в середине справа, контролируешь правую сторону, я замыкающий. К закату должны пройти около сорока километров... — он ещё раз посмотрел по очереди на своих друзей, потом — в небо, на фоне которого тяжело покачивались и еле слышно гудели древесные кроны. — Ну...

Радость — тому,
у кого печалей
и горестей мало,
и тому у кого
сила и счастье
и добрый дом...

Пошли.

Это было толкование руны «винн» — «радость» — из "Древнеанглийской рунической поэмы".

ГЛАВА 6

Один с топором и двое с носилками

Похрюкивая, здоровенный кабан с наслаждением возился в прибрежной грязи. Было ранее прохладное утро, над водой и метёлками осоки плавал туман, смешанный с комарами. Первые птицы ещё только-только пробовали свои голоса — то тут, то там. Равнодушный к красотам природы кабан урчал и булькал, потом, поднявшись, тяжело, но с определённой грациозностью затрусил в чашу.

Часть береговых кустов пришла в движение — и стало ясно, что это человек. Одетый в мохнатый камуфляж, он стоял по колени в жиже, держа на сгибе руки ствол полуавтоматического дробовика. Чуть-чуть колыхалась от дыхания сетка на лице, движение было беззвучным и плавным, но очень быстрым. Человек замер, повернул голову влево-вправо и поднял руку. Тут же метрах в десяти выше по ленивому течению протоки появился второй человек, следом — третий. Они пересекли воду и исчезли в кустах, а через несколько секунд те же кусты поглотили и первого..

...Полуденная дневка ничем не напоминала туристский бивак. Все трое только что поели (сухари и остатки подбитого вчера вечером зайца, поджаренного в костровой яме) и теперь сидели «звездой», ногами друг к другу, в гуще кустарника, куда пробрались ползком.

Саша и Федька спали, Макс тоже казался спящим, но на самом деле прислушивался и всматривался. По маске и лохмотьям «кикиморы» всюду ползали комары, тщетно отыскивая слабое место в обороне.

По всем расчётам сегодня к вечеру группа должна была выйти к брошенной деревне. Макс неспешно обдумывал маршрут, представляя себе карту и не переставая следить за окружающим. Лес не замечал троих подростков, потому что они ничем не нарушали его обычаев — разве что несколькими выстрелами, но и эти выстрелы звучали не для развлечения. Баклашовские леса жили той же жизнью, какой они жили последние сто двадцать тысяч лет, с тех пор, как ушел отсюда ледник. Эта жизнь не предусматривала современного человека с его заботами, хлопотами и устремлениями. Нет, не была ему враждебна, а просто — не предусматривала. В этих местах не было ничего странного в том, что Федька в первый день пути оставил часть колбасы на пеньке и естественно сказал: "Это тебе, хозяин. Пропусти, не балуй..." — имея в виду лешего.

Макс ощутил взгляд — и лениво повернул голову. На него смотрел через сетку Фёдор. Макс показал часы, покачал головой, поднял растопыренную пятерню: раз, другой, третий, четвертый... Глаза Федьки закрылись, он снова спал. Максиму оставалось двадцать минут дежурства. Потом — полчаса Федьки и полчаса Саши. Федька, конечно же, взял себе самое трудное — отдых с разрывом, у них с Сашей есть по полному часу. Ну что ж — он

командир. Макс признавал это про себя легко и без напряжения. Он умел делать некоторые вещи лучше Федьки — разбираться в компьютерах, например, — он лучше учился. Но Федька всё равно был командиром. Так же естественно и не обидно, как мать была матерью. Нет. Естественней. Свою мать Макс часто не понимал.

Максим прислушался. Неподальёку проходили олени — наверное, их кто-то спугнул, олени предпочитают перемещаться ночью. Кто? Животные не спешили. А ничего страшного...

Мысли Макса переключились на клад. Найдут ли они его? Макс, если честно не был уверен до конца... вот Юрка обидится, когда выяснится, что обошлись без него! Интересно, а правда — хватит ли стоимости клада, чтобы разбить парк на месте вырубки? Хотелось бы...

Ему почудилось какое-то движение — в левом углу глаза. Макс напрягся. Почудилось? Или?.. Он хорошо знал, что Баклашовские леса не так-то безобидны. Нет, в них не водятся вампиры и оборотни, которыми Сашу пугали в области. Но в области КОЕ-ЧТО тут водилось несомненно. ОНО было если и не опасным, то во всяком случае — ЧУЖИМ человеку, а это иной раз похуже, чем прямо опасное. Макс не стал вертеть головой — он просто присматривался, стараясь не трудить глаза. Движение повторилось. Кто-то наблюдал за ними — хорошо, если леший(1.). Он любопытен, но не опасен, если его не обижать. Хуже, если ЭТО могло следить за людьми двое суток просто из того же любопытства — или чтобы удостовериться в том, что они убрались с его охотничьей территории. А могло — готовясь напасть. На троих, с оружием — не нападёт, не должно. Но нервы помогает...

— Что?

Время Макса кончилось, а он и не заметил. Федька проснулся сам... Стараясь оставаться спокойным, Макс сказал:

— Дон'т ворри, бат, мэй би со, ин вис плейс ИТ.(2.)

— Вэр из? — Федька не двинулся.

— Он зе лефт энд э литтл бихайнд май бек. Спай. Ю си энизинг?

— Ноу, — Федька по-прежнему не шевелился. Насинг... Вэлл, слип, Макс. ИТ би кэрфулл. Фри хьюмэнс, випонс... Энд ю нау... — Федька повысил голос: — Мы знаем, что ты тут. Не стоит нападать. Мы скоро уйдём. Может ты нас и убьешь, но само будешь покалечено, это точно. Ну так как?

1. Ниже приведенные рассуждения прошу не воспринимать, как бред или фантазии. Подробно его героям я — автор — убежден, что лес — совершенно особый мир, населённый в реальности теми существами, которых мы привыкли считать персонажи фольклора. Кстати — тому есть масса доказательств, в том числе довольно жутковатых. УВАЖАЙТЕ ЛЕС. И не только потому, что он "наш зелёный друг" — нет...

2.(и ниже) — Не волнуйся, но, по-моему, здесь ОНО. — Где? — Слева и немного у меня за спиной. Следит. Видишь что-нибудь? — Нет. Ничего... Ну, спи, Макс. ОНО осторожно. Три человека, оружие... И ты сейчас... (англ.)

Макс уловил движение в углу глаза — дрожь пробрала, на миг он отчетливо увидел НЕЧТО... и перевёл дух:

— Ушло.

— Они умные, — спокойно сказал Фёдор. — Спи.

— Сплю, — сказал Макс — и правда вырубился.

Федька остался в полуденной тишине. Он смотрел на Сашу и грустно думал, что Макс умный и целеустремленный, хотя по моему и не скажешь. И ничего удивительного, если Саша рано или поздно выберет его... Мысли были печальными, Федька заставил себя отмести их и перескочил на то, не знаю что... Но есть же такая вещь, как *hag* (1.) — а значит, можно рассчитывать на удачу. Нужно на неё рассчитывать. Отец говорил, что «удача» — это вовсе не «авось», в надеждах на который так любят обвинять русских.

«Удача» — это неистовая уверенность в том, что делаешь, зачастую — вопреки жизненным реалиям, настолько всеобъемлющая и безоглядная, что реальность ей подчиняется. Вот почему так часто у русских получается то, что другие признают «невозможным». Федька вспомнил потрясший его случай, о котором читал года полтора назад в одной книге, как зимой 1941 года под Москвой на позиции, занятые частями СС (теми ещё бойцами, свирепыми и беспощадными), сбросили десант воинов-сибиряков — с высоты пятидесяти метров... БЕЗ ПАРАШЮТОВ. Парашютов просто не было, а брать позиции — необходимо. Вызывали добровольцев — и те прыгали с бреющего... Двенадцать из ста разбивались насмерть. Остальные падали в сугробы. Эта выброска и последующая за ней атака заставили эсэсовцев ВПЕРВЫЕ бежать с позиции; их охватил мистический ужас при виде происходящего... Когда Федька читал об этом, он то и дело глотал тугой комок гордости. Конечно, он не претендовал на ТАКОЕ, но ему были знакомы те золотые и стальные крылья, что приподнимают человека и несут его вперед, когда он решил для себя нечто важное и великое — в таких случаях натиск неостановим, горе тому, кто встанет против...

Правы ли они? Правы ли они, сидя в лесу с незаконно приобретённым оружием, правы ли они, идя на совершенно незаконное дело просто потому что закон — на стороне подонка и вора?

Да, правы. И этим всё сказано.

"Любой частью тела — удар. Из любого положения — удар. Твоё тело — волна. Ты — пень; глаз видит, рука не берёт..." — вспомнились слова отца на одной из тренировок. Отец говорил, что, если бы в нашем государстве с детства воспитывали бы касту-элиту бойцов, мы были бы непобедимы. И дело не только в умении драться. Само по себе оно пусто и НИКАКОВО, словно нож или автомат. Ими может воспользоваться бандит. Тому кто не готов сражаться, они не помогут. Дело ещё и в том, что вложено в души бойцов. Нельзя просто быть "крепким профессионалом", на которых так уповает власть, говорил отец. Этого очень мало. Но власть боится людей, которые не просто умеют драться, но ещё и не знают, почему должны делать это. Они неудобны и неподатливы. "У тебя будет тяжёлая жизнь, — говорил отец Федьке. — может быть, даже тяжелей, чем у меня... Но от неё всегда можно отказаться, сын. Так что думай и решай. Каждую секунду... И не жалуйся, когда тебе больно — это ТЫ выбрал..."

Федька бесшумно вздохнул. И улыбнулся под маскировочной сеткой. Прошептал:

— Бог мой — это не ропот, кто вправе роптать?!

Слабой гордости ли праха рядиться с ТОБОЙ...

Я хочу просто страшно, неслышно сказать:

"ТЫ не дал — я б не принял дороги иной..."

1. В скандинавской традиции — способность к познанию, часть личности человека, отвечающая за осмысление мира

* * *

Около восьми вечера, когда в лесу уже сгушался сумрак, а на прогалинах ещё горело солнце, группа вышла к борту. Оно начиналось сразу — невысокий глинистый обрыв, внизу — сразу болотина с мрачными безлиственными деревьями, оставшимися тут от когда-то росшего леса. За болотом виднелась полоса и — отчетливо — остаток заросшей дороги.

— Там километра полтора да Лядского Побойща, Макс бросил в рот большую таблетку глюкозы, покатал её языком, сказал невнятно: — Пайоом? Ии ноуэм?

— Саш, ты как? — повернулся к девчонке Федька. За прошедшие трое суток это был первый случай, когда ей дали понять, что она девчонка.

— Лучше с утра, — сказала девчонка, не поднимая сетки. — Не думайте, я не от усталости... Просто мы же тропы не знаем, а стемнеет — и сядем.

— Логично, заметил Макс, сглотив остатки глюкозы. — Но решать тебе.

Федька прошелся вдоль обрыва, подобрал несколько галек, черт его знает когда занесённых сюда ледником. Не выходя в кусты, покидал их в болотину, и кивнул:

— Ночуем... Я пойду вон там уток подстрелю, а вы займитесь лагерем.

— Осторожней, — сказал Макс. — Вдруг...

— Никаких "вдруг", — отмахнулся Федька. — Я быстро...

...Он в самом деле обернулся быстро — прямо у края топи подбил вскидку трех селезней, достал их палкой. Отрывистые выстрелы не крупного калибра тем не менее далеко разносились над болотом, и Федька подсадовал на себя, что не взял складной лук. Но из лука он, если по правде, стрелял плоховато. Оставалось утешать тем, что тут пусто, да и запутается выстрел в лесу, исказится, а там и вообще заглохнет... Повесив на ремень селезней, мальчишка уже развернулся — и зацепил взглядом что-то тако... Он повернулся. Шагнул. Носком кроссовки поддел и выбросил из прибрежной грязи металлическую гильзу.

Федька, присев, поднял гильзу двумя пальцами и закусил губу. Старая, выдержавшая множество выстрелов и неоднократно переснаряжавшаяся, со следами оправки, но ухоженная. Тяжелая, а не утонула — значит, стреляли совсем недавно. Федька нюхнул — ударило в ноздри несомненным запахом дымного пороха. Двенадцатый калибр... Люди Большого Ха? Эту мысль Федька отмёл сразу. Во-первых, как и зачем они сюда забрались? Но это ещё ничего, а вот сама гильза... У них наверняка будут навороченные «ремингтоны» и «моссберги» с пластиковыми гильзами западного производства...

Местные охотники? Да, конечно, Баклашовские леса — охотничий рай. Но в округе настоящих промыслов нет — не Сибирь, а из остальных охотников едва четверть осмелится забраться на самом деле глубоко в лес. Но и им нечего делать ТАК глубоко.

Вывод? Федька внимательно огляделся и прислушался. Большинство жителей городов не представляют себе, кто и зачем может жить в лесу. Скорее всего, это какой-то отшельник-человеконенавистник. Вопрос в том, как далеко простирается человеконенавистничество?

Спрятав гильзу в карман, Федька при последнем вечернем свете начал обшаривать берег. Если это и в самом деле житель леса, то выследить его у Федьки шансов столько же, сколько самого Федьку — у ребят с Железнодорожного. Конечно, может быть, он уверен, что тут нет никого, тогда может и подрастерять осторожность... но такие люди за осторожным поведением не следят. Просто это часть их жизни.

После получаса рысканья мальчишка признался себе — ничего похожего на следы нет. Можно даже подумать, что гильза подброшена специально... да нет, зачем? С этими мыслями Федька вернулся к ожидавшим его друзьям, которых нашел только после того, как Макс негромко свистнул — лагерь был отлично замаскирован, костер не дымил и не пах в специальной яме.

— Ты где ходил? — поинтересовалась Саша. Вместо ответа Федька предъявил гильзу и занялся селезнями...

...- Даже если кто-то и явится, — сказала Саша, усаживаясь в корнях большого дуба и кладя полуавтомат поперёк колен, — ну и фик ли? Их один, я трое. Прибьём и похороним.

— Один с топором и двое с носилками ждут его, — дополнил Макс. — Ну, я думаю, сразу конфликтовать мы не станем. Но и он едва ли полезет на троих вот так сразу. А если прячется, так и вообще постарается нам на глаза не попадаться.

Федька сидел со скрещенными ногами, прикрыв глаза. Какое-то время он молчал, словно заснул сидя. Он почти испугал друзей, сказав: — Да, наверное.

* * *

Когда Полярная Звезда заглянула в глаза Федьке, он не сразу понял, спит или нет. Взгляд звезды был колок и внимателен. Проследив направление "медвежьего хвоста", Федька определил — третий час ночи.

Послышавшийся ему звук заставил мальчишку вздрогнуть... а потом — похолодеть. Совсем неподалёку поскрипывали колёса, пофыркивала лошадь, и мягко постукивали

копыта. Звуки приближались. И он ПОНЯЛ, что это такое.

"Я сплю, — подумал Федька. — Я сплю, ничего этого нет. Мне это снится. Главное — лежать и не двигаться. Не слушать. Сейчас ОН проедет... сейчас..." Но вместо этого мальчишка поднялся и пошёл на звук. Сон, это сон наяву он бы ни за что не оставил товарищей... А так — шёл, отводя рукой от лица ветви, пока не вышел на тропку, залитую пронзительным лунным светом.

Подвода стояла в каком-то шаге — Федька видел конский бок, трещины на коже, затягивавшей груз. Молодой парень — да нет, мальчишка чуть старше Федьки — стоя у конской морды, поглаживал её и чутко прислушивался. Федька видел заломленную шапку, блеск луны на сабельной рукояти, грязные пятна на сапогах и на полах кафтана, то, как Кузьма покусывает губу. Он не выглядел ни вообще страшным. Вот он вздохнул, погладил коня ещё раз и, подойдя к повозке, начал поправлять кожу. Сказал, не поворачиваясь:

— Вижу я тебя... Не бойся, худа не сделаю.

— Ты... — Федька вышел из кустов, — ты Кузьма? Стрелец Кузьма?

Парень кивнул, повернул к Федьке лицо — печальное, строгое:

— Грех на мне, — тихо сказал он. — Не довез я казну... Поди, ради Христа, сыщи казну-то, да отдай на доброе дело. Тягостно так-то скитаться. Христом-богом прошу, сделай-то....

— Где она — отчаянно спросил Федька. — По карте непонятно ничего, все поменялось. Слышишь?! Где она?!

— Ради Христа... — прошептал стрелец, глядя конскую гриву. — Ради Христа — на доброе дело... а то так и истлеет душа моя без вины... поди, сыщи казну... сыщи...

... Федька проснулся, хватая широко открытым ртом воздух. Сердце колотилось в висках, всё тело покрывал пот.

Было ранее утро, ещё серо и туманно. Лес молчал. Но Федьке всё ещё слышался скрип телеги и голос — явственный, не из сна, звонкий голос мальчишки: "...ради Христа... на доброе дело..."

ГЛАВА 7

Тяжело в деревне без нагана...

— Ещё три дня, — Шурка вздохнул и поправил панаму. — Знаю это — место это ваше. Но я сразу предупреждал — долго идти.

— Долго? — проворчал Большой Ха. — Мы уже три дня идём! Веришь ты что, Шурик. Мальчишка равнодушно пожал плечами:

— Мне это надо?

— Да нет вообще-то... — признал Большой Ха. Просто я думаю: может, ты заблудился, а теперь боишься признаваться?

— Да чего мне признаваться? — снова пожал плечами мальчишка. — Ушел бы от вас — ищи-свищи.

Большой Ха не мог не признать правоты мальчишки. Шурка Суханин в лесу и в самом деле чувствовал себя, как дома. И не похоже было, что он заблудился — уверенно шел к какой-то цели, почти не сверяясь с картой. В конце концов, бывали в жизни у Большого Ха и куда более длительные и сложные экспедиции — он и разговор-то завел, чтобы малость надавить на мальчишку, отличавшегося редкой независимостью. Трое сопровождавших Большого Ха охранников к лесной жизни оказались совершенно не приспособлены — он и не подозревал этого и жалел, что оставил в Изжевине Гомера. Накаченные громилы сопели, пыхтели, потели, спотыкались, шумели на весь лес, переругивались и падали. Шурку все трое пытались «припрячь», взвалив на него хозработы, но мальчишка только усмехнулся и предоставил Большому Ха график дежурств на блокнотном листе. Сам Ха туда включён не был, но охранников Шурка не обошел вниманием и на все попытки заставить работать "не в очередь" не реагировал. Вообще-то Большой Ха не мог не признать, что это справедливо...

но временами наглость мальчишки казалась ему просто чрезмерной. А ещё иногда он вдруг начинал думать, что это и не наглость вовсе, а... чувство собственного достоинства. Смешно у такого сопляка, но...

Людей с таким чувством Большой Ха не терпел.

— Ты уверен, что мы найдем то, что ищем? — Задал вопрос Большой Ха. Шурка отстегнул с пояса новенькую фляжку, попил, прополоскал рот, сплюнул и только после этого ответил:

— Я уверен, что выведу вас на место, которое на этой тряпке. Остальное — не моё дело. И платите вы мне, как договаривались, в любом случае... Отдыхайте ещё пять минут, потом идем, — и отошел, совершенно неутомимый, хотя и тоненький.

— Не пойму, — проворчал один из охранников, всё это время рассматривавший натёртую ногу, — дурак он, или притворяется?

— А что? — Большой Ха, выглядевший намного бодрее своих «лбов», невзирая на комплекцию, обмахивался панамой, сидя на пне. Охранник пожал плечами:

— Пацан в лесу, с ним четверо здоровых мужиков, а он с ними, как хозяин... Давануть разок за шейку — и все дела... Вот это я — и говорю, типа: он дурак, или притворяется?

— Не исключено, что притворяется дураком... — пробормотал Большой Ха себе под нос — так, что больше никто не услышал...

* * *

Болото казалось непроходимым.

Ну, то есть, где-то в нем, может быть, лежали тропинки, по которым можно было пробраться. Даже наверняка. Но нашарить их не удавалось, а вслепую — тут и там, куда ни ткнись, черный жидкий торф, взятый в руку, юрко сочился сквозь пальцы, показывая: лучше не соваться. Звенели комары, сверху пекло, от болотной поверхности поднимался еле заметный пахучий туман, размывший перспективу.

— Придётся в обход, — зло сказал Федька, прополаскивая испачканные руки в воде, отстоявшейся верхом, горячей, как в металлическом баке. — Сколько там, по карте?

— Километров восемь, — Макс сплюнул и покосился на Сашку. Федька понял: ему хотелось выругаться. Саша вдруг негромко пропела:

— Шумел сурово... брянский лес,
Спускались синие туманы —
И сосны слышали окрест, как шли,
как шли тропюю партизаны...

Идем? А перекусим на ходу...

...Идти краем болота было делом, конечно, мутным — ноги проваливались в жижу, комары донимало больше обычного, то и дело приходилось продираться через кустарник, разросшийся в настоящую стену из туго переплетённых ветвей. Но в целом шагали бодро — подталкивала мысль, что скоро они выберутся на то место, где произошла когда-то схватка, решившая судьбу собранной местными жителями казны.

Берег начинал поворачивать, одновременно снова поднимаясь. Лес постепенно приближался, становились видны отдельные деревья, зелёная масса распадалась на листья. Около десяти утра все трое вывалились на заросшую, но ещё различимую дорогу. Она уводила в лес, но впереди отчетливо виднелись просветы, и воспрянувшие духом поисковики единым порывом преодолели метров триста по лесу — и оказались на окраине Лядского Побойща.

Печальное это было зрелище. Не страшное, а именно печальное. В зелени запущенных садов тонули крыши — провалившиеся и целые. Лес подчинял эти сады, делал их своей частью и с их помощью постепенно поедал когда-то большую деревню, раскинувшуюся в несколько концов, словно русский витязь. Прилёг отдохнуть на пригорок, сняв в броню,

закрыв глаза — и подобравшийся враг всадил в сердце кривой нож...

— Почему, мальчишки? — хмуро спросила Саша, откидывая с потного лица сетку. — Тут же так красиво...

— Людей переманивали в города, на целину в Казахстан, — неохотно, словно через силу, отозвался Макс. — Русский человек силен, только пока он живёт на своей земле. А отчеккрыжить его от корней и всё готов «совок». Работящий, деловитый и тупой... Мой дед и бабка вот как уехали — отцовские, в смысле. Они в Листвянке жили, это тоже брошенное село, только не тут, а... — и Макс махнул рукой неопределённо.

— Отрыв народа от своей земли означает его смерть... — пробормотал Федька и пояснил в ответ на взгляды товарищей: — Это один немец так сказал... А в начале 90-х годов наш какой-то ученый, я читал, но не помню фамилию, предлагал переселять как можно больше беженцев — русских из "независимых государств" в восстанавливаемые деревни...

— И?... — спросила Саша. Федька зло усмехнулся:

— Обозвали фашистом и больше не вспоминали. Он же РУССКИХ предлагал переселять, а не РОССИЯН. Чуете разницу?... Давайте лучше купнёмся. Вон речушка и пляж ещё цел... Расслабимся немного.

— И постираемся, — практично заметила Саша. Кроссовки снимете как можно дальше от меня, ясно?

Мальчишки коротко и негромко заржали...

...Расслабляться или нет, но к речушке вышли аккуратным походным порядком. Где-то тут всё-таки был человек с ружьём 12-го калибра. Как ни крути.

Впрочем, бдительности хватило ненадолго. Мальчишки искупались и простирнулись быстро, разложили барахло на песке, а сами блаженно растянулись на прогретом мелководе. Саша — ниже по течению — всё ещё возилась со своими вещами. Ребята нет-нет, да и подглядывали на неё — "для безопасности", как они себе это объясняли, хотя...

И тем не менее — именно это спасло ей жизнь. И, может быть, не только ей.

Федька поднял голову в очередной раз — и застыл, широко раскрыв глаза, не понимая, спит она, или что? Саша всё ещё стирала что-то с увеличением енота-поласкуна, мурлыкала песенку, отсюда не понять какую. Картина была совершенно мирной. И того, что подкрадывалось к девчонке сзади — по желтому солнечному песку от ближайших кустов — просто НЕ МОГЛО БЫТЬ.

Представьте себе существо размером со стоящего на четырех лапах медведя, но с массивной головой волка на длинной сильной шее, которое несёт вперед недлинные мощные ноги; передние длиннее задних, отчего существо казалось перекошенным. Рыже-серая шерсть свисала сосульками под брюхо, выглядевший коротким хвост ходил туда-сюда. Острые уши стояли, как металлические, иглы торчала жесткая шерсть на загривке.

Федька не испугался, нет. Он просто несколько секунд ошарашено наблюдал, как это — ЭТО — приближается к девчонке... шаг... ещё шаг... И только потом истошно заорал:

— Саш, бе-ги-и!!! — и крутнулся на месте, чтобы добраться до снаряжения.

Он не видел, как девчонка, мгновенно обернувшись, вскочила с воплем, но не растерялась, метнула в морду нависшего над ней существа то, что стирала, и бросилась бежать. Брошенная вещь дала ей две или три секунды бега, а длинные сильные ноги и страх увеличили фору. Издав короткий непонятный рык, зверь затрусил следом — вроде и не быстро, но уверенно. Федька никак не мог найти ружьё, под пальцы попался пояс... а вот Макс, стоя на колене, кувыркнулся, уходя с линии «Саша-зверь», и словно на стенде, почти очередь всадил девять «макэлвинов» в косматый бок.

Зверь взревел хрипло, остановился, закрутившись... но пули 410-го калибра для него оказались слабыми, и он бросился вперед снова — уже не за Сашей, а на Макса, который, поблбднв, поменял магазин. Саша, проскочившая мимо мальчишек, увидела, как навстречу зверю прыгнул Федька: в левой руке разложенный «соболь», в правой — топорик, услышала его голос — хриплый, не похожий на обычный: Федька РЕВЕЛ:

— Ну?! С-сюда-а!! Иди ссюдаа!!! — и его спина вздулась переплетением мускульных

жгутов. Зверь присел на задние лапы и взмахнул передними, опустив голову к груди — мелькнули страшные когти, под которые нырнул Федька...

...Гулкий страшный грохот, непохожий на выстрелы самозарядки, перекрыл все остальные звуки. Зверь взвыл, встал в рост на задние, как оборотень из штатовского фильма — и тяжело завалился на спину.

Несколько раз дернул лапами. Качнулся бок. В воду вытекло откуда-то струйка крови. И — всё.

Все трое озирались: Макс — успевший сменить магазин, Федька — стоящий в боевой позе с оружием в руках, Саша — замёрзшая возле ружья Федьки. Они ничего не понимали и тупо смотрели на идущего к пляжу человека — седого, странно одетого, несшего в длинных узловатых руках старое ружьё-двустволку, левый ствол которого дымился.

* * *

— Напугались? — голос был старческий, надтреснутый, но в остальном облик не соответствовал понятию «старик». Да, седые волосы, да, борода и усы, но держался незнакомец прямо, ступал бесшумно — ногами, обутыми, кстати, в лапти. И старое ухоженное ружьё держал ловко. — И то... Ещё чуть — и добрался бы он до вас...

— Он кто? — Федька бросил взгляд через плечо, где громоздилась туша зверюги. Старик покачал головой:

— Кто его знает... Живут такие в чаще. Мало. А этот, видно, за вами шел, сомневался — нападать, нет? А уж вы развеселились, он и решился... Порвал бы, да и сожрал...

Макс, наклонившийся к снаряжению Федьки, достал и протянул старику гильзу:

— Ваша?

— Моя, — не удивился тот. — Обронил, значит... Глазастые.

— Вы кто?! — почти крикнула Саша и присела на песок — кажется, ногти не удержали. Федька, тяжело ступая, подошел к ней, встал рядом. Саша подняла лицо от коленок, повторила: — Кто вы?

— Дед Степан, — по-прежнему с равнодушным дружелюбием представился охотник — или кто? — Живу тут.

— Тут? — Макс бросил взгляд на деревню, потом — на поношенную, аккуратно зачинённую одежду старика, на плетённый из прутьев ранец за плечами. — Разве тут остались... люди?

— Нет, — покачал головой старик. — На что они мне? Я уж лет десять, как ни с одним человеком не разговаривал. А живу один лет сорок...

— Совсем один? — недоверчиво спросил Макс. А как же...

— Да никак, — в бороду улыбнулся старик. — Живу, и всё...

— А сколько вам лет? — Саша опёрлась на руку Федьки, встала. Старик охотно отозвался:

— Да кто его знает... Когда последние-то люди разъехались, мне, помнится, уже за сорок было. Сорок да сорок — вот и все восемьдесят.

— Вы намного моложе выглядите, — сказала Саша, критически окинув взглядом старика. Тот негромко засмеялся, спросил:

— А вы кто?..

...Самокрутка пахла крепко — табак дед Степан выращивал сам. Из запущенного сада поддувало ветерком, там, в темноте, что-то двигалось и шевелилось, но страшно не было. Временами звуки затихали, и тогда становилось слышно, как позади, в комнате, похрапывает Макс и сопит Саша. Звездное небо высоко и неподвижно висело над землёй.

Федька рассказывал, сидя на ступеньке пониже старика, прислонившись спиной к перилам. Он и сам не знал, с чего вдруг начал этот рассказ, почему разоткровенничался — он, никогда не страдавший излишней доверчивостью. Просто — рассказывалось, и всё тут.

Дед Степан не перебивал — ни разу. Слушал, пыхтел самокрутками, которые ловко

вертел на ощупь. Ничего не спрашивал. И даже когда Федька рассказал всё — продолжал молчать. И Федька молчал тоже.

— Да, история, — сказал старик непонятно. — Тяжёлое дело. Непросто в лесу искать, да ещё в настоящем лесу... Сам видел, кто тут обитает. Я когда ещё к людям-то высовывался, так раз до области добрался, до ученых. А они меня на смех — говорят: "Дедушка, вам книги по... слово такое заковыристое... читать нельзя. Нету такого животного, про которое вы рассказываете, вымерло начисто ещё в долюдские эпохи..." — и дед Степан засмеялся. — Книжки у меня есть, видел? — Федька кивнул, он в самом деле с удивлением обнаружил в дедовом домике, спрятавшемся в глубине запущенного сада, большущую библиотеку. — Тот ученый, что доказал — мол, круглая земля и вертится — Галилей... Он телескоп изобрел, давал в него там разным попам смотреть. А один и говорит: "Не буду, мол, — смотреть, ибо такого быть не может..."

— А почему вы перестали к людям... выходить? — спросил Федька. Старик затаился, бросил окурок:

— А разонравились они мне... Жадные стали. Торопятся куда-то, бегут, спешат, все ищут, где урвать...

— Не все же такие. — сказал Федька. Старик кивнул:

— Не все. Многие... Я когда воевал, таких не было почти. В опасности человек настоящий — трус как трус, смелый как смелый... Вот вы смелые. А всё одно. Ты мне говоришь: клад для справедливости хотите найти. А найдёте? Увидите — и хорошо, если друг друга не побьёте. А то просто поделите, да и забудете все разговоры про справедливость... Федька не обиделся. Он серьёзно задумался и ответил неспешно:

— Нет. Я — точно нет. И Саша с Максом... Мы не для себя ищем. У нас всё есть, нам ничего не нужно. Только... правда. Без правды плохо. Даже когда есть деньги, дома... всё есть.

Старик снова замолчал. Потом так же молча встал и ушел дом. Слышно было, как он укладывается в соседней с ребятами комнатке на скрипучей кровати. А Федька остался сидеть.

Он думал сразу о многом. О том, что не смог бы тут жить один — и не из страха, а просто... нехорошо, когда человек один. И о сегодняшнем невероятном случае на пляже (толчком возвращался страх). И о Саше, и о кладе, и о многих вещах. О том, что с удовольствием просто отдыхал бы сейчас где-нибудь... но всё равно будет искать клад Кузьмы "до последнего". Наконец он встал и, потянувшись, сказал в пространство:

— Тяжело в деревне без нагана, — и ушел в дом, не забыв за собой опустить засов на двери.

ГЛАВА 8

... а без автомата — вообще копец

— Срок хранения — один год, — прочитал охранник на пустой консервной банке. Задумался и, добавив: — это ж какую силу воли надо иметь?! — зашвырнул её в кусты.

— Эта деревня — мёртвая, — мельком презрительно посмотрев на охранника, сказал Шурка, водя пальцем по карте. — За ней — то место, которое вам нужно.

— За ней болото, — заметил Большой Ха. Шурка, как он это хорошо умел, изобразил всем своим видом презрение:

— Болоту лет сто, не больше. Обогнем его по краю, а там все приметы сойдутся. Просто река высохла, но там такой чудной овраг есть. И курган немного сгладился, но тоже узнаваемый. Найдём.

— Мне тоже так кажется, — медленно сказал Большой Ха и сделал знак стоящему за спиной мальчишки охраннику. — Найдём, он приблизил лицо к сделавшемуся лицу мальчишки, задёргавшемуся в могучих лапах:

— Без тебя. А ты — если очень попросишь, то мы просто бросим тебя в лесу.

— Или бросим... в болото! — заржал охранник и отпустил Шурке подзатыльник.

* * *

Охранник несколько раз лениво пнул Шурку по ребрам. Лениво, но больно, если честно — мальчишка внутренне сжался и перевел дух, когда лоб, хмыкнув, уселся на уцелевшую лавочку и, раскинув руки по спинке, прикрыл глаза.

Мальчишка тоже прижмурился, чтобы собраться с мыслями. Было, конечно, страшно, но сильнее страха была досада на себя: олух! Пенёк!! Тупьё!!! Ну не мог догадаться, что, едва ЭТИ решат, что могут справиться без него, как тут же постараются его... Понадеялся, что будешь нужен им до последнего, а там улизнёшь?

Шурка открыл глаза. Его связали надёжно — руки за спиной, ноги в щиколотках и коленях. Лежать было неудобно... Часа через три эти скоты доберутся до той стороны болота. Потом будут долго искать "чудной овраг" и «курган». К темноте вернуться и начнут выяснять, куда проводник их завел...

Нет, дожидаться этого определённо не стоит. А что делать?

" — Вы заблокированы противником в комнате с единственной дверью. Каковы ваши действия?

— Я выпрыгну в окно.

— А окна нет.

— Будет."

Будет.

Шурка осторожно перекатился на другой бок. Охранник всхрапнул. По лицу спящего разливалось явное довольство при не отпускавшей и во сне мысли, что он сидит на солнышке в спокойной брошенной деревушке, а двое его приятелей — и сам БОСС!!! — сейчас тащатся вокруг болота.

Мальчишка расслабился, превратился в кисель. Осторожно потянул руки. Его связывали умело, очень умело. Взрослый, даже тренированный, пожалуй, не мог бы вывернуться... Но у одиннадцатилетнего пацана и суставы, и мышцы, и сухожилия, даже кости — другие, не такие, как у взрослого... Главное — терпение и умение... ага!

Не сводя глаз со спящего, Шурка освободил левую руку. Кожа на запястье была сорвана, лохмотья её затекали кровью. Плевать... Работая зубами и левой, Шурка содрал остатки верёвок с правого запястья. Сел, в два рывка освободил щиколотки, потом — коленки. Бесшумно встал... и никуда не побежал, а нехорошо усмехнулся...

... Амбал проснулся от того, что какая-то штука больно скользнула в рукав и, рванув спину, проскочила во второй. Он тупо со сна раскрыл глаза и секунду две-три обалдело смотрел, как мальчишка почему-то свободный — быстро и умело приматывает конец какой-то длинной толстой палки к забору лохматой верёвкой. Потом — взревел, рванулся... и не мог встать.

Быстро и умело просунутый через рукава камуфляжа длинный кол не дал этого сделать.

Амбал онемел от ярости и растерянности. И молча наблюдал, как мальчишка, даже не очень торопясь, посвистывая, обошел его с другой стороны и прочно зафиксировал второй конец кола за скамейку.

— Ууууу!!! — лесным демоном взвыл амбал, рванувшись снова.

Тщетно. Прочная фирменная ткань даже не крикнула. Мальчишка отступил на пару шагов, удовлетворённо окинул взглядом свою работу и кивнул:

— Очень плохо.

— Уууу... бью!!! — родил крик души охранник, дёргаясь, как бабочка в коллекции. Мальчишка наблюдал за ним с холодным интересом коллекционера. — Щенок! Я тебе... я тебе ж... в лохмотья порrrrrrvууу!!! — и он начал лягать воздух ногами в ботинках сорок шестого размера.

— Ай-ай, как нехорошо ругаться при детях, — спокойно заметил мальчишка. — Не уходите, дяденька, я сейчас... — и он исчез, но лишь затем, чтобы через полминуты вернулся с двумя длинными колыями и увесистым булыжником.

— А... — охранник сглотнул. — Э... па... пацан, э... а это... оно?... Это тебе зачем?

Мальчишка приставил один кол к животу охранника острым концом и примерился беспощадным глазом. Амбал закрыл глаза.

Когда он их открыл, оба кола были напрочно вогнаны по самые раздвоенные верхушки в землю у ног охранника — прямо через штанины, аннулировав возможность дергать ногами. Мальчишка молча исчез опять и появился с охапкой хвороста, который любовно и умело разложил «колодцем» между ног амбала. Ловко и деловито наломал растопку, начинив ею импровизированный сруб. Спросил, похлопав себя по карманам и покачав головой:

— У тебя спички есть?

Амбал вырубился...

...Шурка не очень-то спешил. Предварительно он раскидал по округе, загладил (самым примитивным и вызывающим способом) и перепортил почти всё оставленное снаряжение, а продукты стаскал в заброшенный погреб, который и сам-то обнаружил случайно. Охранник помалкивал — не хотел привлекать к себе внимания.

Мальчишка посмеивался про себя. Сейчас он сделает ноги — и дня через два будет у людей. А эти... Ну что ж с этим предстоит выбираться не меньше недели — или зимовать в Лядском Побойще.

— Большой Ха... — пробормотал он. — Большой Ху. Тебе. А не клад...

Он совсем уж собирался припустить к околице — конечно, в противоположном направлении — когда затормозил и принюхался.

Пахло дровами. Костром. И не оттуда, где разогревали завтрак "искатели приключений на свою голову" во главе с "надеждой русского бизнеса".

Шурка осторожным шагом двинулся на запах. Ни за чем, если честно — просто чтобы выяснить непонятное. Обогнул старый погреб, перепрыгнул канаву, вошел в сад, запущенностью больше похожей на лес.

Стоп. За кустами прятались три или четыре улья — старых, но вполне ухоженных. К ним вела довольно заметная тропинка. Дальше — за малиновыми зарослями — виднелся угол дома, тоже не производившего впечатления заброшенного.

Шурке стало не по себе. Он остановился. Перевёл дух и... и пошёл дальше. Любопытство пересилило опасение.

Осторожно обогнув угол дома, Шурка присел на корточки и выглянул.

Около летней печки — точнее, простенького очага для подготовки на открытом воздухе — лежал в траве человек. Навзничь. Это был старик... и он был жив. Несмотря на оторопь и изумление, Шурка видел, как прерывисто вздымается грудь под стареньким пиджаком.

Мальчишка, подбежав, присел на корточки. Коснулся руки человека:

— Дедушка... де... ой!

Глаза старика открылись. В них была боль.

— Сердце... — выдохнули синеватые губы в белой бороде. — Первый раз... вот так...

— Дедушка, — заторопился Шурка, где у вас лекарство... какое-нибудь... ну что сделать?!

— Ничего... — старик вроде бы улыбнулся, пройдёт... А ты... кто?

— Я? — Шурка смешался. — Да так... Как вам помочь-то?!

— Не надо, — сморщившись, старик вдруг сел, привалился спиной к белым кирпичам. Перевёл дыхание, прикрыв глаза. — Старый дурак... Сомневался, вот и... а надо было сказать... им сказать...

— Вы о чём? — непонимающе спросил Шурка. Он не мог понять — то ли старик умирает, то ли ему наоборот — делается лучше. — Что сказать?

— Клад, — отчётливо сказал старик, не открывая глаз. — Клад стрельца, которого Кузьмой звали. Тридцать лет назад нашёл. Случайно. И понемногу перетащил к себе, там... — он повернул голову в сторону избы. — В подполе. Ни за чем. Просто так. А теперь что? Надо было сказать. Старый... дурак.

— Кому сказать?! — изумился Шурка.

— Мальчишка... — старик открыл глаза, сглотнул, кашлянул. — Хороший... да они все трое — Федька, Максимка, Саша — это девочка. Им бы... отдать... я...

— Они были тут?! — вырвалось у Шурки.

Но последний житель вымершей деревни его уже не слышал.

* * *

— Держи, — Саша передала котелок с травяным чаем Макс. Тот сделал большой глоток и спросил Федьку, протягивая котелок ему:

— Ты чего мечешься?

— Я? — Федька встрепенулся, словно его окликнули внезапно. — Чёрт... по-моему, за ними кто-то идёт, — он принял котелок, отпил и пожал плечами: — Даже точно.

— Неужели ещё одна такая... крокогрыза? — Саша передёрнула плечами.

— Человек... — Федька покусывал губы. — Спешит... и, по-моему, один.

— Может, дед Степан решил нас проконтролировать? — предположил Макс.

Федька не успел ответить.

Из кустов, под защитой которых они отдыхали, вывалился мальчишка — в грязном и мокром пятнистом обмундировании, волосы всколочены, высокие ботинки полуразбиты. Видно было, что пацан бежал — долго и без остановок. Явно не узнавая никого, он обвёл мутными запавшими глазами троих вскочивших старших ребят и открыл рот — губы покрывал белый налёт выкипевшей слюны. Но Саша опередила его вскрикнув:

— ТЫ?!?!?! —

* * *

— Я тебя не отпущу!

— Мак, — спокойно и непререкаемо ответил Федька, — я не спрашиваю тебя, что ты собираешься делать. Я ГОВОРЮ тебе, что НУЖНО делать. Это приказ.

— Чёрт! — Макс стукнул прикладом «сайги» о колено и выругался ещё раз, уже круче. — Чёрт! Ты делаешь из меня предателя!

— Глупости, — Федька хмыкнул. — Я задержу их и уйду. А ты за это время вытащить из подвала всё, что там есть. И спрячешь в лесу, как можно тщательней. Встречаемся все четверо утром на той стороне болота, где мы ночевали.

— А если тебя подстрелят?! — с отчаянием спросил Макс. — Одно ранение — и ты падаешь к ним в руки! Тебя даже вытащить будет некому!

— Мы тратим время, — голос Федьки стал жёстким. — Выполнять! Ну?!

— Есть выполнять, — вздохнул Макс и, повернувшись, пошел к деревне. Когда он, не выдержав, обернулся, Федьки уже не было...

...- Сначала я с него сниму штаны и посажу в костёр. Потом, когда у него... тьфу! — Большой Ха выплюнул попавшего в рот паука и, озверелым жестом смахнув с лица паутину, продолжал: — Потом я с него сдеру шкурку и повешу то, что останется, на самые целые ворота в этой деревне...

Тащившиеся следом охранники поддерживали излияние шефа мрачным похрюкиванием. На то, чтобы идти нормально, их уже не хватало — полсуток мотаний по лесу укатали их вконец, а добило постепенно пришедшее осознание того, что пацан их «кинул». И «кидал» с самого начала!!! Поэтому кровожадные планы шефа встречали у них полное одобрение.

Большой Ха был просто зол. Он начал подозревать то, о чём не думали его «бычки» — что его не просто «кинули», нет. Что он попался в ловушку, расставленную хитро и умело... и главные неприятности — ещё впереди. Поэтому он почти не удивился, когда на прогалине перед самым болотом он их окликнул непонятно откуда шедший голос — глухой и размытый, но достаточно отчетливый:

— Стоп, пришли. Кладём оружие, ложимся на траву рылами вниз.

— В стороны! — заорал Большой Ха, неожиданно ловко ныряя за коряжный выворотень. Его охранники, впавшие было в ступор, опомнились и последовали примеру хозяина, выставив

стволы помповых "моссбергов".

— Шеф, засада! — заполошно завопил один. Не стреляйте, мы сдаёмся!!!

— Заткнись, кретин! — прорычал Большой Ха, вытаскивая из-под камуфляжа «беретту» и жестами показывая своим: стреляйте на голос! — Ты кто?! — окликнул он неизвестного. — Чего тебе надо?!

— А я воин земли Русской! — охотно ответил голос — и прогалину заволокло быстрым дымом от выстрелов, перекрыло грохотом «помп» и пистолета. Когда пальба смолкла — только снесенные картечью и пулями листья кружились в воздухе — голос насмешливо прорезался опять: — Ну и дурачье... А чей это зад там торчит? — непонятно откуда грохнул выстрел, и один из охранников, бросив «помпу», взвыл и, выгибаясь, начал кататься по траве. — По-моему, опять в то же место, — заметил голос.

— Мальчишка, — процедил Большой Ха. — Федька Гриднев... — он злым точным движением сменил обойму... и с воплем схватился за кисть, по которой, казалось, ударили кувалдой: — Аааа!!!

Выбитый тяжелым ударом пули пистолет летел куда-то в сторону. А голос заметил:

— Если б ты знал, Хи-Хи, какой ты сейчас убогий... и трусливый. Даже противно... А ты куда?!

Пуля с мокрым шлепком взрыла землю между ног поспешно отползавшего в сторону второго охранника и тот, бросив подальше «помпу», взвыл, стоя на коленях и подняв руки, прямые, как палки:

— Не надо! Сдаюсь! Не стреляйте!

Большой Ха скрипнул зубами, не в силах сдержать бессильного стона. Он физически ощущал насмешливый и презрительный взгляд, понимал, что находится на прицеле... Оба его «бойца» были выведены из строя.

— Вставай, гнида, — голос мальчишки был негромким и усталым. — Вставай, поднимай руки. Или я тебя убью.

И Большой Ха встал.

И поднял руки.

Федька вышел из кустов чуть слева и сбоку от бандитов. Он шел широко и бесшумно, казалось, не пригибая травы и держа всех троих на прицеле полуавтомата. Остановливаясь в двух-трёх метрах.

— Тебе тюрьма будет, Феденька, — сказал Большой Ха одышливо. — Колония тебе будет. А там тебя в первую же ночь зарежут, Феденька, уж я позабочусь. Я...

— Если я тебе позволю жить, сказал Федька.

И прицелился Большому Ха в лоб.

Тот икнул и осёкся.

И в очередной раз посетило его ощущение нереальности происходящего. В реальной жизни четырнадцатилетние пацаны не берут взрослых на прицел. В реальной жизни они всегда слабее. Они — заложники и товар, тихий и покорный, разве что хнычущий иногда, чтобы отпустили. Даже здоровенные, накаченные в тренажерных залах парни.

Но эта реальность, привычная и уютная, где он был хозяином всех положений и судеб, осталось, прах её, за тем чёртовым мостом. А в ЭТОЙ реальности рослый пацан в камуфляже держал дробовик, направив его прямо в лоб "великому и ужасному" — и рука пацана не

дрожала, и глаза за сеткой-маской были спокойными и злыми. Пацану было плевать на деньги, охрану, фирмы, джипы, теневой и легальный бизнес. Пацан был из этой чёртовой глубинки и ничего не знал о правилах поведения — похоже, он знал только, что такое свобода, честь и достоинство — куда более важные вещи, чем личная безопасность. Не ощущалось в нём страха — и что делать в этом случае — Большой Ха не знал. Зато чувствовал: пацан сражается за что-то, чему в лексиконе мира Большого Ха не было названия.

И тогда "надежда русского бизнеса" ЗАВИЗЖАЛА, вскидывая руки и бухаясь на колени:

- Не стреляй! — искренне, первое что пришло в голову. — Пожалуйста не стреляй!!!
- Вяжи его, — приказал, чуть двинув стволом, одному из охранников Федька.

ГЛАВА 9

Иван Сусанин

Три старых потёртых рюкзака, серые от времени, были наполнены доверху. Макс поставил их небрежно, и из одного в пыль просыпались золотые, серебряные и медные монетки, серёжки с камешками, нательные крестики, браслеты, иконки в дорогих окладах — всё то, что четыре века назад собирали на отражение вражьей напасти русские люди этих краёв — и что так и не довез погибший стрелец Кузьма.

Большой Ха и оба его охранника — со связанными за спиной руками — сидели возле лавки, на которой в полуобморочном состоянии покоился их поделщик. Его, конечно, так никто и не удосужился отвязать. Солнце заходило за крыши домов. Федька, устроившись на плетне, жевал бутерброд с трофейной ветчиной, положив дробовик на колено — стволом в стороны пленных. Макс, присев, начал собирать рассыпавшиеся вещи. Задержал в пальцах потёртый серебряный крестик, повертел и, подняв глаза, тяжело спросил Большого Ха:

— И ты, гнида, ЭТО собираешься украсть?

Тот промолчал, угрюмо и опасно. Макс почти удивлённо покачал головой и отвернулся.

— А вон Сашка с Юркой идут! — прыгивая с плетня, подал голос Федька и засмеялся: — Она вся на нервах.

Сашу можно понять. Еле идущего Юрку она, понятное дело, бросить не могла. Он тащился, оглашая воздух то ли всамделишными, то ли притворными жалобами — босиком, повесив ботинки на плечо. Но и идти медленно, не зная, что с мальчишками, она тоже была не в силах, поэтому извелась до последнего предела. И увидев большущую картину финала, бросилась вперед опрометью, покинув младшего мальчишку посреди заросшей лопухами улицей. Макс и Федька переглянулись... но девчонка ухитрилась сграбастать в объятья обоих сразу.

Юрку эти "телячьи нежности" мало интересовали. Он, преобразившись, походкой хищника подошёл к пленным встал возле них. Видно было, что ему хочется учинить нечто зверское, вроде скальпирования тупым перочинным ножом, поливания кипятком и глумления. Но принципы воина не позволяли применять к поверженному врагу физическое насилие без нужды. Поэтому Юрка плюнул в пыль и, обращаясь через голову Большого Ха к пленному им бандиту, сказал:

— Э, ты, кажется, мне хотел ж... порвать в лохмотья? — он повернулся спиной к лавочке и, нагнувшись, непринуждённо спустил с себя штаны с трусами: — Рви, — сказал он через плечо. — Ну?

— Юрка, подлец, прекрати! — взвизгнула слегка пришедшая в себя Саша. Четвёрка бандюг только что не стонала, глядя белыми от бессильной ненависти глазами. Большой Ха лично порвал бы этого пацана не только в лохмотья — вообще пустил бы на комбикорм... но этот гад Федька поднял сетку и смотрел на Большого Ха глазами, от которых становилось нехорошо. Это были глаза, напоминающие Большому Ха спецназовцев, стоящих над

мёртвым телом его "партнёра по бизнесу", закончившего свой путь где-то в горах Чечни, у ног бойцов русской армии. И Большой Ха инстинктом крысы понимал: пацан МОЖЕТ выстрелить. Не сдуру, как иной раз стреляют его ровесники, переигравшие в компьютер и разучившиеся отличать реальность от виртуальности — нет. Наоборот — всё хорошо оценив. И ЭТО и было страшно. "Разозли меня, — холодно предлагали глаза. — Спровоцируй меня, ну?"

И Большой Ха молчал. Благоразумно и абсолютно. Он хотел жить. Очень. Любой ценой.

ЖИТЬ.

— В принципе их можно убить, — сказал Макс холодно и безжалостно.

— Я не могу смотреть, как убивают людей, — возразил Юрка. — Я лучше отвернусь, хорошо?

— Ну, Шурка-Шурка... — пробормотал Большой Ха. Мальчишка рассмеялся:

— Обознались, дяденька. Я не Шурка и не Сусанин. Под кодовым именем «Иван». знаете такого? Он вроде меня был, тоже одних козлов болотами таскал. Погиб, правда... Ну всё равно герой.(1.)

— Не будем мы их убивать, — усмехнулся Федька.

— Не надо нас убивать, правда, — попросил в зад раненый охранник и улыбнулся заискивающе. Юрка сплюнул ему на ботинок. Охранник улыбнулся еще шире.

— Шип очень остр,

— заговорил Федька, глядя в глаза Большому Ха, -

любому вредит,
кто схватит его,
жесток к тому,
кто ляжет на нем...

Это толкование руны «зорн» — «шип» — из " Древнеанглийской рунической поэмы", Филипп Петрович. Вам тут делать нечего. Убирайтесь с нашей земли... Думаю, вы через какое-то время сумеете развязаться и даже подобрать кое-что из вашего барахла... Берём рюкзаки. Пошли, ребята...

... На околице Федька остановился. Сбросил на землю рюкзак, постоял, глядя на деревню — и сказал вдруг:

— Погодите, я через десять минут.

— Э, ты ку... — начал Юрка, но Макс положил ладонь ему на губы и глянул строго...

... Дед Степан сидел около печки именно в той позе, в которой его оставил Юрка. То, что старик умер, Федька понял из далека — и замедлил шаг, но не из страха или брезгливости, а просто из уважения.

У последнего жителя деревни Лядское Побойище было спокойное и умиротворённое лицо человека, до конца выполнившего важное дело и теперь получившего заслуженную возможность отдохнуть.

Федька, нагнувшись, легко поднял старика на руки и внес внутрь. В доме было тепло и тихо. Солнечная пыль клубилась в лучах света, падающих через окна. Отчетливо пощелкивали ходики в углу. Положив хозяина в постель, мальчишка подошёл к часам и остановил их.

Рухнула тишина.

Федька огляделся. Теперь дом был мёртв. Полувыделанная шкура неизвестной зверюги, оголённый череп... Книжки на самодельных полках... Отстранённо слушая свои же шаги, Федькапрошелся по комнатам, легко нешел большую канистру, поболтал — да, там ещё был керосин, с незапамятных времён, наверное. Разливая пахучую жидкость по полу,

Федька вернулся к телу на кровати и думал: вот первый человек, которого я вижу мёртвым так близко...

— Прощайте, — тихо сказал он, пуская канистру на выскобленные доски пола. — Кто знает, может быть, люди ещё вернутся сюда... когда опомнятся — прощайте... — и тихо прочел:

Весь смысл игры — не в выборе ферзя.(2.)
На дисбаланс меж чёрным и меж белым.
Поставить жизнь, как правило, нельзя.
Свою — нельзя.
Твою — поставят смело!
Поторопись — уже второй звонок.
На плечи плащ, зализанный ветрами...
И Тьма призывно ластится у ног,
И пыль иллюзий в одряхлевшей раме,
И боль...
Тупая, с левой стороны.

1. Иван Сусанин — простой костромской крестьянин, в 1613 году заведший в болотистый лес отряд польских воинов, посланный королём Сигизмундом, чтобы предательски убить молодого русского царя Михаила Романова.

2. Стихи А. Белянина.

Твоя любовь теперь тебя не любит.
Шаг — до отбитой войлоком стены...
И дождь по нервам монотонно лупит.
Не умирай, ландграф...
Корявый слог
Скупых доносов ближе укоризне.
Перешагни.
Перелистни листок.
Пусть мир прогнил, а ты устал от жизни.
Но, отражаясь в пламени свечей,
Твоя судьба пригласила в ожиданье
Насмешливого блеска на Мече,
Хранящем
непонятное молчанье...

...Уже на пороге он резко бросил за плечо зажженную спичку. И возле остатков ограды почувствовал, как упруго толкнула в спину жаркая волна рванувшегося из дома пламени.

ГЛАВА 10

Вы зайца не видели?

До железнодорожной станции оставалось всего километров десять, и в принципе можно было их промахнуть разом, не размениваясь на ночлег — а через часок быть дома... но вот только этого никому не хотелось. и со всеобщего молчаливого одобрения Федька объявил последнюю ночевку в лесу. Теперь уже — просто как в обычном беззаботном походе.

Когда все накупались до дури в одном из притоков Вороны, наелись и, в десятый раз пересмотрев доставшиеся им сокровища, успокоенно полуулеглись возле костра, плевавшего высоко в небо алыми языками, Юрка, вытянувшийся возле Макса протянул:

— Вот теперь все будет хо-ро-шо-о...

Старшие засмеялись — беззлобно, добродушно. Федька, потянувшись, вдруг неожиданно для самого себя сильным звонким голосом загорланил:

Дорога лентой кружится, на ней, как блестки — лужицы,
В них небо отражается — здесь лето начинается!..
...Эх-ма, хорошо, у меня в лоточке —
Душистая вишнебочка, селедочка, грибочки!

— и свистнул так, что по лесу шарахнулось эхо, загоняя страхи и нечисть в глубокие трущобы.

— А они, небось, все идут, — заметила Саша и с надеждой добавила: — Может, их кто сожрет?

— Саш, как можно быть такой жестокой? — укоризненно спросил Макс. — Звери потравятся...

— Я вот думаю, — продолжала Саша уже на другую тему, — а что если организовать экспедицию и добыть еще одну такую тварь, как та? Добудем, препарируем и отвезем в область. Дед Семен был бы рад.

— О, это можно обсудить! — загорелся Макс. — До конца лета еще два месяца...

А Федька подумал, что они еще и с этой историей не развязались... но вслух сказал:

— Я в доле... А Юрка спит между прочим.

— Я не сплю, — откликнулся Юрка... но он, конечно, спал, и ему снились костер, и стрелец Кузьма, веселый и оживленный, который молча с улыбкой уходил куда-то в свет, где его встречали суровые, но тоже улыбающиеся ему и ребятам у костра бородатые мужчины... а Федька пел:

Когда ты вернешься — все будет иначе,
И нам бы узнать друг друга...

— а Саша отвечала ему:

Когда ты вернешься — а я не жена
И даже не подруга...

— и их голоса сплетались:

Когда ты вернешься, вернешься
В наш город
обетованный,
Когда ты вернешься —
Такой невозможный и такой
желанный...

...Федька проснулся в полночь и увидел Полярную. Не шевелясь, он одними губами спросил:

— Мы все сделали правильно?

Наверное, это набежало на звезду незаметное облачко. Конечно же. Но Федька мог поклясться, что ему подмигнул Отец Битв.(1.)

1. Одно из прозвищ бога Одина.

Четыре человека в обносках и разбитых ботинках, обросшие и грязные, тащились по утренней опушке мимо болот. Издевательски орали лягушки. Радостно выли комариные полчища.

— Тише! — прохрипел Большой Ха. — Тише! Вертолет!

Все четверо задрали головы и — о чудо! — из-за верхушек деревьев выскользнул, снизился и пошел на второй круг, покачиваясь прозрачными крыльями, мотоплан. Видна была сидящая на втором месте фигурка пилота.

Внизу разразилась буря. Потерявшая человеческий вид четверка прыгала, орала и только что не взмetyвалась на деревья. Мотоплан заложил третий вираж; видно было, как пилот, нагнувшись, что-то выпустил из руки — и маленький предмет, виляя белым хвостиком, полетел к земле и шлепнулся в траву у самых ног страдальцев. Мотоплан качнул крыльями — и ушел за деревья.

Коршуном — слегка исхудавшим, но быстрым — бросившийся на добычу Большой Ха поднял трясущимися грязными руками гайку, в которую был вдет листок из блокнота с поспешными карандашными строчками.

— Не бойтесь, — прочитал Большой Ха и сглотнул. Ожившие телохранители перемигнулись и затолкали локтями. — Не бойтесь, — повторил Большой Ха, — я никому не скажу, что вас видел...

...Длинный тоскливый вой некормленной собаки Баскервиллей пролетел над болотом.

Ему радостно откликнулись лягушки и комары.

* * *

В вагоне поезда кроме ребят сидел еще дремлющий молодой парень в дорогом прикиде, но в забрызганных грязью кроссовках.

Эйфория спала. Вполголоса все четверо советовались, что делать дальше. Лихие партизаны возвращались в печальное "правовое поле" — и не было сомнений, что Большой Ха туда рано или поздно вернется — и тогда... Тогда следовало ожидать самых разных неприятностей. Три рюкзака с ценностями, стоявшие у ног, не очень успокаивали.

Постепенно начатый еще на станции спор перерос в полноголосый разговор, этого никто не заметил — и все четверо удивились, услышав голос их попутчика:

— Вы простите, ребята, но так получилось, что я все слышал... — все четверо повернулись в его сторону. У парня были веселые и внимательные серые глаза и хорошая улыбка, но Саша агрессивно спросила:

— Ну и что?

— Это правда? — вопросом ответил парень.

Четверка переглянулась. Макс поднял бровь. Федька кивнул, и Макс толчком ноги открыл один из рюкзаков. Парень чуть нагнулся. Федька следил за его лицом и не обнаружил на нем жадного азарта — только вспыхнувшее восхищение и легкую зависть.

— Еще вопросы? — уточнила Саша.

— Это не очень хорошая история, — заметил парень, выпрямляясь. — Скажите... а не могу ли я вам помочь?

Они переглянулись снова. И Саша уже без агрессии спросила:

— Чем? Разве вы сын губернатора? Или тайный полномочный представитель Президента?

Парень засмеялся:

— Нет. Но, может быть, я даже лучше... — он достал из кармана пластиковую карточку удостоверения: — Вот. Разрешите представиться: Олег Петрович Горяев, журналист и ведущий программы "Родина моя" на канале "ОблТВ-Центр".

Программу "Родина моя" все знали, хотя никто ее не смотрел — старшие часто хвалили ее за «правильность». Федька, помедлив, неуверенно спросил:

— Ну а... чем помочь-то вы можете?

— А вот, — журналист ногой выдвинул из-под скамьи легкую сумку и достал камеру. — Кто-нибудь из вас расскажет сюда все... — он помедлил, тоже поправился, — ...что сочтет нужным. И я даю вам слово, что через два дня эту историю услышать все жители области.

Без преувеличения разинув рты, четверка смотрела на молодого журналиста. Федька с неожиданно робостью спросил:

— А...а это правда?

— Правда, — кивнул Горяев. — Нет, вы не думайте, я не герой, не борец со злом и не альтруист. Я просто хочу сделать сюжет, а это — отличный сюжет, уверяю вас.

— А Большой Ха... — начал Макс. Горяев поморщился:

— Ерунда. Больше всего такие люди боятся даже маленькой огласки... Ну так как?

Трое мальчишек и девчонка коротко посоветовались. Саша, передвинувшись на край скамьи, слегка напряженно сказала:

— Я согласна. Куда говорить?

— Сюда, просто смотри и говори, когда я скажу "ноль", — Горяев сел удобнее и поднял камеру: — Три... два... один... ноль!

Секунду Саша молчала. Потом провела рукой по волосам и неожиданно ясно, без запинок, заговорила:

— Эта история началась летом 1612 года...

* * *

— Мужчина, вы зайца не видели?

Дежурный по переезду, мирно дремавший у открытой двери будки, вскинулся и решил, что видит сон. Перед ним стояли четыре леших. Трое — здоровенных и унылых — находились в ступоре и смотрели в будку, где на электроплитке варились сосиски. Четвертый — пониже и потолще — смотрел прямо в лицо дежурному и с улыбкой тихо помешанного продолжал спрашивать:

— Вы зайца не видели, мужчина? Такой большой... жирный... сюда побе... — и осекся, уставившись куда-то в направлении сосисок... но не на них. Осмелившись повернуть голову, дежурный увидел на экране маленького переносного телевизора девчонку. Глядя в глаза зрителям, она отрывисто и четко говорила:

— ...вот так это было. Мы не хотели, чтобы эти ценности, собранные людьми для защиты родной земли, пошли на банкеты и презентации для жулья. Мы не хотели, чтобы эти вещи... — камера показала монеты, крестики, серьги, еще что-то, — осели в чьих-то жадных коллекциях. Мы хотели... хотим, чтобы они принесли пользу Родине, пусть и через века. Это — для всех, а не для одного или кучки... Но мы не знаем, как нам быть дальше. Вот и все.

Лицо девчонки исчезло. В студии передачи "Родина моя" известный ведущий Олег Горяев говорил, облокотясь на стол:

— Да, вот и все... Впрочем — не все, нет. И, может быть, как раз и в этот момент Федор Гриднев, Саша Климова, Макс Ковалык, Юра Сусанин и их друзья, все, кто им помогал, доказывают пособникам преступников и бандитов свою НЕВИНОВНОСТЬ. Нам еще предстоит это выяснить...

Тонкий вой заставил дежурного подскочить. Выл упитанный леший — выл в голос, потрясая кулаками над головой, и в этом вое прорезались членораздельные слова:

— Упустил! Упустил!

— Зайца? — тупо спросил дежурный.

ГЛАВА 11

Все дело в том, что я — Бэтмен

Большой Ха тихо покинул Изжевино через два дня после своего возвращения.

Нет, поймите правильно! Он вовсе не хотел покидать Изжевино ТИХО. НИКАК он его покидать не хотел! Но... произошли сразу несколько не связанных друг с другом событий, которые вынудили его это сделать.

Во-первых, Большого Ха не принял мэр. Не открыто не принял, что вы просто сообщили, что мэр в еловой поездке, а ключи от дачи, когда она освободится, следует сдать сторожу поселка... и хорошо бы поскорее, на носу день рождения двоюродного брата тещи... Это не слишком обескуражило воспрянувшего духом в относительной цивилизации "надежду русского бизнеса", и он тут же отправился на встречу со следователем, уже помогавшим ему во время задержания ЮКов. И вот уже события развернулись совсем непонятно.

Следователь молча и хмуро выслушал обтекаемые просьбы «посодействовать», «войти в положение» и обещания «не оставить благодарностью». Потом вдруг сказал, не поднимая глаз от исцарапанной поверхности стола:

— Ничего я не буду делать для вас.

— Что? — Большому Ха показалось вдруг: он ослышался! — Простите?..

— Не прощу, — следователь поднял голову, и Большой Ха увидел вдруг, что он совсем еще молод. — Вот такой, как вы, у меня в детстве... — он не договорил и только добавил: — Убирайтесь, вы!

Большой Ха ушел. Он не собирался ссориться с властью, даже с такой мелкой. А мы так никогда и не узнаем, что там случилось в детстве следователя и почему он вдруг это вспомнил. Больше того, уверяю вас, он не стал немедленно порядочным человеком, не раскаялся и не вернул всех тех взяток, что успел нахватать за недолгий срок своей работы — уже через полчаса в том же самом кабинете он орал на задержанного деревенского мужика и лупил по столу короткой дубинкой...

Но Большому Ха еще раз он помогать не стал. Это уже кое-что...

...Куда большая неожиданность поджидала Большого Ха в лице Гомера. Ближайший помощник вошел в кабинет и без околичностей сказал, называя шефа небывало на "ты":

— Ухожу я от тебя.

— Куда? — весело спросил большой Ха, решив, что это шутка. Он еще ничего не понял! Но Гомер ответил так же спокойно:

— К себе поеду. В деревню. Жить буду. Думать. Может, муллой стану.

— Ты что, рехнулся?! — уже зло спросил Большой Ха. — Что с тобой?! С какого это пня ты от меня уходишь?! Почему?! Ты, что заболел?!

— Потому что ты плохой, — по-прежнему обстоятельно и ровно ответил Гомер.

И вот странность. Это были глупые слова. Наивные, детские слова, особенно в устах Гомера... но Большой Ха почему-то — ИСПУГАЛСЯ.

По-настоящему. Он вскочил и, став похожим уже не на добродушного хомяка, а на загнанную в угол крысу, закричал брызжа слюной:

— А ты?! Ты хороший, да?! Ты святой, что ли?!

— Нет, — покачал головой Гомер. — И я плохой. Очень. Наверное, всех моих грехов не отмолить... Но ты... — он вдруг усмехнулся: — Ты бы и солнце у людей отнял, если б мог. И в свой подвал запер, — и пошел к двери. Большой Ха рывкнул:

— Да я!

— Не грози, — презрительно сказал Гомер на ходу, — не боюсь.

Вот у этого эпизода есть неожиданно продолжение, о котором Большой Ха не узнал никогда, а ЮКи узнали гораздо позже. Гомер отправился напрямик во двор дома, где жил Женька — и наткнулся на него, гонявшего на велосипеде. Женька соскочил наземь и, сжимая руль, попятился, оглядываясь. Но Гомер что сказал ему... и Женька, помедлив, подошел. Они ушли со двора вместе и долго шли до вокзала — Женька вел велосипед и слушал, Гомер тихо говорил. На вокзале вместе подождали поезд, и Гомер, вскакивая на подножку, растрепал Женьке волосы... а тот вдруг замахал рукой отходившему составу — и глаза

мальчишки блестели.

О чем они говорили — неизвестно. Известно другое — уже возвращаясь, Женька обнаружил в сумочке для инструментов плотно скатанный рулон пятисотрублевков. Он в обалдении повертел его в руках, посмотрел со всех сторон, развернул... и к его кроссовкам упала записка — клочок бумаги все с несколькими словами:

НА ОДНОГО СЕБЯ НЕ ТРАТЬ

Слова были искренними, но лишними. Женька засмеялся, сунул деньги обратно и, вскочив на велик, покатыл к штабу...

...И все-таки и эта встреча не была главной. Главная произошла, когда Большой Ха в сопровождении двух охранников (третий был неработоспособен) выскочил следом за Гомером — и буквально наткнулся на пожилого мужчину, по виду работягу, стоявшего возле самых ворот.

— Погоди, — сказал мужчина и, не обращая внимания ни на изумление Большого Ха, ни на туповатое недовольство охранников, продолжил, глядя прямо в глаза бизнесмена своими — немолодыми, усталыми, в прожилках: — Уезжай-ка отсюда. Нечего тебе тут делать. Не пачкай тут у нас.

Охранники зашевелились, но от старого дуба через дорогу отделился и подошел плечистый белокурый парень в тельняшке, джинсах и кроссовках. Он просто встал рядом с пожилым работягой — и охранники увяли...

— Может, позже еще подкатимся? — робко предложил водила. При этих словах один из сидевших сзади заикался и затрясся. Большой Ха посопел и вынес вердикт:

— Не стоит. Мальчишки — это надолго.

И гордый джип унесся по мостику обратно в "цивилизованный мир". Он заметно хромал — при выезде из Изжевино неизвестный доброжелатель как-то проколол ему два колеса.

* * *

Мэр подал в отставку через два дня после отъезда Ха. Его заместитель, давно подсиживавший шефа, туи же объявил в городе эру процветания и поклялся, что будет беспощадно бороться за счастье и благоустройство малой родины.

ЮКи ему не верили. Впрочем — они были заняты. Во-первых, прибыл вызванный матерью Макса специалист по планировке и прочей фигне, которому было поручено создать план парка и — по возможности — эскиз памятнику стрелцу Кузьме. Во-вторых, в «юнгкомандо» просились еще полдюжины пацанов и пара девчонок, их нужно было «обкатать». В-третьих, начались споры из-за того, сколько и кому будет выплачивать государство от стоимости найденного клада. В-четвертых, на обоих Гридневых подал в суд комитет по защите животных — пока это никак не мотивировалось, но Федька предполагал, что будет интересно.

Короче, дел хватало, как с удовольствием констатировала Саша, когда они вчетвером сидели в штабе и расслаблялись лимонадом.

— А все почему? — торжествующе вклинился Юрка, болтавший ногами на верстаке.

— Интересно, — согласился Макс, что-то чертивший при свете переноски.

— А все потому, что я — Бэтман! — торжествующе объявил Юрка и пояснил в недоуменном молчании: — Это меня так дядя Сергей Маршал назвал, когда мы с ним вчера над Баклашовкой летали. Вашего зверя выслеживали.

— Что ж, может и поэтому, — согласился Федька. — Кто против нас, если с нами Бэтман... Только Юр. По-моему, ты круче.

ЭПИЛОГ

— Ты видел? — спросил Макс.

Федька кивнул.

Друзья стояли на железнодорожной насыпи и смотрели, как по трассе удаляется мотоцикл с Дублем, на заднем сиденье которого прочно устроилась Сашка.

— Ну что, он хороший парень, — сказал Макс.

Федька кивнул.

— Пока, — сказал Макс.

Федька кивнул.

Макс вздохнул и ушел.

Федька опустился на рельс, потом лег поперек, закрыв глаза. Рельсы гудели. По этой ветке уже давно не ездили поезда, но Федьке представился скорый, который мчится в края, где сейчас отец — куда-то за Урал... Ему хотелось плакать и не находилось никаких мудрых слов и рун. За веками в июльском небе плавало солнце.

Федька вздохнул и сел. Обнял колени. И вдруг услышал чей-то всхлип.

Нет, это был не он. Но всхлип повторился, и Федька, поднявшись, осторожно спустился под насыпь.

Там, в высокой пыльной пыли, сидел, сжавшись в комок, мальчишка лет 10, одетый в грязные джинсы и красную майку, босой. Услышав шаги, он вскочил было, но запнулся о камень и сел снова, не пытаясь больше бежать и зажав ступню пальцами. По щекам катились бессильные слезы, а глаза были, как у больного щенка — тоскливые, безнадежные и бесстрашные. Мальчишка не был похож на «уличного» — да и одежда, как присмотрелся Федька, оказались дорогой, хоть и перепачканной и мятой... а лицо, глаза — хорошие, без злой настороженности, развязности или жуликоватости.

Федька сел в пыли и сказал:

— Уехала, брат. Вот такие дела... А ты чего тут сидишь?

Мальчишка ткнулся в колени и забубнил, снова заплакав, но сквозь его судорожные слезы Федька понял, что он голодный, кроссовки отобрали на соседней станции какие-то ребята, мам в больнице, а его вышвырнули из дома родственники отца — далеко, в Курске, и он уже полтора месяца вот так...

— Тебя как зовут? — спросил Федька сухо. Мальчишка устало провез по коленке щекой и сипло сказал:

— Федор...

Федька хмыкнул и встал. Сказал, глядя вдаль на рельсы:

— Ну пошли, Федор.

Мальчишка вскинул глаза, ошетинился и слегка отодвинулся:

— Куда?

— Ко мне, — сказал Федька, потягиваясь. — Поешь, поспишь, а там решим...

— А ты кто? — осторожно и опасливо спросил мальчишка, не вставая

— Я? — Федька посмотрел на него сверху вниз. — Я викинг.

У мальчишки открылся рот и распахнулись глаза, моментально просохшие и наполнившиеся через край удивлением. Он моргнул и хотел сказать, что так не бывает. Но перед ним стоял рослый, плечистый светловолосый "большой мальчик" с открытым спокойным взглядом, в джинсах, джинсовой безрукавке и высоких ботинках. И замученный последними шестью страшными неделями мальчик вдруг ПОВЕРИЛ. Поверил в кусочек сказки, кусочек фильма, кусочек надежды.

— Настоящий? — тихо спросил он.

— Настоящий, — сурово сказал Федька.

Мальчишка громко сглотнул. И сказал:

— Пошли. А кто у тебя дома?

— Пока никого, — ответил Федька, — а скоро приедет отец.

— Он яrl? — с восторгом спросил мальчик. Федька серьезно ответил:

— Он конунг. С ним и решим, как тебе помочь.
Маленький тезка вложил свою руку в ладонь Федьки.
И они пошли по шпалам — туда, где начиналась окраина поселка.

ОТ АВТОРА

Эта история никогда не происходила в, так сказать, «собранном» виде.
На свете нет поселка городского типа Изжевино и не существует клада стрельца Кузьмы, тайну которого хранил старый тополь.
Но я спешу оправдаться.

Я не выдумал ни одного из своих положительных персонажей — ни основных, ни второстепенных, ни «проходных». Когда пишешь о современной России — не нужды выдумывать хороших людей. Они существуют: от четверых ЮКов, до рыжего пацана, заработавшего на зверской арене деньги для своего брата. С одними я знаком лично, о других мне рассказали. Я лишь дал им новые имена и фамилии, да по новому выстроил связи между ними. Прошу прощения лишь у памяти НАСТОЯЩЕГО командующего ВВС Абхазии, отважного пилота-спортсмена Олега Чамбы, погибшего в боях за независимость Родины, за которую он отважно сражался...

Не выдумывал я и персонажей отрицательных — к сожалению, в этом тоже нет нужды. Человечки типа Большого Ха или изжевинского мэра, существую в реальности и даже тащатся управлять нами. К нашей части, у них это не всегда получается, поэтому они ненавидят нас — они еще и боятся, поэтому гадости делают либо тайно, либо прикрывшись выдуманными ими самими "законами"

О рукопашных боях подростков без правил мне рассказывал человек, участвовавший в арестах организаторов этого зрелища, записи широко расходились в США и Европе.

А что до кладов — их находят часто и повсеместно. И распоряжаются ими по-разному...

Странные животные и странные существа живут в лесах России. Их не очень много, но они есть.

Немало тех, кто имеет власть, в самом деле недолюбливают подростков — и не за то, что те выпивают и курят, а за то, что подростки зачастую не могут смириться с «правилами», по которым живет взрослый мир.

А умение стрелять действительно намного важнее, чем умение дергать «мышкой» по коврику... хотя лично я умею и то и другое.

Чего и вам желаю.

Автор.

К О Н Е Ц